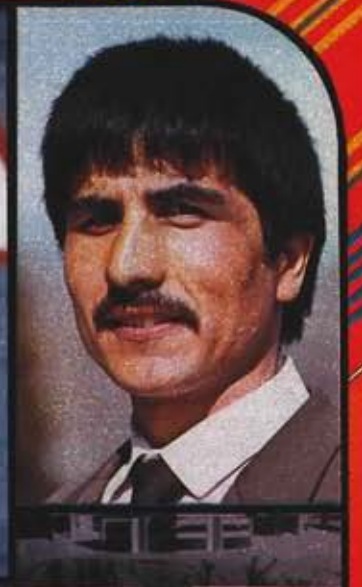

8

ISSN 0131-6656

СМЕНА

АПРЕЛЬ '87

СЪЕЗД ВЛКСМ

ОБНОВЛЕНИЕ

Съезд Союза коммунистической молодежи. Веха, этап, важная дата в истории нашего комсомола, уже более шести десятилетий носящего имя Владимира Ильича Ленина.

Коммунистическая молодежь собирается на свой форум в ответственный, переломный период жизни советского общества, всей страны — период обновления, революционного преобразования, демократизации, гласности. Определить задачи своей многомиллионной организации и призваны делегаты комсомольского съезда. Задачи, которые перед всеми нами поставила партия и само время.

Ленинское указание, совет, требование сосредоточить в такие дни — дни отчета перед собой, перед партией, перед народом, дни высокого духовного подъема — внимание на нерешенных вопросах и проблемах звучат сейчас как никогда актуально. И навечно остаются актуальными слова Владимира Ильича, сказанные на III Всероссийском съезде РКСМ в его речи перед молодыми.

«Нам что нужно? — говорил Ленин. — Нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов». И настаивал: «Всю сумму человеческих знаний вы должны критически проработать, усвоить».

Все мы — свидетели того, как торжествуют ленинские принципы в партийной и государственной жизни. Откровенное партийное слово с трибуны XXVII съезда КПСС побудило страну, весь народ встать на путь небывалых по размаху, революционных по содержанию преобразований. Глубокая человечность, спокойная и мужественная критичность, строгая научность подхода ко всем вопросам, смелый поиск непроторенных дорог — такова сегодня линия нашей жизни, намеченная партией.

Вот в какое время собирается комсомольская молодежь страны на свой съезд. Вот какое время предъявляет особые требования коммунистической молодежи. Вот когда комсомольские организации страны отчитываются в том, что сделано, намечают то, что необходимо сделать, обсуждают наиболее сложное. Молодежь должна, обязана воспринять все лучшее, что накоплено нравственным, трудовым, духовным опытом всего нашего общества. Общества, которое уже семь десятилетий живет под знаменем Великого Октября.

Накануне комсомольского съезда мы вновь и вновь обращаемся к важнейшим граням, аспектам, сторонам всей жизни молодежи, ее трудовой, производственной, патриотической, нравственной, художественной деятельности. Обращаемся — в порядке отчета и самоосмысления перед съездом — к главным темам, на протяжении многих лет разрабатывавшимся «Сменой». Комсомольским журналом, который всегда стремился быть журналом партийным, всегда видел себя в одном неизменном качестве — в качестве рядового советской журналистики.

Порыв души, стремление внести свой личный вклад в решение больших задач подтверждает жизненность революционных и трудовых традиций, силу патриотического воспитания, неизменно зовущего молодежь к осуществлению самых важных, самых неотложных дел.

На страницах этого номера, посвященного XX съезду ВЛКСМ, мы продолжаем разработку насущных проблем жизни и деятельности молодежи. Проблем, требующих постоянного внимания. Проблем, которые необходимо ставить и решать. О них говорят делегаты комсомольского съезда и наши авторы.

«Особое внимание журнал уделяет освещению жизни рабочей молодежи», — сказано в программе журнала, опубликованной в первом номере еще в 1924 году. О недостаточном внимании к нуждам и заботам трудящейся молодежи на одном из передовых предприятий страны идет речь в материале специального корреспондента «Смены».

Тема освоения нефтегазоносных районов Западной Сибири на протяжении почти трех десятилетий не сходит со страниц журнала. Что нового в молодых городах, в каких условиях живет и трудится молодежь в осваиваемых районах комсомольских ударных строек? Мы продолжаем разговор о регионе, родном для «Смены», подшефном не по формальному, декларативному счету, о котором вспоминают лишь во время юбилеев.

Социологический эксперимент журнала — постоянное наблюдение за военной службой девяти солдат одного призыва — естественное продолжение того многолетнего внимания, которое всегда уделял журнал военно-патриотическому воспитанию молодежи. Ни журналисты, ни читатели «Смены» никогда не вправе забывать о том, что в годы Великой Отечественной «Смена» была военным журналом комсомола.

Убежденность в том, что забота о подрастающем поколении должна выражаться в конкретных делах, а не в призывах и декларациях, лежит в основе нашей работы над материалами рубрики «Детский дом — теплый дом». Именно в реальной помощи воспитанникам детских домов мы видим задачу комсомола и комсомольского журнала. Это реальные дела — сбор книг для ребят, улучшение их быта, обеспечение их одеждой и всем необходимым.

Духовное, нравственное, физическое здоровье молодежи, проблемы самовоспитания и повышение культурного уровня, приобщение к вечным ценностям, к искусству, знание истории родной земли и своего народа, формирование граждански активной личности — все эти вопросы постоянно находят и будут находить отражение на страницах журнала.

Эти строки — не путеводитель по номеру, который сейчас перед вами. Это — наша программа, отвечающая духу комсомольского съезда и требованиям самого времени.

Останется то, что построено.

И останется то, что посажено.

Не только в земле, но и в душе.

Быть там, где особенно трудно, а стало быть, особенно интересно.

Создавать сплав таких качеств, как активность, ответственность, чувство долга, готовность делом на все ответить, образованность, критичность, обостренное понимание справедливости, уверенность в силах собственных и в силах страны, радостное чувство сопричастности к великим событиям, которые совершаются сегодня и которые предстоит совершить завтра.

Вот что мы считали своим долгом сказать вам, дорогие читатели, накануне такого события в жизни молодежи всей нашей великой страны, как XX съезд ВЛКСМ.

Время предъявляет особые требования к коммунистическому воспитанию молодежи. И все мы обязаны помнить, что задачу Владимир Ильич Ленин сформулировал так: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

Учащийся СПТУ № 2 г. Казани,
делегат XX съезда ВЛКСМ

Александр Зубринкин:

— Я пока «пэтэушник» и о будущем судить по-взрослому не могу. Но меня беспокоит, что мечтаем-то мы об одном, а мечты потом сменяет совсем другое. Я не о том, что хотелось бы все готовенькое, нет. Я о том, чтобы всегда и во всем мог чувствовать: ты нужен.

От XXVII съезда партии до комсомольского съезда прошло всего немногим более года. Сегодня мы видим перемены, происходящие в обществе. Перемены в экономике и нравственной атмосфере, перемены в сознании людей. Конечно, работа еще предстоит огромная, но уверенное начало ей положено.

А какие перемены происходят в жизни рабочей молодежи, в жизни комсомольских организаций заводов истроек? Как молодежь участвует в реализации решений партийного съезда?

Сегодня красивыми отчетами никого не обманешь. Сегодня требуется реальное участие заводской комсомолки в самых важных делах, конкретная инициатива, деловитость, а не парадная шумиха, надуманные починки. Нашел ли комсомол свое место в общей перестройке, в ускорении научно-технического прогресса, в управлении экономическими, социальными процессами?

Надо признать: комитеты комсомола многих предприятий оказались в растерянности перед новыми требованиями. Любой комсомольский лидер, поговори с ним, тоскует по живому, конкретному делу. Но таких дел — только оглянься вокруг! Организация настоящего соревнования, научно-техническое творчество молодежи, повышение качества продукции, ускорение социального прогресса — да на каждом заводе масса этих и иных проблем, так или иначе касающихся молодежи. Может ли комсомол стоять в стороне от заводских дел? Он и не стоит в стороне, участвует во всем. Но по большей части — поверхностно, формально. Вот почему потерял интерес к насущным повседневным делам, вот откуда растерянность: прежние методы и формы работы явно не годятся, а новых еще нет, но их никто и не преподнесет в готовом виде.

На заводах и стройках — огромная армия молодых рабочих. Это мощная, но зачастую пассивная сила. Как активизировать ее? Только неформальными, конкретными начинаниями.

На съезде ВЛКСМ пойдет откровенный разговор о назревших проблемах. Мы знаем, что делегаты съезда настроены по-деловому, что они не хотят больше парадности, шумихи, бумаготворчества — это показали предсъездовские конференции, прошедшие в неравнодушной, творческой атмосфере. Перемены в комсомоле не осуществляются сами собой. Мы еще только в начале трудного пути. Но делать первые шаги на нем надо без промедления.

ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ

МЕСТО МЕСТО

на заводе, в жизни

Тот, кто подписался на «Смену» или купил в киоске второй номер, приносил почитать журнал товарищам на завод. Журнал ходил по рукам, пока еще можно было разобрать текст. Общее внимание привлек не детектив и не фантастический рассказ. Во втором номере «Смены» была опубликована статья «Обещанного... не ждешь?», в которой говорилось о проблемах, вставших перед коллективом Ивановского станкостроительного производственного объединения. Она-то и вызвала здесь, в Иванове, весьма широкий резонанс.

Напомню вкратце, о чем шла речь. О достижениях ивановских станкостроителей сказано и написано много — лучший в отрасли коллектив, выпускающий продукцию на уровне мировых стандартов. Но похвалы уже не вдохновляют — скорее раздражают заводчан. Почему? Да потому, что наряду с производственными успехами существуют все обостряющиеся социальные проблемы. Об этом, как правило, умалчивается. Мне же показалось, что по отношению к передовому коллективу допущена большая несправедливость. Тот, кто работает лучше, и жить должен лучше, не так ли? На деле же, как выяснилось, станкостроители не имеют никаких преимуществ по сравнению с коллективами средними и даже отстающими. Более того — они находятся где-то в хвосте при распределении социальных благ: мало строится жилья, почти отсутствуют культурные, бытовые и спортивные объекты. Дошло до того, что кое-кто в городе стал посмеиваться: «Ну, и чего вы добились, передовики? Стараетесь, из кожи лезете, а живете хуже всех».

Мы обещали читателям вернуться к поднятой теме. И вот повторная командировка в Иваново...

С точки зрения директора

Мнение глубоко уважаемого человека, генерального директора объединения В. П. Кабаидзе интересовало меня особо, поскольку в прошлой статье прозвучала критика и в его адрес: все внимание и силы отдаст совершенствованию станков — спасибо за это, но вот о людях думает меньше.

— Вы правильно отметили, — сказал Владимир Павлович, — что наши работники чувствуют допущенную социальную несправедливость. Но причина несправедливости не в злой воле отдельных лиц. Главная причина в том, что у нас распределение социальных благ не связано с конечным результатом работы предприятий. Это можно проиллюстрировать на таком частном примере, как дележка путевок в дома отдыха между заводами. «У вас работает шесть тысяч человек? Получите шесть сот путевок. Три тысячи? Триста путевок». Все зависит от численности, а то, что на нашем заводе люди работают вдвое лучше, интенсивней, никакого значения не имеет. Справедливо ли? Казалось бы, чем больше трудовой коллектив дал обществу, тем больше он может получить для своих нужд. На деле все иначе. Я вам могу назвать ивановский завод, где производство в полном развале, зато с соцкультбы-

том все в порядке. Сложилась и укрепилась такая потребительская психология: сначала дайте нам всевозможные блага, а уж потом мы их отработаем. И ведь дают! Стало правилом, и оно не меняется, давать «на бедность». А бедных-то еще хватает... И каждый старается выпросить незаработанный кусок общественного пирога.

— Но не только же просят, многие что-то делают и собственными силами. Рабочие показывали мне на соседней — завод автотрансов. Там жильные дома каждый год возводят. Дом культуры построили, стадион, тир... И все — сами, хозспособом.

— Хорошо, поговорим и об этом... Что такое хозспособ? Кирпич — укради, цемент — укради... Нет, прямо так не говорят, но это само собой подразумевается. У меня был знакомый директор в другом городе, его местные власти уговорили строить хозспособом. А потом за этот способ исключили из партии, сняли с работы. Нет, личных выгод он не имел, но при таком способе строительства трудно обойтись без нарушений. Вы думаете, за директора кто-нибудь заступился? Конец трагический — человека нет на этом свете... После небольшой паузы Кабаидзе добавил:

— Больше года назад мне сказали: нынче стройматериалы под хозспособ дают на вполне законных основаниях. Прошу: так давайте, буду строить! Год прошел — ничего нет... В войну были на фронте ударные батальоны — сам в таком воевал, — им доставалась самая тяжелая работа, но и некоторые преимущества тоже. Мы и сейчас считаемся как бы ударным батальоном — в промышленности, — только без всяких преимуществ в социальной сфере. Мы отстали по этой части еще и потому, что находимся в Иванове.

— ?
— А все очень просто. Долгие годы большую роль играло местопребывание предприятия. Если заводы находились в Москве, Ленинграде, других столичных городах — им все давалось щедрой рукой и в первую очередь. Капиталовложения, фонды, лимиты — все уходило на столицы. Знаете, в чем меня однажды упрекнули? «У вас на заводе средняя зарплата выше ленинградской». Так у нас и рост выпуска продукции, и качество, и производительность труда выше! Нет, на это не смотрели. Нельзя «обгонять» столичный город — и все тут. Так о какой социальной справедливости можно говорить?.. Вы успели посмотреть наш город? — спросил неожиданно директор.

— В общих чертах — да.

— И каковы впечатления?
Мне трудно было коротко сформулировать довольно противоречивые впечатления. Бросались в глаза пестрота, некомплексность городской застройки, неблагоустроенность. По соседству с более менее современными проспектами тянулись чисто деревенские улицы: город застраивается не по плану, а там, где инженерные коммуникации позволяют «приткнуться» дом или какой другой объект.

— Бедновато живет город, — попробовал я найти выражение помягче.

— Город нищий, запущенный, — уточнил генеральный директор. — Это тоже

результат распределения капиталовложений по «географическому» принципу. Конечно, министерство выделяло нам средства, но требовало вкладывать их только в промышленное строительство. Вот и строим третий год огромный сарай, зарываем в землю миллионы.

«Сараем» Кабаидзе обозвал новый сборочный корпус сметной стоимостью 97 миллионов рублей. В свое время по этому поводу был острый конфликт с министром. Не нужен заводу новый корпус, доказывал директор, запланированный прирост продукции можно дать и на старых площадях, если направить силы и средства на реконструкцию, техническое перевооружение предприятия. Это, кстати, обошлось бы гораздо дешевле, а сэкономленные миллионы и стройматериалы можно было отдать как раз на соцкультбыт. Но директору при всей его «пробивной» силе не удалось отстоять свое предложение.

— Сейчас удалось бы, — сказал он мне. — А тогда... Тогда даже крайне необходимый инженерный корпус — вы видели, в какой тесноте работают наши конструкторы? — норовили вычеркнуть из планов строительства.

— Ваш «сарай» потребует новых работников, а они в свою очередь потребуют...

— Нет. Мы поставили цель: за счет автоматизации, механизации процессов обойтись своими силами. Думаем, что людей со стороны приглашать не придется.

С точки зрения рабочего

Рабочие, инженеры полностью поддерживают выступление «Смены». Говорю об этом смело, поскольку встречался не с двумя-тремя — со множеством людей.

В прошлой статье, надо отметить, была допущена неточность. В список отсутствующих на заводе социальных благ попали, между прочим, и модные нынче сауны. В этот приезд мне показали сауны в трех цехах и четвертую — строящуюся. С бассейнами, великолепными комнатами отдыха, телевизорами и самоварами... Оздоровительный комплекс — так это называется — литейного цеха даже экспонируется на ВДНХ.

Но... доступ туда рабочим из других цехов — то есть подавляющему большинству — практически закрыт: пропускная способность оздоровительных комплексов невелика. Да и удовольствие это далеко не на каждый день.

Рабочие водили меня по своим тесным раздевалкам, почерневшим душевым, и я начинал понимать, почему упоминание о саунах вызывает одно раздражение: где-то — телевизор в бане, а тут элементарного повседневного минимума нет. После смены — толпа в бытовках, как в автобусе в час пик; очередь к умывальникам, очередь в душ...

В январе ивановцы посмотрели очередную телепередачу о своем заводе. Рассказывалось, в частности, и о том, как улучшаются условия труда и быта.

— И что, — интересуюсь у слесарей-лекальщиков, — показали с экрана?

— А что показывать? Диктор текст прочитал — и все.

Надоела людям показуха. Завод не обижен вниманием: часто сюда приезжают высокие гости из столицы, иностранные и наши делегации, теле- и киногруппы... Любый хозяин перед приходом гостей наводит в доме порядок. Но то, как он живет в остальные дни, в конце концов его личное дело. Когда же в инструментальном цехе спешно выдают новые спецовки, заколачивают дверь в туалет и пишут на ней «ремонт», а после отъезда тележурналистов доски отдирают и надписи стирают — это уже выглядит по меньшей мере насмешкой над рабочими.

На обрубном участке литейного цеха в день приезда очередной делегации рабочим... запретили работать. Чтобы грязь и пыль не было.

— Раньше к нам каждую неделю директор заглядывал, — рассказывали обрубщики. — Потом стал ходить главный металлург. Потом — начальник цеха. В последнее время никого не видим.

Заведешь об этом разговор с руководством и слышишь:

— А вы знаете, какие у них заработки?

Знаю, неплохие. Только при чем тут заработки? Рабочие не украли эти деньги — заработали. Причем на вредном производстве, за которое, кстати, полагается пол-литра молока в день. Когда я к слову вспомнил про молоко, молодой обрубщик Николай Лазарук вытащил из кармана спецовки неиспользованные талоны за прошлый месяц, смял и выбросил: молоко в столовую привозят обычно уже после того, как у рабочих заканчивается обед.

Довольно распространенное и стойкое убеждение: высокая зарплата оправдывает плохие условия труда, невнимание к человеку, нераспорядительность администраторов. Что там молоко... В январские дни обрубщики работали при минусовой температуре в цехе, потому что вместо стекол на окнах — полиэтилен и доски, а калорифер гнал только холодный воздух. Для обогрева рабочие жгли кокс в больших железных бочках.

Помню, я удивлялся, почему рабочие-сдельщики неспешно беседуют со мной и никуда не торопятся. Пояснили: начало месяца, нет литья. Свою высокую зарплату они начнут зарабатывать через неделю. Точное количество сверхурочных часов трудно назвать, поскольку далеко не всегда они согласуются с профсоюзом. Ради плана часто закрывают глаза на нарушения трудового законодательства; Ивановский станкостроительный в этом смысле не исключение. В последнюю неделю никто не спросит у Николая Лазарука, например, сколько часов он держит в руках отбойный молоток или шлифовальную машинку. А ведь он не имеет права — подписку давал! — работать виброинструментом больше двух часов в смену. Значит, заработает ли Николай профессиональную виброболезнь — это вроде его личное дело. Зато строго следят, чтобы сейчас, пусть и нет на участке работы, он никуда бы не отлучился отдохнуть: раз время рабочее — стой и дыши этой пылью, иначе попадешь в нарушители. Впрочем, пойти отдохнуть все равно некуда. Это удивительно, но не то что комнат отдыха —

во многих цехах рабочие не имеют обычного бригадного уголка, чтобы несколько минут посидеть, сыграть в домино после обеда. Нет места, говорят мне. Но когда потребовалось место для трех новых станков в инструментальном цехе, его быстро нашли — снесли буфет... А у рабочих укрепилось мнение: для руководства на первом плане — станки, на последнем — люди.

Взгляд «со стороны»

Конечно, навязав строительство сборочного корпуса, бывший министр поставил подножку коллективу, отодвинув перспективу реконструкции старых цехов, решение многих социальных проблем. Это, кстати, тоже распротраненное явление: чуть что — бюрократы в министерстве, чиновники в главке. Разве на месте ничего решить нельзя? Можно, как доказывает опыт, если захотеть и взяться за дело.

Начальник теплоэнергетического цеха Анатолий Васильевич Жинкин — человек предприимчивый, болеющий за людей. Свободного места в цехе не было, так он додумался над складом соорудить как бы второй этаж — красный уголок и комнату отдыха. При нем и сауна появилась. Строили, отделяли и оформляли все помещения исключительно своими силами.

Беда еще в том, что внутри самого завода нет общей, целенаправленной системы социального развития, а все зависит от личности того или иного руководителя. Жинкин захотел и сделал, а другому начальнику неохота, некогда такими пустяками заниматься. Упрекнуть его можно — обязать нельзя. Ибо в обязанности начальника входит выполнение плана, а не сооружение бытовых помещений. Вообще в социальной сфере существует какая-то необязательность.

— Вот у нас есть производственный план, — говорил мне по этому поводу парторг литейного цеха стерженщик Валерий Богатов. — В нем все точно расписано: когда, что и сколько надо сделать. План — закон, как говорится. За невыполнение предусмотрена конкретная персональная ответственность. А по социальности такого же четкого плана нет. Одни общие пожелания...

Рабочий, оказывается, всем чем-то обязан, а ему — никто и ничем. Так фактически получается. Скажем, каждый год принимаются совместные обязательства. Если рабочие не справятся с обязательствами по выполнению плана, то пострадают морально и материально. Если не выполнят своих обещаний администрация и руководители общественных организаций — тут урон, как правило, только моральный. Вот говорят мне в бригаде сборщиков Виктора Садовского:

— Каждый год в цеховых обязательствах записывают пункт о бытовых помещениях. И ничего не меняется.

— Но разве и от вас ничего не зависит? — пытаюсь я возразить. — Вы же сами выбираете людей, которые не хотят ничего делать. Кто вам запрещает, допустим, на профсоюзной конференции или собрании проголосовать против и выдвинуть более энергичного товарища?

На меня смотрят иронически. — А вы что, не знаете, как у нас выбирают? Все заранее решено и на машинке отпечатано. И расписано, кто выступит и что скажет.

Я это знаю, но до конца бригаду все-таки понять не могу. Что им все-таки мешает выразить свое мнение, почему они так не верят в свои возможности? Ведь есть у них определенные права, которые никто не отнимал! Или это следствие той социальной коррозии, о которой говорилось на январском Пленуме? Той коррозии, что вызвала падение интереса к общественным делам, проявления скептицизма?

Неверие в наступающую перестройку, видно, у многих. «До нас перемены не доходят. По дороге «вниз» хорошие решения и постановления искажаются» — такое мнение приходилось слы-

шать не только в ивановских бригадах. Что в Хабаровске, что в Иванове — рабочие говорили почти слово в слово: — Нам перестроиться несложно. А вот они, — следовал кивок куда-то вверх, — пока и не думают. Хотя много говорят о человеческом факторе.

Скептицизм, равнодушие стали распространяться и в молодежной среде. В конце прошлого года комитет комсомола провел анкетирование в основных цехах. Хотели узнать настроения молодежи, ее увлечения и запросы, мнения о работе комсомола и конкретные предложения.

Я просмотрел с полсотни анкет одного из ведущих цехов... и стало как-то грустно.

— Чем увлекаетесь в свободное время? — интересуется комитет комсомола.

— Ничем.
— Чем хотели бы заниматься?
— Не знаю; чем-нибудь.
— В чем хотели бы иметь поддержку комитета ВЛКСМ?

— Ни в чем.
— Ваши пожелания в адрес комсомольской организации и комитета ВЛКСМ?

— Никаких пожеланий нет.

Были, конечно, и иные ответы, более деловые и заинтересованные. Но таких, что я привел, — удручающее много. Пожалуй, большинство. Среди пожеланий в адрес комитета комсомола есть и такое: «Чтобы было тепло и не дуло». Это написал в анкете комсорг бригады...

Игорь Щеглов узнал о своем предполагаемом избрании на пост секретаря заводского комитета комсомола за четыре дня до отчетно-выборной конференции. Узнал как о деле решенном.

Для него, как и для всех окружающих, это оказалось полной неожиданностью. Работал Игорь мастером на сборке и был «всего лишь» членом бюро цеховой комсомольской организации. А тут вдруг — целый завод, тысяча двести комсомольцев.

Я вовсе не считаю, будто произошла какая-то ошибка. Наоборот, даже хорошо, что Игорь не прошел все ступени обычной комсомольской карьеры. Энергичен, прост в общении — не похож на молодых чиновников, которые, увы, есть и среди заводских секретарей. Не дипломат: о негативных явлениях и социальных перекосах рассказывает откровенно. Еще в очень многих комитетах целыми днями тишина и покой. Здесь же нам с Игорем и поговорить толком не давали — постоянно заходили молодые рабочие в свой комитет. Кто с чем: группы подводного плавания организовать, строительный отряд к лету создать, спортивный слет провести, решить проблемы по сверхплановому станку к съезду комсомола... Молодые идут в комитет — это уже хороший признак.

Но я сейчас о другом. Комсомольцев постепенно и незаметно лишили их важнейшего права (а может быть, они сами его отдали?) — выбирать своих вожakov. Все заранее решается «наверху», молодым остается только по команде поднять руку, что они безропотно и делают. Выборы комсомольского секретаря на ВАЗе, когда на одно место было три кандидата, каждому из которых дали возможность изложить свою программу действий, — целая сенсация. Хотя, уже всем это ясно, такая практика должна быть нормой. Но повсеместная норма пока еще другая — главные молодежные вопросы решать без молодежи. За нее. Кто, например, на заводе знает, почему недолго проработал «позапрошлый» секретарь? Я-то знаю: случился конфликт с вышестоящим комсомольским руководителем. Не о том речь, кто был прав, кто виноват. Так происходит повсеместно — комсомольских лидеров назначают и смещают без всякого совета с комсомольцами. Даже без объяснений. И все это называется — выборы... Мне видится тут прямая связь с темой социальной несправедливости. Ибо что может быть несправедливее, чем фактическое лишение человека права голоса, полное игнорирование его мнения? Безразли-

чие, сквозящее в анкетах большинства комсомольцев, — тоже прямая реакция на такую несправедливость.

Если б наш разговор с генеральным директором происходил немного позже, после опубликования проекта Закона о государственном предприятии (объединении), то складывался бы он, наверное, иначе. В проекте сказано: «Возможности удовлетворения потребностей коллектива в социальных благам определяются конечными результатами работы предприятия, хозрасчетным доходом коллектива». И еще: «Вопросы социального развития решаются с непосредственным участием всех членов трудового коллектива». Но закон не будет действовать автоматически, без всякого усилия со стороны предприятия.

У ивановцев есть отличный конечный результат. С переходом на самофинансирование у них появилась и реальная возможность распоряжаться частью прибыли, не выпрашивая средства в министерстве. Они готовы уже сейчас вложить миллионы в социальное развитие предприятия, но... никто не возьмет их честно заработанные рубли. Главивановострой в прошлом году впервые за десять лет выполнил план ввода жилья. Да планы-то каковы? Объемы капитального строительства в главке снизились со ста до семидесяти миллионов рублей в год. Почти на треть! Если к этому приложить список незаконченных долгостроев, станет ясно, что заводчанам не приходится рассчитывать на строителей. Открою небольшой секрет: есть договоренность с одним ведомством — в обмен на сверхплановые станки оно будет строить жилые дома для завода. Но и жилье — полдела, частичное решение социальных проблем.

Был у меня обстоятельный разговор с первым секретарем горкома партии Анатолием Федоровичем Гордиенко. Обрисовав сложное положение в городском хозяйстве, Анатолий Федорович отметил, что в ближайшие годы город мало чем сможет помочь заводу — наоборот, он сам ждет помощи от станкостроителей. Ведь в конечном счете то, что заводчане делают (в сфере социальности) для себя, облегчит положение и в целом по Иванову. Короче говоря, социальные блага никто не поднесет заводу на блюдечке с голубой каемочкой. Их придется создавать самим — в реальной обстановке другого варианта нет...

Теперь о другом пункте нового закона. Как рабочие будут участвовать в решении вопросов социального развития?

Сделаю небольшое, но необходимое отступление. Вот совсем, кажется, недавно обсудили и приняли Закон о трудовых коллективах. Возлагали на него большие надежды, рассчитывали, что он поднимет общественную активность, привлечет людей к управлению производственной и социальной жизнью. Кто сейчас на заводах вспоминает этот закон? Руководящие товарищи научились прекрасно его обходить, а большинство рабочих просто не знает конкретно, в чем их новые права и как ими пользоваться.

Много лет рабочего убеждали: «Ты хозяин!» Хозяин завода, стройки, колхоза... Но если я фактически не участвую в управлении своим хозяйством, какой же я хозяин? Участие рабочих в управлении делами предприятия свелось в основном к участию в ПДПС — постоянно действующем производственном совещании. Это когда раз в месяц или квартал соберутся несколько десятков человек, выслушают доклад начальника, поговорят о текущих неурядицах и разойдутся до следующего раза.

Всячески пропагандировалась и такая форма «участия» рабочих в управлении, как пересмотр норм выработки по собственной инициативе. Но рабочий прекрасно знал: проявит он инициативу или нет, а нормы с нового года все равно ужесточат — и сейчас так делается. Независимо от того, внедряются какие-либо новшества или нет.

И среди рабочих сложился определенный психологический тип, его можно условно назвать сторонним наблюдателем. Он охотно критикует, указывает на разные недостатки, но сам активных действий не предпринимает. Такая деталь: во всех цехах станкозавода возмущаются изредка переплавающими производственными наборами. В нагрузку к ним навязывают залежавшиеся товары — мыло, окаменевший кисель в пачках. Полное безобразие, справедливо возмущаются. Но кто-нибудь пришел в партком, профком, к директору и выложил на стол этот издевательский набор?

Мы сейчас сталкиваемся с тем, что выросло целое молодое поколение, не умеющее — или не желающее — пользоваться своими правами. С тем, что воспитание чувства хозяина надо начинать заново. С тем, что вместо общих слов и призывов нужны конкретные демократические перемены в каждом коллективе.

После январского Пленума общественная активность начала выходить из застоя. Острее, критичнее стали выступления на собраниях — это, пожалуй, единственная форма участия в управлении, которой рабочие еще пользуются. Но опять-таки критику на собраниях не отнесешь к действенным формам управления: слишком мы привыкли, что после собраний почти ничего не меняется, выполнение принятых решений не контролируется. Нужно искать новые формы. В том числе и формы коллективного решения социальных вопросов.

— Рано или поздно справедливость все равно восторжествует, — сказал мне напоследок генеральный директор, — и люди в это верят. Многие проблемы сейчас стало легче решать — решим и эти.

Люди действительно ценят свою работу, ценят свою работу — творческую, интересную, — верят и в торжество справедливости. Но им очень нужна ясная (пусть и не сиюминутная) перспектива в отношении условий труда, жизни — такая же, какая существует в делах производственных.

А что в данной ситуации предпринимает заводской комсомол? Единственная практическая задумка, о которой я и в прошлый раз писал, — построить молодежный жилой комплекс. К сожалению, на сей раз мне нечего добавить — идея по-прежнему висит в воздухе. Все вроде бы «за», и средства есть, но нет настоящих организаторов этого дела.

Мне кажется, там, где в нынешнее время молодежь терпит неудачу с МЖК, виной тому в первую очередь ее собственная иждивенческая позиция. Что означает в представлении многих МЖК? Это означает: дайте нам деньги, материалы, технику, и мы построим себе жилье, детсады, клубы и т. д. А отдавать что-то не очень интересно. И тут невольно вспоминаю председателя оргкомитета МЖК из Находки молодого архитектора Виктора Ходырева. Он пришел к руководителям города с конкретной программой, деловыми предложениями: вот, сказал Виктор, что комсомол может и хочет сделать для всего города, а МЖК — сверх того. Совсем иная постановка вопроса, чувствуете? Когда же поддержки на месте оказалось недостаточно, Ходырев побывал у трех министров, но интересы молодежи отстоял.

Нередко на заводах слышу сетования: комсомол постоянно вынужден выступать в роли бесправного протестанта. Но если ты просишь, что-либо предлагая взамен, то обретаешь моральное право требовать как равноправный партнер в общем деле.

...Тема, как видите, не «закрыта». Побываем в Иванове спустя некоторое время после съезда комсомола. Что изменится в работе комсомольской организации, как повлияют решения съезда на общественную жизнь? Какие перспективы появятся у рабочих коллективов? Пока ясно одно: по-старому жить и работать уже нельзя.

Механик треста «Красноярскэкскаватортяжстрой», делегат XX съезда комсомола

Сергей Машкин:

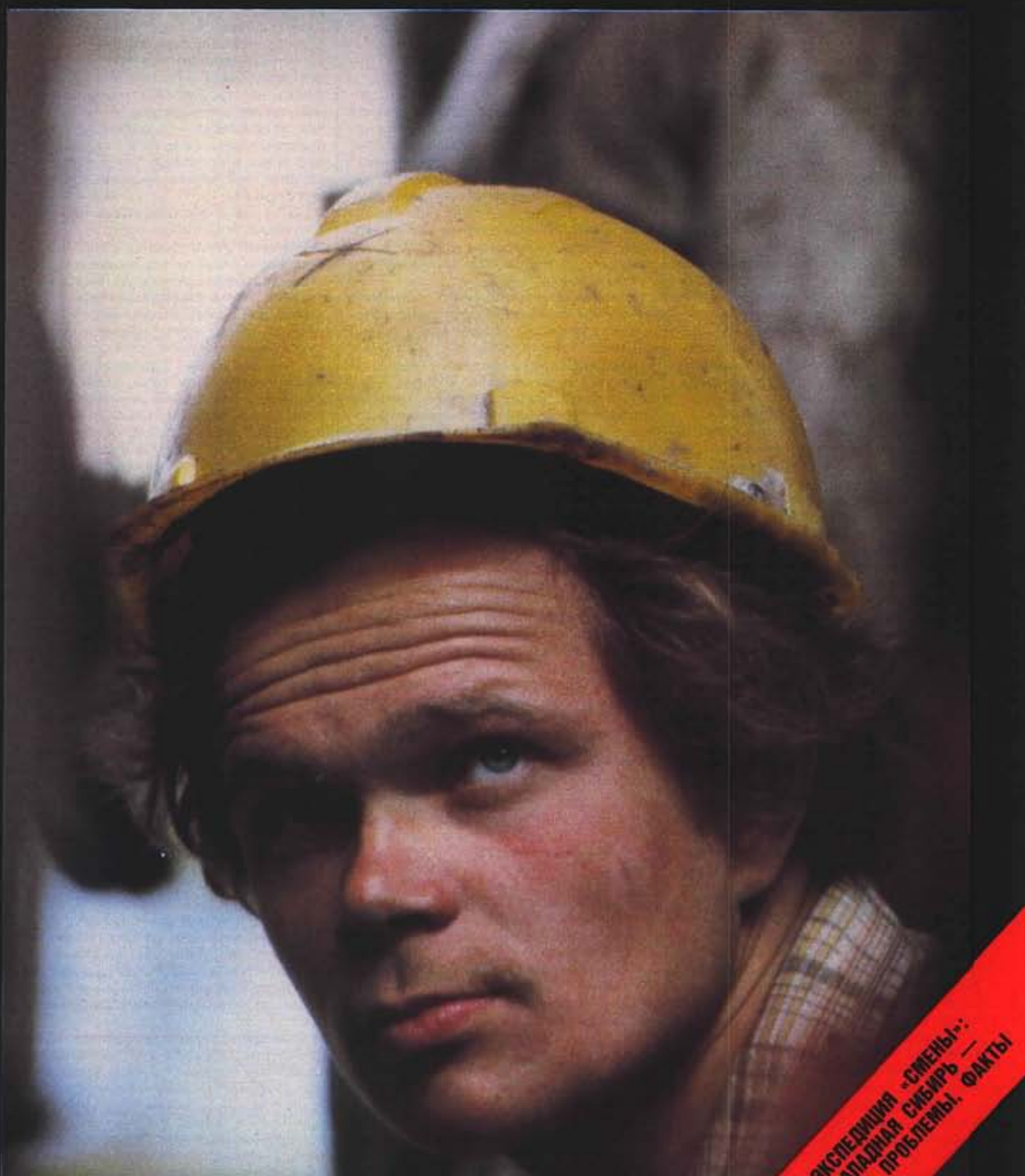
— В нашем крае несколько ударных комсомольских строек. Каждый год сюда — особенно на КАТЭК — приезжает много молодежи. Если комсомол объявляет стройку ударной, он должен сделать так, чтобы она была ударной во всех отношениях. Точнее скажу: не он, а мы, потому что комсомол — это и есть мы!

Смена» давно шефствует над молодым городом Новым Уренгоем — еще с той поры, когда он был небольшим поселком строителей и газодобытчиков. В 1978 и 1980 годах мы организовали здесь строительство двух библиотек — детской и взрослой. Обе созданы с активной помощью наших читателей: они, откликаясь на обращение журнала, прислали десятки тысяч книг для новоуренгойцев.

Библиотеки были построены и открыты в рекордно сжатые сроки — от возникновения идеи до ее осуществления проходили считанные месяцы. Этот своеобразный социально-экономический эксперимент доказал: при желании можно успешно развивать сферу соцкультбыта, причем не в ущерб производственному строительству. Признаться, помогая Новому Уренгою утолить «книжный голод», мы рассчитывали также, что наш эксперимент послужит наглядным уроком и примером для ведомств, ведущих строительство молодых городов Западной Сибири, для местных властей, для горкомов комсомола.

Так вот, проводя свой эксперимент с библиотеками, «Смена» хотела доказать: молодые города могут — и должны! — развиваться гармонично. Наряду с нефте- и газопромыслами, а то и опережающими темпами можно строить библиотеки и кинотеатры, дома и дворцы спорта, школы и кафе... Уж если редакция, не имеющая в своем штате строителей, не располагающая лимитами и фондами, сумела организовать сооружение двух важных объектов, то строителям-профессионалам, их мощным организациям, как говорится, и карты в руки. Но нет... Пример остался без поддержки, без продолжения. И в Новом Уренгое, и во многих других городах объекты соцкультбыта — по-прежнему острейшая проблема. То, что делается для людей, делается в последнюю очередь.

Удивляет позиция городских властей. О проблемах Нового Уренгоя мы писали неоднократно, но лишь однажды получили официальный ответ из горкома КПСС — короткую, формальную отписку. А горком комсомола вообще ни разу не напомнил о своем существовании. Впечатление, будто ни у кого нет заинтересованности в судьбе молодого города. Добавим: в Новом Уренгое чувствуется полное равнодушие и к содружеству со «Сменой». Новое руководство города забыло наш общий договор о содружестве. Считаем: сказать об этом, связав проблему со съездом комсомола, — наш долг.

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНА»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ЛЮДИ, ПРОБЛЕМЫ, ФАКТЫ

Владимир НИКОЛАЕВ.

Фото

Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Специальные
корреспонденты
«Смены»

ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

В городе Радужном пишущего эти строки пообещали сбросить с девятого этажа — домов выше здесь пока нет. Как понимаете, обошлось... Впрочем, о личных переживаниях позже.

Как-то так вышло, что Радужный до последнего времени был для нас «белым пятном» на карте Тюменской области. Третий десяток лет «Смена» шефствует над этим регионом; журналистские бригады, казалось, исколесили Западную Сибирь вдоль и поперек, от южных границ до Ямала. Но Радужный долго оставался «в тени» знаменитых названий — таких, как Нижневартовск, Сургут, Уренгой или Ямбург. И городом он стал тихо, незаметно, без громкой рекламы: в августе 1985 года появились об этом короткие сообщения в газетах — и все.

...От Нижневартовска — меньше двухсот километров. Три с половиной часа на автобусе, час на вертолете. Когда вертолет заходит на посадку, видишь сверху знакомую картину: похожие на бараки двухэтажные деревянные дома, в которых обычно размещают общежития и разные конторы; вагончики, самодельные балки и рубленые избышки — словом, все то, с чего начинались многие молодые города Западной Сибири, то, от чего они и по сей день с превеликим трудом избавляются.

Первая информация после посадки оказывается, попали мы пока что в поселок, давший имя городу, сам Радужный в пяти-шести километрах.

Вторая: не надо искать попутную машину или вездеход — между поселком и городом уже ходит рейсовый автобус.

Радужный появляется неожиданно. Поворот с бетонки налево — и впереди, до времени скрытые тайгой, вдруг вырастают девятиэтажные корпуса первых двух микрорайонов.

Замысел прост и заманчив: построить новый город на новом, чистом месте, среди тайги, на берегу быстрого Агана. Построить без временок, сразу набело, чтоб не произрастал он сквозь сарайно-балочное ожерелье. Город — для отдыха, а для работы — реконструированный старый поселок. Там производственная зона, гаражи и промбазы, штабы буровиков и нефтедобытчиков, комфортабельные общежития вахтовиков, прилетающих с Большой земли на нефтяные месторождения.

От замысла до воплощения — расстояние.

Первые впечатления приезжего человека самые, простите за примитивный каламбур, радужные. Растет уютный, компактный и современный город. Чистый воздух, тайга и речка рядом, в сочетании со всеми городскими удобствами — рай да и только. Однако приехавшему не на неделю-другую, а на постоянную работу требуется не рай, кое-что попроще: квартира, столовая, кино-театр, магазин, спортзал.

Есть вещи, которые трудно, почти невозможно понять, несмотря на любые объяснения. Почти половина жителей Радужного проживает «во временном

и непригодном жилье». Здесь надо иметь в виду, что статистика считает лишь тех, кто имеет прописку в Радужном, а сколько проживает без соответствующего штампа в паспорте? Точно никто не знает, ориентировочно несколько тысяч. И они ни в каких планах строительства города не учитываются.

Итак, обеспеченность жильем составляет 53,9 процента от нормы.

Дошкольными учреждениями — 26,3 процента.

Больничными койками — 8,3, поликлиниками — 17 процентов.

Перечислено, разумеется, далеко не все, лишь жизненно важное. А что в перспективе? «Выйти» на нормальную обеспеченность планируется только к концу пятилетки и только по детским садам — и то это под большим сомнением. Причем нормы-то взяты общесоюзные, то есть усредненные, что для Тулы, что для Тюмени. Не берутся в расчет трудности адаптации человека на Севере, географические и климатические особенности, суровые условия работы. Вот и не могу взять в толк: говорится о необходимости комплексной застройки молодых северных городов много, но почему так мало делается?

Объяснений хватает. В самом деле, построить в глухой тайге целый город не шутка. Но почему, когда надо привести пример истинно разумной, удобной, действительно комплексной застройки, вспоминают заполярный Норильск, начинавшийся полвека назад? Или условия там были легче, а страна в ту

пору жила богаче?.. Сейчас в моду вошло выражение «человеческий фактор», произносящееся, кажется, по любому поводу и совсем без повода. Думаю, его не произносил на каждом шагу Авраамий Павлович Завенягин — выдающийся организатор, первый директор Норильского комбината. Просто он сначала думал о человеке, а уж потом — о производстве металла. И был дальновиден: забота о людях обернулась стабильными трудовыми коллективами, стабильным выполнением планов. Завенягинские традиции живут здесь и по сей день...

В Радужном не раз приходилось слышать: город строится «под нефть». Но если и город для добычи нефти, то что же тогда для человека?

Так решили не сами радуженцы, их не очень-то и спрашивали. Такова позиция Миннефтепрома — генерального заказчика: все силы и средства — на добычу нефти, а уж что останется — городу.

Ошибки и просчеты повторяются с непостижимой последовательностью. В свое время Нижневартовск построили, для экономии, без ливневой канализации. В дождливые дни улицы города превращались в грязевые реки. Чтобы спастись от этой напасти, стали рыть и бетонировать канавы вдоль тротуаров, отнюдь не украшающие городской пейзаж. За исключением небольшого участка одной улицы не строится ливневка и в Радужном.

Несколько лет назад «Смена» опу-

бликовала открытое письмо министру связи. Почему, спрашивали мы, в Новом Уренгое почти невозможно купить свежие газеты, журналы? Сейчас вপুরе дословно перепечатать то письмо, заменив название города. Хотя с Нижневартовском, получающим центральные издания в день выхода, Радужный связывает бетонная дорога, туда постоянно летают вертолеты, пять раз в день ходит междугородный автобус.

Кстати, городской автобус, так порадовавший нас в день приезда, надежд на оперативное передвижение не оправдал. Выдерживать заданный одиннадцатиминутный интервал на проложенной зимой и просевшей летом дороге — не оборудованной разворотами и разездами — чистая фантазия.

С газетами — наладится. Есть проблемы и серьезней. При более внимательном знакомстве с городом оказалось, что и в новые микрорайоны «приникли» двухэтажные, похожие на бараки, деревянные дома, известные по всему Северу как распадники клопов.

Горисполком принял решение прекратить строительство такого жилья, но будет ли оно выполнено? В прошлом году генеральный подрядчик трест № 2 должен был поставить чедыре таких «деревяшки», сооружают их своими силами и нефтяники.

— Эти дома как бельмо на глазу, — сказал мне секретарь горкома партии Александр Николаевич Попов. — Но как от них отказаться? Острейший дефицит жилья, поэтому приходится идти на компромисс: мы выделили для деревянной застройки «пяточки» на окраине. Один из специалистов, причастных к строительству, выразился по этому поводу так:

— Ничего, они потом сами по себе выгорят.

Страшноватое признание. Но основанное на знании «специфики» молодых северных городов, где пожары стали привычным явлением.

В 1985 году в Радужном произошло 45 пожаров, принесших убыток в 1,4 миллиона рублей. Огнем уничтожено несколько тысяч метров жилой площади. Может быть, виновата сама конструкция домов, не гарантирующая безопасность?

— Первопричину ищите в другом, — посоветовал сведущий человек, начальник ханты-мансийского окружного отдела пожарной охраны подполковник Иван Иванович Коваль. — Когда здесь начался «нефтяной бум», потребовались новые рабочие руки, резко вырос приток людей. В общежития вместо ста человек размещали до двухсот сорока! Заселили там кухни, бытовые помеще-

ния, даже, простите, туалеты. Вдвое больше людей — вдвое больше электроприборов, силовые линии не выдерживали. Можно было подать дополнительное тепло в дома, чтобы не приходилось включать обогреватели, можно было провести дополнительные кабели — этого не сделали.

Вопрос: куда смотрят пожарные? Дело в том, что так называемый «бамовский» дом сгорает за полчаса-час. Но если пожарные и придут в первые минуты, то обнаружат отсутствие емкостей с водой, рукавов, специальных водопроводов, неработающие гидранты, отсутствие других средств тушения. Когда спешат сдать дом, нет времени заниматься разными «мелочами». Люди ведь жилья ждут! На законные требования пожарной охраны смотрят как на досадную помеху — что вы тут, дескать, мешаетесь? Стране нужна нефть! При таком отношении трудно надеяться, что удастся снять острую жилищную проблему с помощью компромиссных решений.

...Перейдем теперь на площадку, где ставится капитальный, современный девятиэтажный дом.

— Почему на Севере так плохо строят?

— Человека, который так говорит, я бы... сбросил с девятого этажа, — ответил мне главный инженер строительного управления № 2 Лев Багдасарян. Мы, слава богу, находились в этот момент на первом.

Вопрос, наверное, был сформулирован некорректно. Я тоже не встречал строителя, который задавался бы целью построить дом как можно хуже. Бракоделы, правда, еще не перевелись, но речь сейчас не о том. Я имел в виду другое: бригаде Вячеслава Икусова при всем желании не построить отличный, без всяких огрехов дом из того, что она имеет.

«Заказам Западной Сибири — особую заботу», «Поставкам — зеленую улицу»... Сколько еще было громких лозунгов? Похоже, поставщики строительных конструкций соревнуются в том, кто сбудет сюда самые негодные детали.

Плита перекрытия, едва приподнятая краном, разломилась под собственной тяжестью на наших глазах. Потом Вячеслав долго водил меня по складу железобетонных деталей, по этажам строящегося дома... Брак — слишком мягкое слово для продукции, присылаемой в Радужный тюменским заводом железобетонных изделий № 3. «Постарались» земляки!

— Был я в командировке в Обнинске, — рассказывал Икусов, — там дома той же восьмидесятой третьей серии

строят. Вернулся, посмотрел на наши — аж тошно стало. Судить бы бракоделов! На материке такие детали стропальщик даже разгружать не станет, без разговоров завернет машину обратно на завод. А нам куда заворачивать? Вот и гонят сюда брак — мол, радуйтесь и этому. Панели без закладных деталей, без штампов ОТК, кривые, с выпирающей арматурой — строй, как хочешь, из таких конструкций. Мы, конечно, отбираем, что получше, остальное — на свалку.

— К сроку дом не построят?

Бригадир с сомнением покачал головой.

— Построим, — сказал Багдасарян. — Не было еще случая, чтоб не уложились в срок.

— Каким образом? Из такого-то...

— Ну, из двух комплектов деталей один-то дом соберем.

Я понимаю обиду Багдасаряна. Ему, строителю с небольшим северным стажем, хочется — да как и любому нормальному человеку, — чтобы его работу не поминали недобрым словом.

Поминают, и еще как! Зимой в невиданно короткие сроки — за 21 день — смонтировали «пятиэтажку», за двадцать дней отделали ее. А вскоре после заселения дома обои начали отваливаться пластинами, вместе со слоем штукатурки. Откуда было знать жильцам, да и какое им вообще дело до того, что строители три месяца ждали железобетона, а сроки сдачи дома никто не отменял? В сроки уложились. Скальвали лед с панелей, тут же штукатурили, клеили обои. Дали тепло, дом «оттаял» и пошло-поехало. Вот тебе и «поставкам — зеленую улицу»...

Обидно за молодые северные города, застраиваемые унылыми, невыразительными жилыми домами. Иркутские пяти- и пермские девятиэтажки — вот пока все, чем располагает Радужный. Да еще те тюменские, изготовленные, как выяснилось, на отработавшей свой срок, списанной оснастке. Считается, на Севере рады будут любому жилью — и без просторных кухонь, подсобных помещений, без сушилок для одежды.

Присылаемые из Перми конструкции домов ни по каким параметрам не подходят — в этом на собственном горьком опыте убедились в Радужном. Правда, удалось договориться с пермяками, чтобы перестали поставлять устаревшую серию. Но это возможно только после реконструкции Пермского ДСК. Поэтому первый дом улучшенной планировки Радужный получит, теоретически, лишь в 1988 году...

Первый год «городской» биографии Радужного — это попытки наладить ор-

ганизованное хозяйство, обеспечить гармоничное развитие города. С прошлых времен сохранилась психология «удельных княжеств», когда каждое ведомство старалось все делать только для себя, и лишь под большим нажимом для города. Но теперь, думал я, есть городская власть, стало быть...

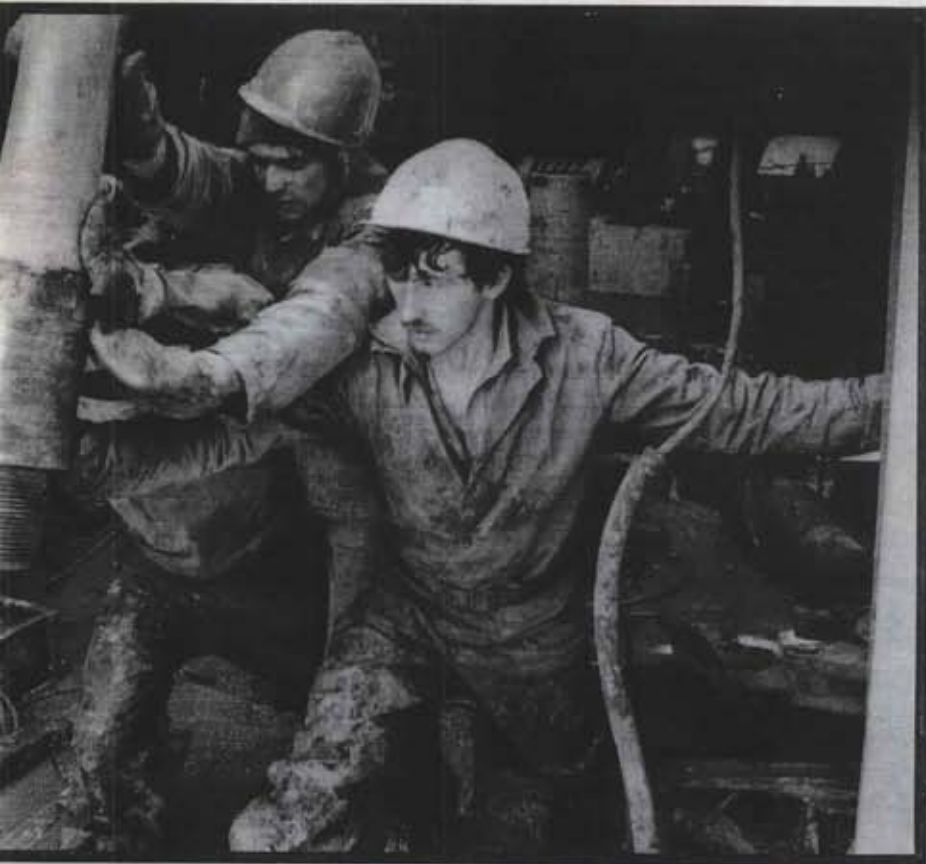
— Как раз реальной власти и не хватает, — возразили мне в горисполкоме. — Все капитальные вложения на развитие города в руках Миннефтепрома, поэтому управлять строительством нам очень тяжело. В министерстве, конечно, тоже идут разговоры о комплексной застройке Радужного, но когда доходит до дела... Тогда на первый план выступает нефть. Такая монополия Миннефтепрома просто возмущает. Для пользы дела все средства на строительство города необходимо передать нам — исполком, а не ведомство должен быть единым заказчиком. А министерство пусть занимается промышленным строительством, там тоже проблем хватает.

А какова позиция генерального подрядчика треста № 2? Бывший Минпромстрой требовал от строителей выполнять план по главному ведомственному показателю — объему освоенных капиталовложений. Есть объемы — все в порядке. А вот что стоит за объемами — вопрос второстепенный. Во всяком случае, строительством объектов соцкультбыта в министерстве интересовались меньше. После недавней реорганизации в строительной отрасли Радужный перешел под опеку Минуралсибстроя, но говорить о каких-то коренных изменениях пока не приходится.

...Может, оно и так: после вагончика рад будешь любой — своей, отдельной! — квартире. Но когда радости утихают, ремонт в новом жилище сделан, на первый план у новосела выступают не менее важные проблемы быта.

Возьмем насущное — питание. «Сейчас — что вы! Сейчас с этим хорошо», — говорили мне многие жители Радужного. «Хорошо» — это значит есть масло, сыр, яйца, изредка мясо. Мы неплохо изучили ассортимент магазинов, так как на третий день командировки стали питаться всухомятку: в столовой час в очереди прстоишь, а уйдешь с изжогой.

Духовная «пища» не лучше и не разнообразней. Очередь в книжный магазин занимают с вечера (когда видят, что мешки привезли) и дежурят всю ночь, отогреваясь в подъездах. Первым двум десяткам покупателей что-то достается... В городской же библиотеке всего семь с половиной тысяч томов, включая техническую литературу.

Если нет телевизора, совсем плохо. Лишь недавно (и то «подпольно») построили клуб на 280 мест, где изредка показывают старые фильмы.

Где сегодняшний Завенягин, который подумал бы о магазинах и столовых, клубах и поликлиниках, библиотеках и городском транспорте? В 1986 году построили детсад и маленькую больницу. И все. Исполком добился решения о строительстве трех детских садов дополнительно к заданию, включения больничного комплекса в план 1987 года, правда, без полной уверенности, что все это будет выполнено.

При мне позвонил в исполком генеральный директор объединения «Варьеганнефтегаз», спрашивает, что делать. Миннефтепром направляет в Радужный тысячу двести молодых специалистов — выпускников вузов, техникумов, профтехучилищ. Где их разместить?

Министерство далеко, и его мало ин-

мольской стройки, где нужны рабочие руки». Подсказать несложно. Но сделать это надо так, чтобы человек не разочаровался в первые дни после приезда и не засобирился спешно домой.

Разочарование, как правило, исходит не оттого, что молодой человек испугался трудностей. Разочарование — от несовпадения предварительной информации с реальностью. Знаете, приезжают иногда на материк вербовщики с Севера, наобещают золотые горы, квартиры, а на месте все оказывается совсем не так... Поэтому лучше уж наоборот, когда предположения суровой действительности.

Трудностей в Радужном еще много, и их не решить только с помощью энтузиазма молодых, привлечения новых кадров. Требуется иной подход к делу.

Кажется, окончательно и бесповоротно отвергнуто стремление взять нефть

На богатом нефтью Варьеганском месторождении расположился город Радужный. Возраст его пока младенческий — всего полтора года. Новорожденный город переживает сложную пору становления; трудностей роста и проблем здесь еще немало. Но молодежь знает, что трудности преодолит. Строятся дома, sprявляются новоселья...

тересует, может ли город принять сразу столько людей. Двенадцать тысяч человек живут в вагончиках, принято решение снести эти вагончики, но как теперь его исполнять, если едут все новые и новые люди? Есть «испытанное» простое средство: главки и министерства срочно забрасывают в Сибирь множество таких же вагончиков — и проблема вроде бы решена... А на самом деле городские проблемы от этого лишь обостряются. Кстати говоря, хороший специалист — рабочий и инженер — в вагончик не поедет. Такая «романтика» извинительна лишь тогда, когда забываются первые колышки. А поселку Радужному недавно исполнилось десять лет.

Старожилы Радужного ревниво относятся ко всему, что говорится и пишется про их город. Советовали:

— Недостатки и трудности, конечно, есть, но мы уверены, что они временные. А вы расскажите о городе так, чтобы молодежь заинтересовалась, приезжала к нам жить и работать.

Хорошо, когда люди с оптимизмом смотрят в будущее. Но пусть уж будет все по правде.

К нам в редакцию почти ежедневно приходят письма примерно одинакового содержания: «Хочу испытать свои силы в большом и важном деле. Подскажите адрес сибирской ударной комсо-

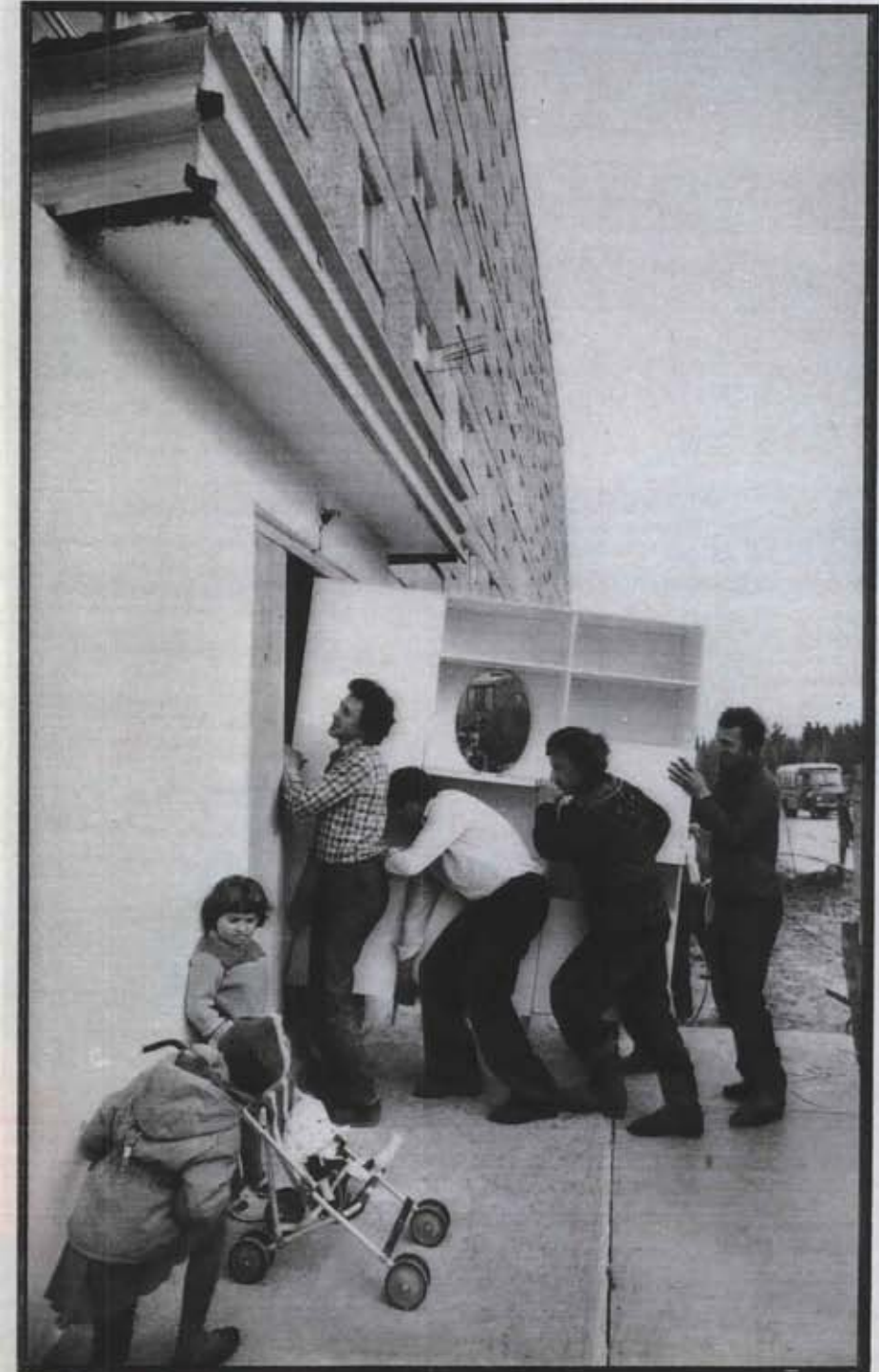
любой ценой, а в позиции ведомств оно все еще проявляется. И если Миннефтепром не в состоянии позаботиться об условиях жизни северян, пусть действительно отдаст средства и необходимые штаты в распоряжение горисполкома. Причем пусть отдаст в размерах, соответствующих потребностям города.

Уже сейчас нужно думать и об облике будущего города. Городские власти просили выделить для центра Радужного несколько шестнадцатизэтажных зданий — таких, какие московские строители возводят в Нижневартовске. Пока отказ. Но, может, еще не поздно пересмотреть решение, найти такую возможность вместо того, чтобы присылать в Радужный деревянные бараки и устаревшие конструкции?

...Найдется множество причин, объясняющих житейские и бытовые неурядицы северян. Но главная, по-моему, психологическая. Говоря «правильные» слова, очень многие в глубине души считают, будто северянину нормальных условий и не нужно: ведь он сюда за рублем приехал, была бы крыша над головой, что еще надо? Дорого обходится такое отношение...

Да, от хорошего замысла до воплощения немалое расстояние. И очень важно пройти его без издержек, потерь на пути.

Мы еще не раз вернемся в Радужный. Расскажем о молодежи, строящей город и добывающей нефть. О комсомольском отряде, прибывшем сюда недавно. Но в первом очерке нельзя было не сказать о назревших проблемах, о том, что волнует молодых сегодня.

Экономист ереванского завода «Электрон»,
кавалер ордена Красной Звезды,
делегат XX съезда ВЛКСМ

Артюш Тувардян:

— Я получил орден в Афганистане и, думаю, имею моральное право сказать: «на гражданке» надо готовить молодежь к службе в армии, а в армии готовить молодежь к возвращению к мирной жизни. Глупо было бы, набирая в армии высоту, после службы терять дисциплинированность, чувство локтя, мужество.

Привычная фраза — «Солдатами не рождаются, солдатами становятся». Трудно дается это становление — ведь каждому безошибочному прыжку с парашютом, каждому удачному марш-броску, каждому четкому строевому жесту предшествует труд, долгий и кропотливый.

Вдумаемся в смысл этого повседневного тяжелого ратного труда воинов самых различных родов войск — в их руках безопасность нашей страны, в их руках судьбы мира.

«Смена» постоянно рассказывает своим читателям о жизни современной армии. Маневры, учения, солдатские праздники и будни — на первом плане всегда люди, их судьбы, неразрывно связанные с судьбой Отечества.

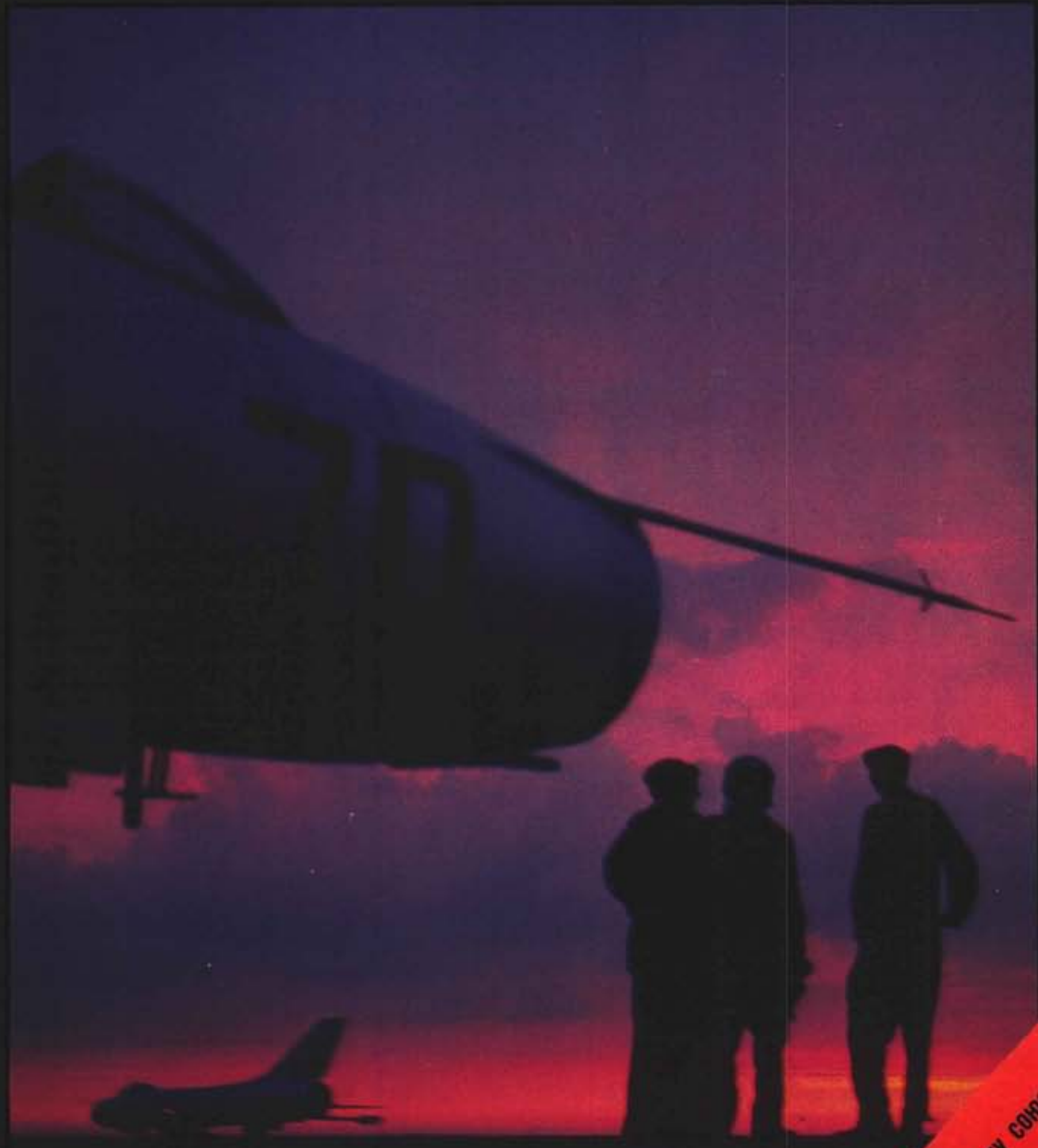
Кто они, сегодняшние восемнадцатилетние и двадцатилетние, которым страна вверяет свою защиту? Вполне ли готовы они к выполнению своего священного долга? Ведь, говоря откровенно, некоторой части молодежи призывного возраста порой присущи инфантилизм, безответственность, какая-то нравственная опустошенность. Далеко не каждый по своим моральным качествам созрел для того, чтобы ему доверили оружие. Разные люди, разные, пусть и короткие пока судьбы. Вот почему наша армия — это еще и воспитательный полигон.

«Родине нужны крепкие люди», — говорим мы. И армия воспитывает таких людей.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию очередную главу социологического анализа «Смены» — материал о девяти витебчанах, призванных осенью 1985 года на воинскую службу в воздушно-десантные войска. Поступающие в редакцию многочисленные отклики свидетельствуют о том жгучем интересе, с которым молодые читатели журнала следят за армейской жизнью своих сверстников.

Казалось, только вчера мы вместе с ними отправились с призывного пункта. А сегодня минуло уже полтора года их службы. На «гражданке» это, может быть, и не срок. Пролетят — не заметишь. В обычной нашей жизни мы почему-то привыкли оглядываться назад через большие временные промежутки. А в армии?

Полтора года в калейдоскопе армейских событий, восемнадцать месяцев разлуки с родным домом. Домом, где своего солдата ждут родители, друзья, любимая девушка. Люди, мирный покой которых он сегодня охраняет.

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Евгения СТЕЦКО.
Специальные
корреспонденты «Смены»

ОТПУСК

НАДО ЗАСЛУЖИТЬ

Глава пятая

Краткосрочный отпуск домой в армии — это всегда как выигрыш в лотерею. Вроде бы и ждешь в принципе, и надеешься, а до конца не веришь. Но вот уже писарь из строевой части (свой человек) намекнул при встрече, что «да» и можно не спеша собираться, все равно не верится. Вдруг писарь что-то напутал, вдруг в силу неких обстоятельств, о которых ведомо только в высоких штабах, еще не объявленный приказ отменяют... Мало ли этих «вдруг» в армейской жизни. Ты едешь только с той минуты, когда комбат перед строем назовет твою фамилию и, еще раз сверяясь взглядом со списком, произнесет сокровенное слово «отпуск». Тут уж прочь сомнения.

— Гвардии младший сержант Капешко... Гвардии рядовой Михайлов... — Комбат сделал паузу, посмотрел на витебчан в упор, — за добросовестное выполнение своих обязанностей, за отличную службу приказом командира полка вам объявляется краткосрочный отпуск на родину...

Капешко отпуск был обещан сразу после учений. Их батальон десантировался ночью на незнакомой местности. В жесточайший ливень. Мокрого купола от земли не оторвать. Подсумки с патронами, скатки словно налились свинцом. А впереди переправа через всплывшую от дождей реку. Огней зажигать нельзя. Искали друг друга чуть ли не на ощупь. Капешко первым вышел к реке. Сунулся в обжигающую холодом воду — по пояс. Побрел вдоль берега в поисках брода. И вдруг наткнулся на два шатких бревна, переброшенных через речку. Передал по цепи: «Все сюда, есть переправа». Его взвод в ту ночь вышел на заданный рубеж первым...

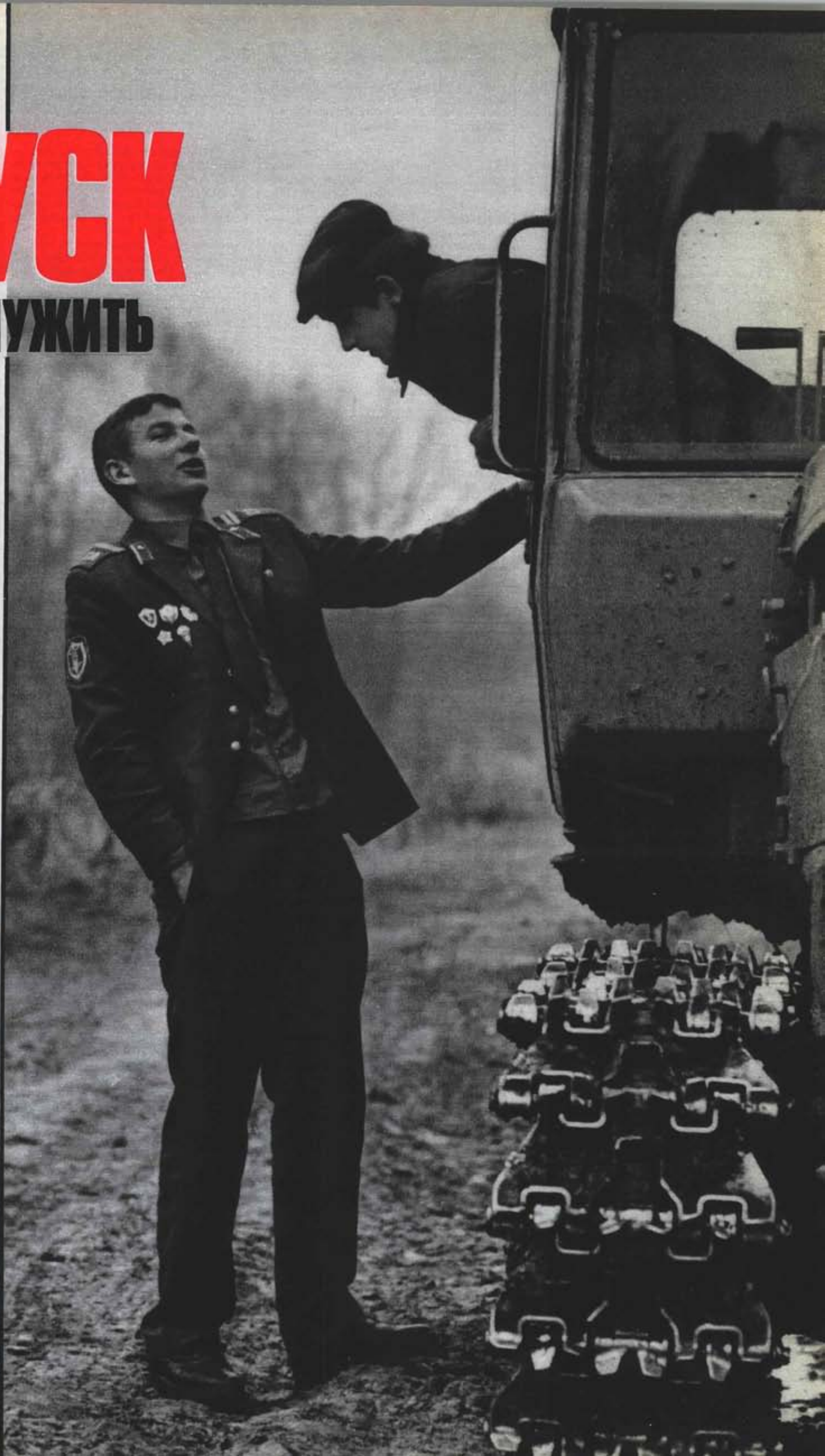
После учений в часть нагрязнула комиссия. В ряду других «пожеланий» полку рекомендовано было выстроить ангар для двух грузовиков у продуктового склада. Обойтись решили своими силами. Начштаба полез в личные дела, выясняя, у кого из солдат какая была гражданская профессия. И тут не обошлось без Капешко — как-никак, стляр-плотник 4-го разряда. Ангар вышел на славу. Тогда-то Сергею и обещан был отпуск.

Но сам он события не торопил. Со дня на день должно было начаться формирование парадного расчета (их гвардейский полк был назначен участвовать в параде на Красной площади), а Капешко даже в мыслях не допускал, что не попадет в него.

Наконец списки парадного расчета были зачитаны. В основной состав зачислялись Андрей Наумов и Иван Михайлов, еще трое витебчан — Сергей Капешко, Олег Сметанников, Михаил Апанасенок вошли в резервную, так называемую тыловую группу. Капешко расстроился, но духом не пал.

Заканчивалась вторая неделя их лагерной жизни в Москве. Вторая неделя пятнадцатикилометровых ежедневных тренировочных маршей строевым шагом. В любую погоду.

У края плаца стоял грузовик с отки-

нутым задним бортом — импровизированная трибуна. В кузове машины — командир полка. Он кричал в мегафон:

— Вторая шеренга идет дугой... В шестой девятый номер слишком тянет носок, у пятнадцатого автомат упал на живот... Еще круг!

Я отыскал взглядом Андрея Наумова. Он улыбнулся, кивнул головой. Андрей недавно из служебной командировки: три месяца провел вдали от своих, помогал оборудовать полевой штаб средствами связи. Вырос, возмужал, раздался в плечах. Каждое утро начинал с усиленной гимнастики, использовал любую возможность, чтобы поддерживать десантную форму. Привез в полк благодарности за отличную работу. Через неделю после его возвращения — комсомольское отчетно-выборное собрание. Наумова единогласно избирают секретарем бюро ВЛКСМ батальона. Принял дела и сразу в Москву, на парад.

В центре второй парадной коробки вышагивал Михайлов. За год прибавилось в Иване не только гвардейской стати — уверенности в себе, ловкости, силы, обострилась реакция. При всем том остался Иван, как и прежде, человеком простодушным, открытым, доброжелательным. Нет в нем даже элементарной человеческой хитрости, как скажем, у того же Капешко, или дипломатичности, как у Наумова. На долгом марше Михайлов без колебаний возьмет у более слабого товарища плитку от миномета или его вещмешок. Помню, кто-то из офицеров полгода назад сказал, кивая на Михайлова: «Голубь». Он имел в виду добросердечие, бесхитростность Ивана, его обезоруживающую улыбку. Но я видел, как этот «голубь» шагает в бездну из самолета, как, лежа в снегу, точно посылает короткие очереди в едва различимые силуэты мишеней, как жестким тренированным ударом ребром ладони перерубает доску дюймовой толщины... «Голубь»? Да, в том смысле, что не способен на зло. Но он сумеет ему противостоять. Побольше бы таких голубей...

В последней, десятой шеренге под девятнадцатым номером разглядел я Сергея Капешко. Он немного выносил плечо и тянул подбородок, но это шло, наверное, от чрезвычайного старания. Мне очень хотелось, чтобы рядом

с Капешко шел в парадном расчете и Миша Апанасенко. Теперь уже гвардии ефрейтор, старший связист. Служба у него последние месяцы идет без срывов, старается парень, осваивает рацию, во взводе к нему относятся по-доброму. Бывает, поворчит, но никогда Михаил не держит ни на кого обиды.

...Утром 7 ноября 1986 года гвардейский десантный полк торжественным маршем побатальонно прошел по Красной площади. Во второй парадной коробке шли трое витебчан — Наумов, Михайлов, Капешко. Проход строевым парадным шагом длился 32 секунды. Телекамеры транслировали проход десантников и того меньше. Я не успел даже разглядеть знакомых ребят, узнал только знаменосца — гвардии капитана Коркутя и еще двух-трех человек. Но трое наших шли, я знал точно, потому что провожал их в то утро на Красную площадь. Это был 358-й день их военной службы.

...Комбат подошел к Михайлову, поправил завернувшийся воротник его бушлата и добавил уже мягче, по-отечески:

— Убыть тринадцатого числа, то есть завтра. Отпускные документы получить в строевой части...

У них оставались в запасе сутки, чтобы сдать закрепленную за ними боевую технику, имущество и документы, довести «парадку» до гвардейского совершенства, подстричься, взять билеты на поезд, попрощаться с товарищами.

Живодров попросил позвонить его родителям, сказать, что у него все в порядке, а если спросят, почему давно не писал, объяснить, что был на стрельбах, в глуши, где почта уходит по случаю. Сметанников заступал вечером в наряд на пост № 1 к полковому знамени, просил кланяться Витебску и передать привет девушке Жанне. Апанасенко ничего не просил, только крепко жал руку Ване и похлопывал его по плечу. Проводить Капешко и Михайлова прибежал и Филинов. У него сейчас работы невпроворот, готовит приборы к очередным прыжкам, в роте только ночует.

— Газет привезите наших, витебских, пусть даже старых. Интересно, как там без нас жизнь идет в городе... И в бар

сходите шоколадный, мне писали, что открылся где-то в центре. Музыка, слайды, коктейли, а мужики, не забудете?..

Уезжали двое, а везли с собой домой что-то от каждого: грусть по дому, тепло памяти, солдатский привет родным улицам...

...На Витебском вокзале мы расстались. Михайлов «рванул» к своим на улицу Свечкиных: «Вот удивятся» (ни он, ни Сергей домой об отпуске не сообщали), мы отправились вместе с Капешко в его деревню Тыльцы, обещав Ване завтра же быть у него.

— Сережа, — спрашиваю в автобусе, — может, телеграмму все-таки надо было дать? Свалишься как снег на голову, да еще мы с тобой.

— Нет, это не то. Самое интересное, когда я вот так, внезапно появлюсь. Дай я телеграмму, мать с утра бы у околицы стояла, ждала, переживала. А тут пришел: «Здрасьте, это я». Нежданная радость радостнеежданной. Да и мне хочется заставить своих за их обычными домашними делами, а не при параде...

Капешкины Тыльцы — в стороне от трассы. В осеннюю мокрядь, в снежную зиму до деревни только на тракторе и доберешься. За оторванность и труднодоступность местные именуют Тыльцы Кубой. Ходят разговоры, что деревушка свое отжила (потому и не ведут к ней ладной дороги), пора ее на-снос, огороды же запахать, засеять клевером или гречихой, жителей расселить в коттеджи, что строит колхоз имени Суворова в крупных деревнях. Может, так и удобней, и практичнее, но Тыльцы все же жаль.

Об этом и говорим с Сергеем, шагая по прихваченной морозом тракторной колее, что ведет от асфальта к деревне. Он хотя уже и считает себя горожанином (два года учился в Витебске в ПТУ), но деревенское в нем в городской суете не исплывилось, крестьянская основательность у него в характере. И смотрит он на землю не как мы, исконные горожане, в лучшем случае с любопытством, а как хозяин, знающий ее законы, болюющий ее болью.

Замечаю, что шагает Капешко мерным упругим шагом, руку по-строевому выносит чуть ли не до груди. Армейская привычка. Взгляд его неотрывно прико-

ван к пригорку, за которым, я знаю, открывается его деревня. Невольно сравниваю нынешнего солдата Капешко с тем стриженным парнем-призывником, что, ссутулясь, шел по этой же дороге в новую для него армейскую жизнь. Было это больше года назад. И ручей, переложенный в русле хворостом, тот же, и дымы над избами так же вились. И дорога та же. А идет по ней спустя год другой человек. Совсем уже взрослый, сильный, прямой, уверенный в себе, многое умеющий сержант гвардейского полка.

Он еще не вступил в деревню, как сверху выкатились мальчишки, еще дошколята, Капешкина родня. Ухватились за шинель, за сумку, узнали. Заохала пожилая женщина, сбросила с плеча коромысло, потянулась к солдату. Тоже родня.

— Ты, что ли, Сережа! Вот матери-то радость...

А он глазами вдоль улицы — к своему, стоящему на самом холме дому.

...Мать вышла во двор, подошла к изгороди, еще не понимая, что всполошило деревню. Увидев Сергея, вскинула ладони к лицу, замерла, еще не веря увиденному. И рванулась навстречу: маленькая, сухая, в домашней вытертой кофте, прильнула к сыновней груди, силась дотянуться до родного лица. Плачет, улыбается, шепчет:

— Сереженька, родненький... Мальчик мой... Какой большой-то стал, господи... А отец-то на ферме... Что ж не предупредил?..

К сумеркам собрались все. Пришел домой Владимир Сидорович, слесарь-наладчик колхозной фермы. Вернулись из школы младшие братья, приехал из города старший брат Александр, инженер, работающий на телезаводе, пожаловали родственники, приятели. Разговор велся серьезный — о военной службе, о мировой политике, о видах на урожай, о колхозной экономике. Сергей сидел розовый, размягший после бани с вениками, в натальной рубашке, в свитере, изредка ронял:

— А вот у нас в десантных войсках на это дело смотрят так...

Его почтительно слушали, соглашались, что, конечно, у десантных войск мнение авторитетное.

Раиса Афанасьевна, уже в празднич-

ном платье, хлопотала у стола, подкладывала сыну то домашней колбаски, то хрустящего огурчика, то драников на сале, то рыжиков. Сергей, уже сытый, боясь обидеть мать, ел через силу.

— Завтра в сельсовет пойду, отметить надо, что прибыл в отпуск, такой порядок, — проговорил он. — А потом в школу... По школе скучал в армии, даже странно как-то. Бывало, с уроков убежим весной на озеро, когда плотва берет, рады... А в армии вот не хватало школы. Там липы возле нее, еще мама сажала сразу после войны, большущие, мы за ними ховались, когда в прятки играли. На них погляжу... А потом Витка Долгих обещал трактор дать, они сейчас удобрения возят, поработают в поле. Интересно механизаторское дело вспомнить.

Мать не сдержалась:

— Ну вот, не успел приехать, сразу из дому, проспал бы, телевизор посмотрел, газеты почитал...

— Успею, мам. А телевизор у нас в роте цветной, программу «Время» смотрим, так что в курсе, что в мире-то происходит.

Дядя, Иван Афанасьевич, кивнул:

— Известно. Нынче армия образованная. Телевизоры, ЭВМ, прачечные автоматические. Приборы небось сами на цель орудия наводят. Не как мы, бывало.

— И автоматика есть, верно, дядя. Но без пота солдатского и она мертва. Да одной автоматикой противника не победишь, самую трудную работу все равно личный состав выполняет...

Утром Сергей встал в шесть часов (отца с матерью уже не было — ушли на ферму), умылся под рукомойником и, надев форму, еще затемно отправился в сельсовет.

...Мы долго искали в Витебске улицу Свечкиных. Теснимая наступающими бетонными многоэтажными корпусами, улица эта удивила тишиной и патриархальностью. Неширокая, застроенная деревянными частными домиками, она затерялась среди таких же крошечных, как она, улиц. Дом Михайловых под номером 11 — голубой, ухоженный. Во дворе — асфальт, на каждом дереве в саду — скворечник, кормушка для птиц.

В доме полно гостей, и все родные люди, собравшиеся посмотреть на Ивана, посидеть по-семейному. Разговор городской — быстрый, дипломатичный, переменчивый. Сам Иван в своей комнате заводит музыку, он за столом уже насиделся. Соскучился Иван по своей комнате, по своим книгам, по настольной лампе, по старому рыжему шкафу, по расписанной чернилами гитаре. Как ни дорог и близок для иного человека его коллектив, устают он все время быть на виду (а в армии один практически не бываешь), скучает по одиночеству.

Пусть недолгим оно будет, это одиночество, пусть только час-другой, но чтобы совсем один, наедине со своими мыслями.

Мы вышли из дома с Фаиной Ивановой, бабушкой Ивана, заменившей ему рано умершую маму.

— Детство у парня, сами знаете, какое было. Иной раз набедокурит, прикрикнешь в сердцах-то, а потом самой стыдно. Подойдешь: «Прости, Ванюша, меня старую, не сдержалась». А тут и ему меня жалко: «Винovat я, бабуля, не буду больше». Одно скажу: дети на добро отзывчивы, тут главное — первый гнев перетерпеть, ну, а потом най-

ти слово, не обидное, но чтоб дошло до детской души, откликнулось в ней. А человек, если он в доброте, в доверии живет с малолетства, худого, и взрослым став, делать не станет. Добро добро родит. А что Ваня другим помочь стремится, так это иначе разве можно. Живем среди людей. Много ли одни-то сумеет? Вспомнить хоть, после войны как было. От города нашего, считай, одни камни да головешки остались. Друг дружке люди подсобляли обстраиваться, всем миром, бывало, за день дом складывали кому-нибудь, а один разве может такое...

Еще раз думаю о том, что судьбы наших витебчан невозможно ограничить армейским кругом, они неизмеримо шире, чем представлялись прежде. От каждого из девяти тянутся нити в другую жизнь, в нашу, гражданскую. От своих ребят приходим, хотим мы этого или нет, к другим людям, к их и нашим общим проблемам и заботам. Вспоминаю, как говорили в доме у Капешко о землекормилице — понятии далеком, казалось бы, от армейских задач. Но как их разграничишь — ведь это все равно что вырвать корни, от которых берет начало наша человеческая нравственность, понимание себя в этом мире.

Подходит Ваня.

— Бабуля, может, пойду я? Ждут ведь меня.

Фаина Ивановна кивает.

— Иди, Ванюша, да смотри не поздно возвращаясь.

Знаю, куда и к кому он идет. И могу рассказать, не боясь обидеть Ивана. Случилось так, что год назад, за день до призыва в армию, познакомился он с Инной. Было им отпущено тогда всего несколько часов, чтобы всмотреться друг в друга. Иван, человек доверчивый, рассказал девушке про себя все, как было. 15 ноября прошлого года Инна проводила его на поезд. Они расстались на целый год. И, может быть, встреча их не имела бы продолжения, как множество ей подобных, но остальное сделали письма. Помню, каким хмурым ходил Иван временами в полку, тогда я уже знал об Инне, знал, что причина его хмурости — долгое ее молчание.

Потом выяснилось, что не писала Инна, потому что уезжала на сборы или на соревнования, она занимается дзюдо и теперь уже кандидат в мастера спорта.

Для Ивана недели без писем были самыми трудными, он отвечал невпопад на занятиях, работа валилась у него из рук. Но стоило прийти письму — Иван преображался, он готов был горы свернуть, блистал на политзанятиях, наводил ошеломляющий порядок в подведомственной ему каптерке... Словом, возрождался к жизни. Возможно, и не все его товарищи так остро, как он, реагировали на девичьи письма, но он повзрослел дорожил своей любовью, охранял ее от подшучиваний друзей, был строг к себе и в увольнениях даже не смотрел на девушек. А на него ох как даже смотрели — парень он хоть куда, видный, высокий, крепкий, и улыбка у него добрая.

Приехал Иван домой, своих обнял, сумку в угол и — к Инне. А она на занятиях в техникуме. Так он возле техникума ее дождался, подходит:

— Здравствуй, это я. Я приехал...

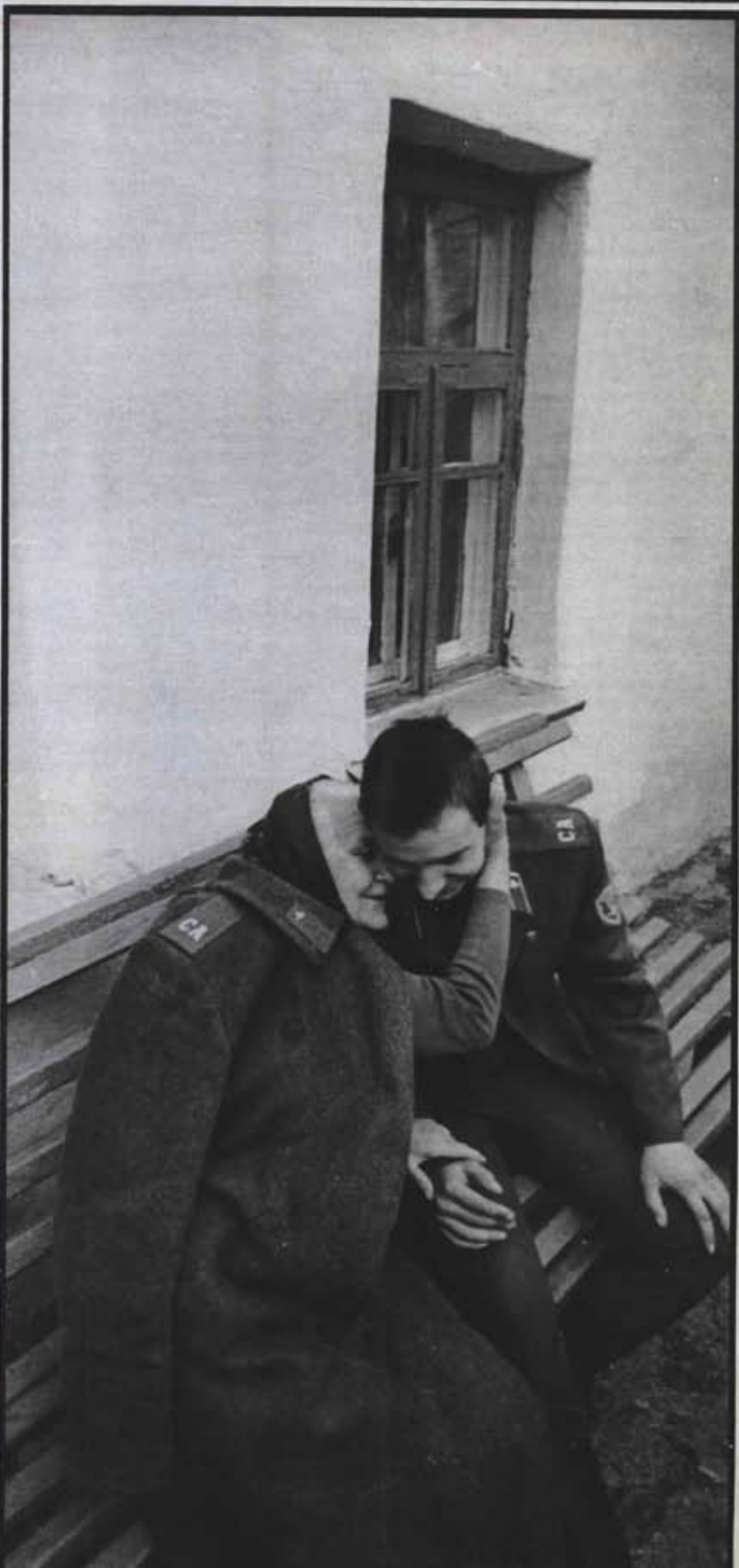
Инна у всех на глазах Ивана поцеловала. И до самого вечера они просидели, взявшись за руки.

Это было вчера. А сегодня пришли родственники, и надо их встречать. Но сердце его с утра возле Инниного дома.

Проводив внука до калитки, Фаина Ивановна говорит:

— Ваня, а ты ее приводи к нам, на самовар. Посидим, друг на дружку посмотрим. Чего вам по холодным улицам-то бродить, в доме теплее. Да и отпуск у тебя, родимый, краткосрочный, верно говорю?

— Посмотрим, бабуля...

Сергей Капешко:
«Вот у нас,
у десантников, — техника!»

Отец и сын.

Долгожданная встреча.

Иван Михайлов:
«Бабушка моя —
настоящий десантник».

Ассистент кафедры педагогики
Магнитогорского педагогического института,
делегат XX съезда ВЛКСМ

Юлия Белко:

— Дети не должны оказываться в одиночестве, хотя речи не должно идти об опеке, сдерживающей самостоятельность. Молодая семья ответственна за то, как, какими вырастут ее дети.— это важно не только понять, не только осмыслить. Это важно обеспечить поступком.

Внимание к молодой семье, к ее нуждам и заботам, привитие еще с отроческих лет чувства ответственности за будущее материнство или отцовство — это ли не одна из важных задач Коммунистического Союза Молодежи! И разговор об этих проблемах требует самого пристального внимания XX съезда ВЛКСМ.

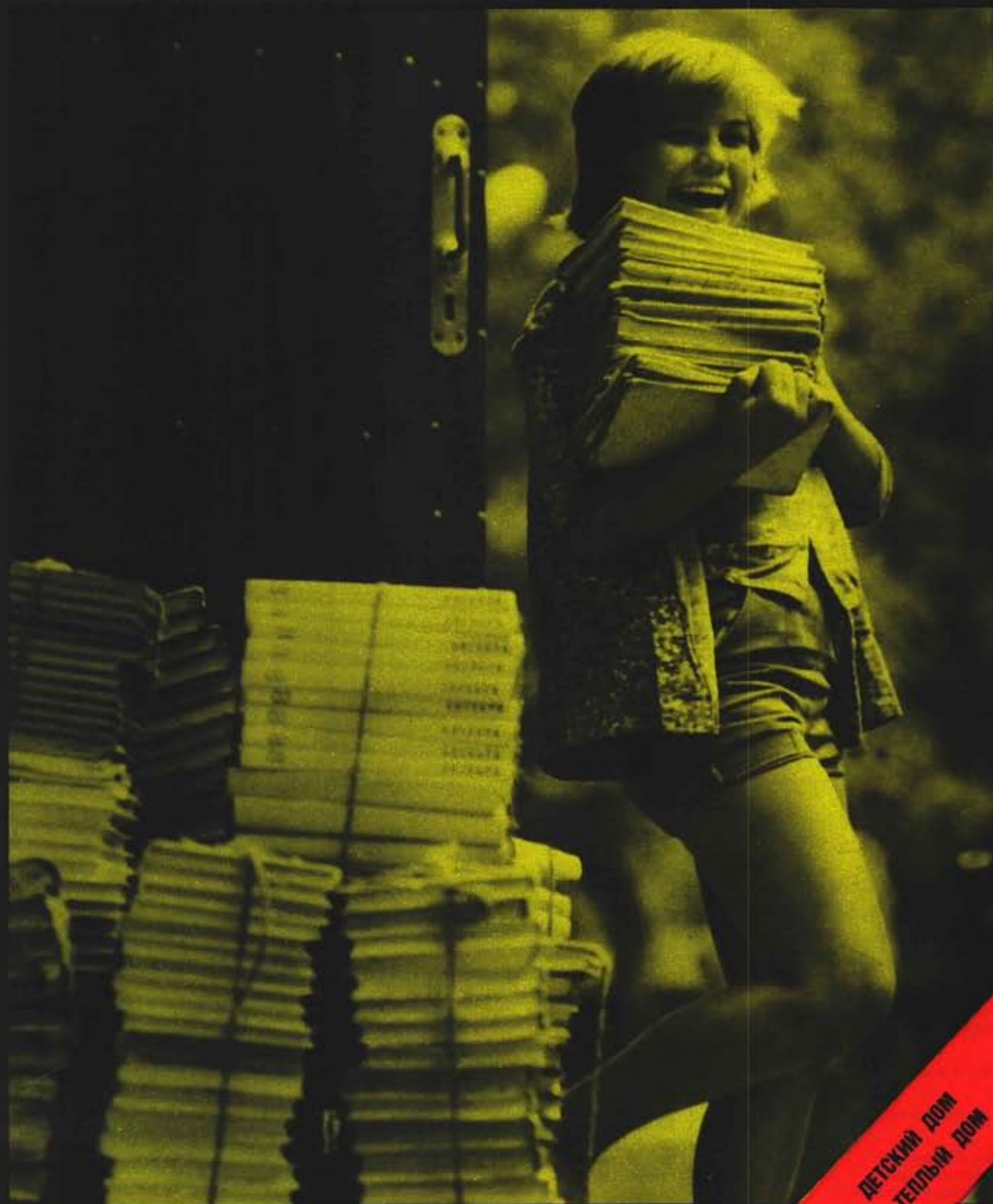
Как пробудить чувство вины у горе-родителей? Как помочь тем, кому судьбою выпало расти без отца и матери?

Подобные вопросы задает себе всякий честный человек, сердце которого отзывчиво на чужую боль. Шесть лет «Смена» ведет рубрику «Детский дом — теплый дом». И все эти годы публикации ее вызывают самые заинтересованный отклик читателей. Под откликом мы имеем в виду не только ваши письма — их нельзя читать без волнения, но и реальную помощь детям. И для нас, журналистов «Смены», шефство над детскими домами — это не просто очерки и статьи. Это прежде всего дело. В канун XX съезда ВЛКСМ более пятидесяти тысяч книг прислали в редакцию читатели для пополнения библиотек детских домов. Скомплектовать из них посылки нам помогли давние друзья журнала — сотрудники Государственной республиканской юношеской библиотеки имени 50-летия ВЛКСМ. А упаковали библиотечки и отправили по адресам работники экспедиции издательства «Молодая гвардия». Выражаем всем добровольным помощникам самую искреннюю благодарность за участие в нашей акции. Низкий поклон вам, дорогие читатели, за доброту и отзывчивость! Книги, присланные вами в «Смену», уже получены в сотках детских домах РСФСР.

Создание образцов красивой одежды для воспитанников — это тоже реальное дело, в котором журнал принимает активное участие. Из-за ведомственных проволочек экспериментальные образцы, снимки которых публиковала «Смена», пока никак не продвигаются к массовой серии. Довести начатое дело до конца, то есть добиться, чтобы ребята всех детских домов были одеты не хуже, чем дети домашние, еще предстоит.

Хочется подчеркнуть: шефство над детскими домами не временная кампания. Проблема сиротства и сегодня сохраняет свою остроту. Увы, далеко не все детские дома стали по-настоящему теплыми. А значит, нам рано закрывать рубрику, материалы которой посвящены острее социальной проблеме.

Мир детства нуждается в защите.

ДЕТСКИЙ ДОМ
— ТЕПЛЫЙ ДОМ

НОВЫЙ КРОВЬ для ДЕТСКОГО ДОМА

ДОБРОТА — ПОНЯТИЕ ОСЯЗАЕМОЕ

Альберт ЛИХАНОВ

Письмо коллективу Кировского
электромашиностроительного
объединения имени Лепсе

Прежде всего хочу сказать о чувстве, которое мною владеет сейчас, когда я пишу эти строки. Немало, как всякий человек, отправил я писем в жизни — близким, родным и совсем посторонним людям в силу своих писательских обязанностей, но впервые пишу письмо, обращенное сразу ко многим людям, и все эти люди такие разные. Рабочие и инженеры, конструкторы и вахтеры, уборщицы и администраторы, добродушные и усталые, добрые и не очень, молодые и пожилые, рядовые и руководители ответственных производств, женщины и мужчины, женатые и разведенные, счастливые и не вполне, бездетные и такие, у кого семеро по лавкам. У каждого, ясное дело, свои заботы, своя суета, свои радости и печали, но все это в общем-то называется жизнью, а соединяет вас воедино просто место вашей работы — завод.

Волнение мое объясняется вашей человеческой непохожестью, пожалуй. Сколько людей, столько и характеров, столько судеб, не говоря уж о мнениях. У иного два, а то и три соображения по одному и тому же поводу случаются, не говоря уж о том, что к одному и тому же очень ясному предмету, например, к работе, может быть, у людей, станки которых стоят рядом, несколько совершенно разных отношений.

Но работа — дело ясное, а я вот вознамерился у непохожих людей — пусть и одного предприятия, одного, можно сказать, коллектива — вызвать общее чувство.

Что ж — рискованно, но попробую. Речь о детях. Уточню — о чужих детях. Чужих и вам, и мне, если мерить, конечно, близость и дальность человеческих отношений, увы, общепризнанными в быту мерками.

Об этих детях мало кто даже по-настоящему знает. Как говорится, спрашивается бы со своими. Вон на своем-то

ботинки так и горят, в школе перебивается с двойки на тройку, по улице свищет допоздна, да еще попробуй ему замечание сделать! Но речь все-таки не о своих. Хотя и получит порой ваш или ваша под горячую руку призывную затрепину в качестве акта педагогического отчаяния, хоть и поблажат, попривередничают, пообижаются, а все же нет у этих мальцов никого ближе вас, никого ближе матери и отца.

А по жизни нашей тем временем, по улицам городов и селений ходят и бегают совсем другие дети, не очень-то отличимые от остальных своей одеждой и все же одетые похуже. Эти дети растут без родителей: или не имеют их вовсе, или родители их лишены государством материнских и отцовских прав, или же родители эти «в бегах», а еще и того хуже — за решеткой, оказавшись там в силу деяний наказуемых.

Необходимое пояснение автора

Некоторое время назад я обратился с этим письмом к рабочим Кировского электромашиностроительного объединения имени Лепсе. Его напечатали в многотиражке объединения. Сейчас идет его обсуждение. И хотя обсуждение еще не завершилось, уже ясно, что объединение — его рабочие, инженеры, комсомольские активисты, партком, администрация — предложение одобряют.

Вот тут-то и обиделись на меня мои товарищи по работе в «Смене». Смысл их упрека таков: что же такое получается, наш журнал столько лет ведет тему детского дома, и вдруг, когда речь пошла о новой модели этих учебных заведений, предложение одного из сотрудников журнала остается где-то в стороне от редакционных интересов. Давайте, сказали мне мои товарищи, вместе с рабочими строить этот новый детский дом — с рабочими и читателями. Давайте следить за строительством, возьмем над ним свое шефство — у нас уже наработан такой опыт. И нечего,

Иначе говоря, в стране нашей еще достаточно настоящей, горестной детской беды, и первое, что я хочу подчеркнуть: ребята невиновны в своем одиночестве. Поговорим о родителях — кто они? Иные страдают, маются, прибегают к воротам детских домов, ищут встречи с собственными детьми, но ничего не могут поделать со своей натурой, сломанной пьянством, а то и наркотиками. Другие — и среди них немало молодых матерей — отrekliсь от ребенка прямо в роддоме, расписались в том и исчезли в людском море. Третьи, отбыв положенное в местах не столь отдаленных, возвращаются к своим детям, но, увы, порой очень поздно.

Во всех детских бедах повинны родители. Увы, слишком часто родня этих детей — дядя, тетка, бабка и дедушка — если и не отворачиваются от них, то не желают или не способны отно-

ситься как к собственным. Так что путь один: детский дом.

Для детских домов в последние годы немало сделано. Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об этих не очень-то радостных, но необходимых пока домах. Пересказывать суть этих решений смысла, пожалуй, нет, скажу только, что укрепляется материальная основа воспитания, дети будут лучше одеты и сытнее накормлены, придут новые педагоги, и положение работающих там серьезно улучшается. Словом, сделано многое; чтобы детский дом стал подлинным теплым и родным домом, способным внушить ребенку надежду, одарить лаской и любовью.

И все равно: мать, отца он не заменит, нет!

Однако же невинных детей надо обеспечить максимумом человечности — много ли будем стоять мы все как люди, если станем считать это дело чьей-то ведомственной заботой! Немало шумных слов о коммунистическом сообществе наговорили мы друг другу, но не маловато ли истинно коммунистических поступков и дел совершаем в нашей человеческой повседневности? Не слишком ли часто еще ждем, когда кто-то где-то и непременно наверху сделает это властью высшей, приняв постановление, объявив, признав необходимым. Кстати, о необходимости сделать заботу о невинных детях подлинным делом партии и народа — и сказано, и постановлено, но сделать дело-то должны конкретные люди в конкретных городах и районах.

Да, отца-мать не заменишь, какой бы немислимой доброты люди ни работали в детских домах. И все-таки общество обязано что-то сделать для максимальной реализации нашей человечности во имя этих детей, не так ли?

Однако практика такова, что детский дом, школа-интернат для сирот и детей родителей, лишенных родительских прав, — учреждения, подведомственные Министерству просвещения, не могут прыгнуть выше собственной головы в наиглавнейшем деле. А именно: дет-

сказали мне мои товарищи по журналу, смущаться тем обстоятельством, что автор идеи и главный редактор «Смены» — одно и то же лицо. Дело в сути, а не в лицах, в идее, в том, что за плечами у детдомовцев возникает такая могучая сила, как рабочий коллектив.

Подумав, я согласился с этим, и вот журнал как бы предлагает читателям присоединиться к обсуждению письма и педагогического задания на проектирование.

Идея, таким образом, выносятся за пределы одного коллектива — имеется в виду коллектив Кировского объединения. Мы ждем откликов читателей и обязательно обнародуем мнения рабочих объединения. В конце концов им строить этот детдом, если они возьмутся за дело.

Ясно одно: попытка, социальный эксперимент, который мы предлагаем сначала для обсуждения, затем для воплощения, может быть важным, полезным и весьма конкретным (а именно этого прежде всего и требует наше время) делом и комсомола, и педагогики, и рабочего коллектива, и общества в целом.

ский дом не способен даже организационно обеспечить будущность этих детей. Переступил воспитанник порог детского дома, и он сам себе — вольная птица. Подумайте-ка о своих: можно ли, нужно ли предоставить полную волю человеку, закончившему 8 или даже 10 классов?

Сколько внешней помощи еще надо начинающему студенту, ученику профтехучилища, молодому рабочему? А после детдома? И без того одинокие, ребята остаются еще и бесконтрольными. Дай бог, повезет, встретятся на заводе, в ПТУ, институте добрые, сердечные взрослые — не просто дадут койку в общежитии, а проявят участие, станут интересоваться — как с зарплатой, как деньги тратишь, во что одет, с кем водишься. Иными словами, выход из детского дома для многих тысяч наших сограждан — это как падение с обрыва. Только крика не слышно. Эти дети не умеют кричать так, чтобы их услышало общество. Но голос их мы услышать обязаны.

Теперь я должен сказать о себе: зачем про это пишу, почему этим занимаюсь. Современное сиротство — при живых родителях — очень беспокоит меня как одно из наименее развитых наших несовершенств. Чисто по-человечески. В свое время я обратился в ЦК нашей партии с обширным письмом, предлагающим кардинально изменить обстановку в детском доме, и безмерно счастлив тем, что с этого письма началась подготовка важного документа.

В документе есть пункт, разрешающий предприятиям строить новые детские дома. Он, этот пункт, и открывает ворота для торжества социальной справедливости, создает возможности реально обеспечить будущность покинутых детей. Этим-то и заканчивается мое как бы нравственное объяснение предмета, мое предисловие к важному предложению, которое я выношу на ваш суд.

Предложение состоит в том, чтобы с помощью объединенных усилий заводского народа и педагогики поставить совершенно новый социальный эксперимент — создать новый тип детского дома: детский дом промышленного предприятия.

Почему, спросите вы? Зачем надо заниматься этим предприятию — у него и своих забот немало.

Верно, немало. Точнее, очень много. Среди этих многих забот на одном из первых — кадровая. Чтобы мощно и бесперебойно работала вся система заводского кровообращения, ему постоянно нужны новые молодые люди, привязанные к заводу не только рублем, хорошей работой, перспективой, то есть привязанные выгодой, но еще привязанные морально. Благодарные люди нужны заводу.

Заметьте: одно дело — благодарность взрослого, закаленного жизнью человека. Такой испытывает чувство благодарности к заводу за все вместе, комплексно, и единство параметров, по которым он достиг удачи — получил квалификацию, квартиру, уважение, орден, — есть не что иное, как судьба.

У молодых же ни о какой благодарности речи нет. Годы требуются, чтобы возникло это высокое чувство.

Итак, молодые кадры. Кроме, пожалуй, выпускников заводского профтехучилища, все остальные новички — просто люди с улицы. В лучшем случае ученики подшефных школ, не попавшие в институт или техникум. Придут, осматрятся, кто-то останется, кто-то исчезает. Типичная ситуация.

Не отрицая этих ручейков, из которых и сливается кадровая река, я предложил бы создать, по существу, особую кадровую школу, постоянно, ежегодно поставляющую своих воспитанников заводу. При этом каждый ученик заранее знает, что он уже со школьной скамьи считается человеком завода. Детский дом промышленного предприятия призван будет сыграть роль коллективного родителя, участвующего в воспитании и образовании своих детей.

Приглашение детей — именно приглашение! — в детский дом завода должны

сделать сами рабочие, специально избранный актив из наиболее благородных и зрелых людей. При этом детям надо прямо и откровенно сказать, что их приглашают не просто в новый детдом, где будет лучше и интереснее жить и учиться, а именно в заводской детдом, и приглашает именно предприятие, которое даст им самое главное: будущность.

После детдома — этого детдома — они не полетят с обрыва во взрослую жизнь. Они просто переступят с одной ступени на другую в одном и том же доме. Из заводского детдома перейдут в заводской цех, получив заранее специальность, получив место в общежитии, а потом и квартиру. И этот заводской цех не станет чем-то абсолютно новым и пугающим, потому что практику ребята будут проходить вполне определенно: каждый класс — в своем цехе, прикрепленном к классу постоянно, на долгие годы.

По существу, предприятие берет под свое крыло обездоленных детей, даря им профессию, жизненную перспективу, гарантированность рабочего места, жилья, равный с остальными социальный и гражданский статус. Приходя на завод, такой молодой рабочий не станет смотреть на сторону уже хотя бы потому, что у него непременно возникнет чувство привязанности.

Чувство это будет глубоким, многолетним, серьезным, если, конечно, его не разрушать.

А от разрушения такое чувство надо сберечь. Например, будущими товарищескими советами выпускников детдома, куда войдут представители администрации, парткома, профкома, комитета комсомола. Но это потом.

Пока же я хочу внушить читателям этого письма мысль о необходимости общественного участия в судьбе обездоленных детей. Педагогика, сама система детских домов оказались слишком изолированными от главных общественных сил страны. Так называемое шестство способно залатать дыры на крыше детского дома, но никак не рассчитано на действенное и многолетнее ответственное участие в судьбе малого человека.

Отстраняться от наших общественных забот — что ж, в этом, увы, опыт наш немал. Принять на себя тяжесть чужой беды, отвести ее — это простое, нелегкое дело, и много мы еще набьем себе синяков, пока научимся такой достойной, нужной работе.

И вот теперь предлагаю вам вместе поставить социальный эксперимент: построить детский дом промышленного предприятия. Если хотите, макаренковскую школу на новой основе, когда крупному заводу и его людям есть дело до покинутых детей.

Ниже публикуется так называемое педагогическое задание на проектирование детского дома. Я выношу его на ваше обсуждение. Прежде чем опубликовать его, я изложил свою идею дирекции предприятия и областного комитету партии. Там меня поддержали. Средства на стройку нашлись. Теперь я предлагаю публично обсудить эту идею. Прежде чем взяться за дело, как бы проголосовать за него. А еще глубже — пригласить всех и каждого внести свои дополнения, уточнения, предложения. Как говорится, ум — хорошо, а тысяча — лучше.

Средства на социальное развитие предприятия, которые можно использовать для строительства детского дома, послужат высокообщественной задаче — они помогут ощутить уверенность сотням детей, найти свое место не где-то там — далеко в жизни, а вполне конкретно — на вашем заводе. И если у этих десятков, потом сотен, а затем тысяч молодых людей жизнь станет лучше, то это произойдет благодаря заводу и с реальной пользой для завода!

Хочу заметить напоследок: мы часто и охотно толкуем о доброте, да порой это понятие звучит пустым, хотя и желанным звуком. Но доброта — понятие конкретное, осязаемое. И оно состоит из конкретных решений, поступков, дел.

ПРОЕКТ

ДЕТСКИЙ ДОМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Педагогическое задание на проектирование

Заводской детский дом предполагается реализовать как новый тип учебно-воспитательного учреждения, объединяющего в себе три начала: детский дом, школу и ПТУ.

Официальное наименование по типу: детский дом промышленного предприятия.

В этот детский дом приглашаются дети из детских домов области после окончания начальных классов школы.

Последующая учеба для всех без исключения: до окончания 11-го класса общеобразовательной школы с трехлетним (после 8-го класса) обязательным профессиональным образованием.

Два последних года учебы, соединяющие общеобразовательную подготовку с профессиональной, организованы на базе СПТУ предприятия, с ежедневным выездом учащихся в СПТУ и возвращением обратно. Первый год профессиональной подготовки организуется в специальных мастерских, находящихся на территории детского дома.

Детский дом нового типа следует спроектировать и построить, исходя из принципа, что это будет эталонный комплекс зданий и сооружений, способствующий всестороннему и гармоничному развитию личности, несущий в себе черты обустроенности и теплоты родного дома. В доме будут расти и воспитываться 420 детей.

Каждая группа составляет 20 человек. Группа равна учебному классу. Каждой группе приданы два педагога-воспитателя.

Имеется в виду, что параллельно с 5-го по 11-й класс в доме существуют по три класса (3×20×7=420 учащихся).

Соотношение девочек и мальчиков равное. Спальные комнаты должны быть рассчитаны на 4 человека. Таким образом, каждый класс (группа) располагается в пяти комнатах. Желательно так спроектировать расположение каждого пяти комнат, чтобы между ними находился небольшой холл, где можно поговорить, почитать, написать письмо.

Каждая жилая комната должна быть в последующем оборудована как домашнее помещение и спроектирована с повышенной комфортностью. Имеет смысл так расположить спальные корпуса мальчиков и девочек, чтобы они напоминали сомкнутые крылья самолета, посреди которых находятся площадки для круглосуточных дежурств. Перпендикулярно пересекаясь со спальными корпусами, в месте площадок для дежурных к зданию должны примыкать: бокс для заболевших с несколькими кабинетами для врачей и медицинского персонала, кабинетами начальной диагностики, а с другой стороны — склад (точнее, резервное хранилище одежды).

Учебный комплекс должен отличаться от типового здания школы в лучшую сторону. Учебное здание, как и интернатская часть, должно быть невысокой этажности, но с увеличенной кубатурой помещений, работающих в основном по кабинетному принципу.

Имеет смысл, чтобы каждый класс (группа), кроме порядкового номера класса, носил имена замечательных людей нашего Отечества и в каждом классе — даже если он оформлен как кабинет — значительная стендовая плоскость оформлялась ребятами как стенд героя, именем которого назван класс.

Необходима пионерская комната и помещение для комитета ВЛКСМ. Коридоры в учебном здании необходимо спроектировать повышенной ширины и высоты.

Между учебным зданием и спальными корпусами должен находиться обширный комплекс сооружений, в которых будет проходить вся внеклассная жизнь воспитанников.

Столовая на 250 мест. Предлагается, чтобы питание было организовано в две смены.

Спортивный зал.

Бассейн (5 дорожек × 25 метров). Актовый зал на 500 мест, приспособленный для демонстрации кинофильмов и выездных театральных постановок. Актовый зал должен являть собой центр культурного комплекса, к которому примыкают рассчитанные на одновременные занятия 50—60 учеников следующие помещения: 1) театральная студия, 2) художественная студия, 3) салон для теле- и видеосмотров, 4) зал для игровых автоматов. В состав культурного комплекса входит библиотека с читальным залом.

Спортзал и бассейн архитектурно должны смыкаться с открытым стадионом юношеского типа (укороченные дорожки, уменьшенное поле, трибуны простейшего типа).

Учебный, спальный, культурный и спортивный комплексы могут находиться на одной прямой или параболе, будучи соединенными в одно целое застекленными переходами.

Таким же переходом к главной параболе дома должен примыкать производственный корпус, состоящий из мастерских для первого года профессионального обучения (60 мест) и еще одного — производственного отделения на такое же количество мест по профилю ПТУ для того, чтобы организовать производительный труд желающих учащихся и учеников 10-х и 11-х классов.

Особенно необходимо обговорить уровень проектирования санитарных зон спального корпуса. Душевые для девочек и мальчиков должны быть отдельными, а туалеты — индивидуальными, максимально комфортными, в лучшем смысле слова «домашними».

Территория, прилегающая к детскому дому, должна быть садом. На этой территории необходимо построить теплицы, где могут работать учащиеся младших классов.

К мастерским примыкают складские помещения, гараж, рассчитанный на 4—5 «Икарусов», 7—8 «рафиков» и легковых автомобилей.

К столовой должны примыкать кухня и продовольственные склады. На некотором удалении от дома предполагается возвести шесть 12-квартирных жилых домов для педагогов и персонала.

Кабинет директора дома лучше всего расположить в учебном корпусе, соединив его с большой комнатой для совещаний педколлектива.

Детский дом завода закладывается как прообраз коммуны, по типу макаренковской, где, сочетая всестороннее развитие с учебной и производственным трудом, дети, оставшиеся без родительской опеки, найдут подлинную опору в своих педагогах, обретут профессию и перейдут под крышу промышленного предприятия, которое обеспечит им гарантированную социальную будущность.

Лаборатория
воспитательной работы
в детском доме
НИИ Общих проблем
воспитания АПН СССР.

Солистка ансамбля «Зебо»
Гостелерадио Таджикской ССР,
делегат XX съезда ВЛКСМ

Нигина Раджабова:

— Творческая позиция молодого деятеля культуры... Не таким-то простым оказался ее выбор. Я часто ловлю себя на мысли: а не отстают ли культура от поражающей откровенности партии? Не оказались ли мы поспешающими вослед, хотя искусство должно идти впереди, должно прогнозировать?

В канун комсомольского съезда каждый молодой художник должен откровенно спросить себя: готов ли я сполна реализовать дарованную мне свободу творчества и понимаю ли я ее как свободу творить во благо народа? А прежде чем ответить, обязан задуматься о своем месте в искусстве, о своей роли в формировании души читателя, зрителя, слушателя. И если каждый молодой художник мысленно представит себе юного неискушенного зрителя, слушателя с неустоявшимся вкусом, не привыкшего работать с книгой читателя, то он всем существом своим осознает меру собственной ответственности перед теми, для кого он творит.

Не обязательно публично, вслух, на людях отвечать на эти вопросы. Художественное творчество по природе своей процесс интимный, требующий уединенности, сосредоточенности. Но то, что создается в тиши и одиночестве, приходит затем к людям и становится общим достоянием. С чем же ты выйдешь к людям, молодой художник?

Этот вопрос не риторический. Ибо сегодня нас не может не беспокоить то, что и в среде творческой молодежи порой забываются высокие гуманистические традиции русского классического искусства, что передается забвению богатейшее наследие прошлого, что молодые люди творческих профессий в заботах о личном престиже и материальных благах иной раз забывают о своем гражданском долге, об обязанности небезразлично относиться к тому, что происходит в мире, в стране, в нашей общественной жизни.

Именно этим беспокойством — и, конечно, не только о внутреннем, душевном состоянии молодых деятелей искусства, но и об эстетическом воспитании наших молодых читателей — вызваны к жизни многие рубрики «Смены», такие, как «Отечество», «Силуэты», «Литературные уроки», «Молодые мастера искусств».

Литература и искусство формируют внутренний мир человека, обогащают его душу, и прикоснувшийся к творениям духа человек уже по-иному чувствует себя в окружающем его мире.

«Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности». Эти слова великого русского критика Виссариона Белинского — наш девиз. Чувство прекрасного, осознание идеала и побуждают людей к достижению совершенства — нравственного и гражданского.

С таким девизом ты вправе идти к людям, молодой художник!

МОЛОДЕЖЬ И КУЛЬТУРА

Париж. 1984 год. Жюри конкурса «Жилище завтра», организованного ЮНЕСКО и международным Союзом архитекторов, подводит итоги. Рассмотрено 250 проектов из пятидесяти двух стран. Нужно выбрать десять лучших. Председатель жюри Кендзо Танге (Япония) говорит об одном из них: «Проект вобрал в себя всю совокупность актуальных проблем». Мнение Танге разделяют и другие члены жюри. Проект молодых белорусских архитекторов из Бреста Валерия Кескевича и Николая Пушкова отмечается премией ЮНЕСКО.

ДОМ

НАШЕГО ЗАВТРА

НОВЫЙ ПРОЕКТ МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ

Светлана ПОДОРВАНОВА

Начиная работу над проектом, молодые архитекторы решили исходить из насущных проблем республики и национальных архитектурных традиций. Большая часть населения Белоруссии проживает в сельской местности. Именно здесь сильны национальные формы зодчества, и именно здесь они нуждаются в сохранении. Дело в том, что «технологический» подход к проектированию сел и деревень принес уже немало бед. Попытка механически перенести «городской» стиль архитектуры в деревню грубо нарушал уклад жизни, экологическое равновесие, извечную связь человека с природой.

Что предложили Кескевич и Пушков?

Жилище будущего. В шахматном порядке, на искусственных террасах строится небольшой, уютный поселок. Жилые квартиры и сад располагаются с южной стороны террасы, а с северной — подсобные помещения, гаражи, скотные дворы. Почти каждый дом «венчается» так называемыми «двухсветными объемами», напоминающими традиционные крыши белорусских хат: в них могут располагаться сауны, домашние стадионы, дискотеки, кинозалы, игровые комнаты для детей.

Жилое помещение напоминает интерьер старинной хаты, а централь-

ный блок с кухонным оборудованием — традиционную печь. Прихожая выделена лишь условно: она может быть объединена с общим пространством, если убрать гибкие перегородки. А количество комнат с помощью таких перегородок может увеличиваться или уменьшаться.

Мебель расположена в стенах дома, потолка и полах и при необходимости извлекается оттуда простым нажатием кнопки. Удобно: кровать на день можно убрать в стену, а на ее место выдвинуть письменный стол. Таким образом можно разнообразить интерьер, легко менять его в соответствии с желанием хозяев дома.

Общий силуэт архитектурного комплекса — двускатные крыши, искусственное «соломенное» покрытие домов, многообразное техническое оснащение: широко используется энергия солнца, ветра для обогрева и освещения домов.

Проект создавался в фантастически короткий срок: всего два месяца. Порой ребята сами удивлялись поразительной способности понимать друг друга с полуслова. Угадывать мысль товарища, когда она еще не оформилась в слова, только промелькнула, а ты ее уже улавливаешь и произносишь. Жены посоветовали им вообще домой не приходить, а переселиться в институт и жить там

себе спокойно, «нечего семье нервы трепать». А времени все равно катастрофически не хватало. Наступил день, когда надо было взять проект в Минск. Последние штрихи проекта вырисовывали на вокзале в Минске, куда прибыли в предрассветный час и в слешке, в суматохе вокзальной кочевой жизни, чудом отыскав в служебном помещении свободный уголок, разместили на каком-то бачке чертеж. Валерий подозревал, что на мусорном. Мимо сновали служащие вокзала, уборщица ходила вокруг них с мокрой тряпкой и ворчала — мол, прибежали как на пожар, наследили... Вот так заканчивали свой замысел, мимолетно поражаясь, что ни у одного человека не вызвали естественного в подобной ситуации вопроса: что, собственно, они тут делают?

Они и раньше участвовали в конкурсах: республиканских, всесоюзных, международных. Редко не награждались. В основном получали вторые, третьи премии. Иногда удостаивались поощрительной. Необходимость конкурсов понимали со всей ясностью: как спортсмен всегда должен быть в форме, так и они ни на минуту не имели права лишаться творчества. Не расслабляться. Не облениться. Не утратить мысль, фантазию. Не обрасти уютным жирком успокоенности. А главное — не утратить веру в себя, в свои силы. Это

вынесли еще из института. Сейчас с радостью и даже с удивлением вспоминают студенческие дни. Неужели так было!

Увы, теперь они очень хорошо представляют себе, что можно ладненько обойтись и без творчества. Потому что архитектура в своем потоке повседневной, рутинной работы, большей частью с бумажками, редко требует фантазии, дерзания.

Иногда, устав и обозлившись, размышляли: а не уйти ли вообще из архитектуры? В море, матросами — то ли в шутку, то ли всерьез. «Ну, зачем так далеко? — съязвил Валерий. — Лучше в мазины, так вернее. Предлагаю рисовать плакаты типа: «Не стой под краном — убьет». В классики не попадешь — зато деньгами утешься».

На том и заканчивалась разрядка. Но с горечью еще не раз замечали: приваривает из института окрыленными ментами свершить «нечто такое» — недавний студент и, быстро остуженный реальной, рутинной работой, опускает крылышки. Увядает мысль, как-то очень быстро гаснут, притупляются порывы, и появляется на первых порах раздраженность, а затем самое страшное — равнодушие. Зарплата у архитекторов после института — 110 рублей. Поэтому многие архитекторы то в колхозы выезжают — клубы или столовые оформлять, то в деревнях колодцы ста-

вить. Творчества, конечно, никакого. Однажды к Кескевичу подошел «молодой специалист», посаженный начальством за раскраску чужих чертежей и составление ведомостей. Сказал: «Я ненавижу архитектуру». Многие на их глазах сменили профессию. Уходили кто куда. В шоферы, в милиционеры, чаще, конечно, в «мазины» — художники. Как правило, уходят не фанаты. Люди быстро уставшие, порой сломленные...

Конкурсы — творческое спасение для архитекторов. Несмотря на то, что на условиях многих конкурсов часто делается приписка: «Проект реализован не будет». Потому что в данном случае важна идея, концепция, философская мысль. Молодым важно донести свое видение архитектуры, не расплескать в кулуарных разговорах мысль. А остальное когда-нибудь приложится...

Многие молодые архитекторы откликаются на любые условия конкурсов. И создают настоящие произведения искусства. Не покидает вера, что их идея может в итоге принести нечто принципиально новое и полезное людям. Конечно, проект утрачивает актуальность, но, может быть, через много лет их идея подтолкнет других к новому проекту.

Видимо, поэтому и не торопятся Кескевич и Пушков после работы разбегаться по домам. Засиживаются допоздна: вахтер тетя Вера спокойно на

них уже и смотреть не может: «Все люди как люди, а эти вечно...» За неторопливым разговором, иногда, казалось бы, ни о чем, вдруг вспыхивает искорка мысли, еще не совсем осознанного замысла...

Жилище будущего... Как бы хотелось, чтобы это будущее быстрее приближалось к настоящему! Чтобы прекрасные идеи не засыхали на корню, чертежи не выцветали от времени...

После того, как проект Пушкина и Кескевича получил премию ЮНЕСКО, в родном городе за них порадовались. Но никто по-настоящему не заинтересовался реальной возможностью уже сегодня осуществить предложения молодых архитекторов, а НИИГидросельстрой БССР вообще отверг этот проект, дав отрицательную рецензию на статью — обстоятельное описание проекта, подготовленную для журнала «Строительство и архитектура Белоруссии». Разумеется, после этой рецензии статья опубликована не была. И, к сожалению, обком комсомола заинтересовался делами архитекторов только после того, как они получили международное признание.

Конечно, нам многое «виднее», чем признанным мировым авторитетам архитектуры. Но не слишком ли равнодушно, расточительно мы относимся к своим талантам, своим прогрессивным проектам?

Александр ГЕРЦЕН:

Из писем детям

НАСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫМ

О САМОРАЗВИТИИ

А. И. Герцена, 175-летие со дня рождения которого отмечается в эти дни, чрезвычайно ценил как писателя и революционного демократа Владимир Ильич Ленин. В этом человеке, о чем неоднократно говорил Ильич, не может не покорять цельность и яростная приверженность революционной идее. Владимир Ильич не раз привлекал внимание своих современников к творчеству, философии, нелегкой судьбе Герцена.

Обращение к классикам революционно-демократической мысли не утратило актуальности и сегодня, когда мы пытаемся осмыслить действительность новым критическим взором. Мы знаем и открыто говорим о многих нерешенных вопросах. У нас есть проблемы экономические, есть проблемы социальные, нравственные, есть проблемы в научной и культурной областях. И молодежи вместе со всеми нами предстоит их решать. Но все же именно молодежь обязана критический взор обратить прежде всего к себе, направить свою энергию на самовоспитание, самообразование, саморазвитие.

В свое время призывал к этому своих детей Александра, Наталью и Ольгу А. И. Герцен, которого очень волновала их судьба. Живя вдали от родины, он делал все возможное, чтобы воспитать в них чувство любви и преданности России. Ему хотелось видеть своих детей людьми широко образованными, глубоко чувствующими, живущими общественными интересами, борцами за благо русского народа.

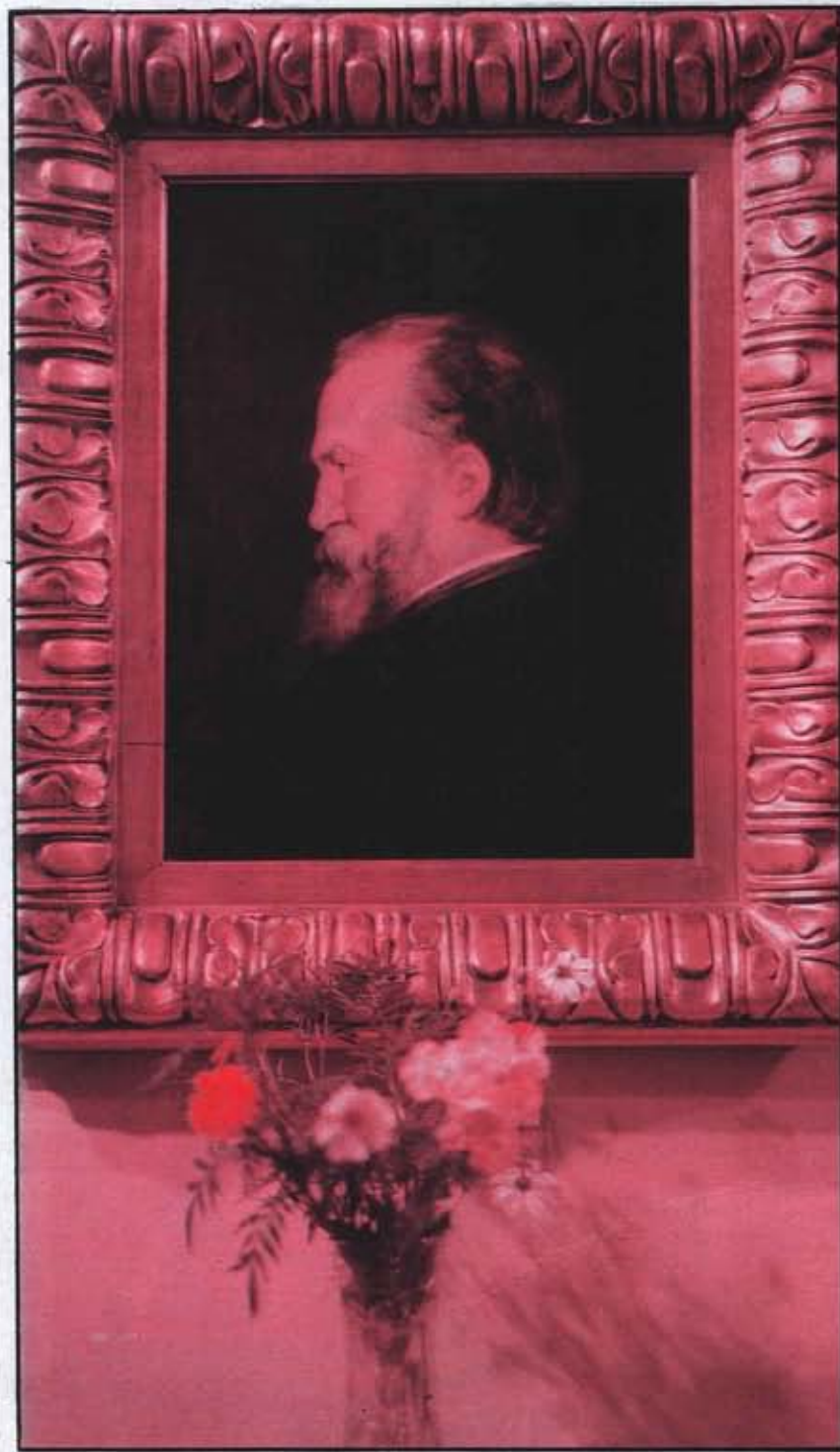
Несмотря на трудности жизни за границей, чрезвычайную занятость, невозможность посвятить себя целиком детям, Герцен никогда не забывает о них. Письма Герцена детям, в особенности сыну Александру, получившему блестящее образование и ставшему профессором физиологии Лозаннского университета, и самой любимой старшей дочери Наталье, одаренной художнице, ближе других детей Герцена стоявшей к революционному движению, показывают, сколь важно было для Герцена, какими они станут. Но жизненный путь детей определяется не только желаниями их родителей. Неудовлетворенность судьбой своих детей, ставших наполовину иностранцами, вносила немало горечи в жизнь Герцена.

СЫНУ:

«Будь человеком развитым»

Саше Герцену. 20(18) июня 1851 г. Париж.

«Любезный Саша, тебе через пять дней будет двенадцать лет. Поздравляю тебя, мой друг, ты становишься больше и больше человеком. Пора тебе продолжать начатое мною: я сам был по тринадцатому году, когда пошел по трудной дороге, и вот двадцать пять лет шел я по ней; ни тюрьма, ни ссылка, ни даже вы все не отклонили меня, я служил на пользу России словом и делом... Теперь я устал, но тебе приготовил и место, и имя, которое ты можешь носить с гордостью; ты будешь уметь воспользоваться ими, ты будешь продолжать спокойнее и дольше — я буду радоваться твоим успехам. Но для это-

го первое дело — образование: учишь, учишь и учишь.

«...Надеюсь, что ты мои письма бережешь».

А. А. Герцену. 26(14) августа 1858 г. Путней.

«...Любезный Саша, — ты знаешь, что я тебе говорил о значении этих писем. В них я мало-помалу буду договаривать то, что не успел договорить на словах».

А. А. Герцену. 29—30(17—18) сентября 1858 г. Путней.

«...Получил ли ты «Колокол» 23—24? Пора узнать твою будущую и подроб-

ную программу занятий. Помни, что тебе в особенности недостает классического образования, т. е. того общего человеческого, которое именно и называется «humaniora». При специальных занятиях естественно, несколько образовав себя чтением и посещением какого-нибудь курса философского, можешь воспитать себя сколько-нибудь и в эту сторону. Без нее страшно то, что легко можно власть в ремесленничество науки и за множественством фактов потерять общность дела.

«...Далее не забывай, что самое колоссальное орудие многостороннего обра-

зования — чтение. Не мешай ознакомиться и с древностью — не только по школьным книгам. Возьми Фоссов перевод Гомера, Софокл также хорошо переведен. Исторические сочинения постоянно надобно читать... Ты себе отметь эти книги на записке и мало-помалу читай их».

А. А. Герцену. 26(14) октября 1858 г. Путней.

«...У тебя нет плана, нет настоящей программы — потому ты и готов слушаться любого. Встретили Тесье — давай химию, встретится физик — давай изучать электричество. Из этого науки не составишь. Я буду шаг за шагом следить за твоими занятиями — но, пожалуйста, с ранних дел отвыкни от мысли, что ты можешь прожить без науки и специальности, еп gentier, ты страшно ошибаешься. Я не так понимаю состояние, — предотвратить тебя от крайности, дать полнее средств для образования — мой долг. На остальное — на праздное богатство — никак не надейся».

А. А. Герцену. 10 апреля (29 марта) 1859 г. Фулем.

«...Помни мое вечное правило: наука, серьезная наука лучше всего и прежде всего, и за всеми практическими, прикладными занятиями, наблюдениями и опытами помни, что чтение, и одно чтение, может образовывать мысль и форму. Практическая часть может сделать специалиста (и нужно быть специалистом), чтение и наука делают человека полного».

А. А. Герцену. 22(10) июня 1859 г. Фулем.

«...Треть или почти треть жизни прошла для тебя; через год — гражданское совершеннолетие. Еще два года — и настанет время деятельности... а для нее надобно быть сильно вооруженным или вперед знать, что останешься в задних рядах. Я не считаю, что раннее развитие было особенно необходимо; человек может много приобрести после школьного учения, но основания и занятий и всего умственного быта складываются в юности.

Из твоих писем я никак не вижу, чтобы ты, сверх занятий по части физиологии и пр., особенно читал что-нибудь дельное. Or rons (итак (фр.) — Л. К.) без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири понимания; Гете и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века, не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как полутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги. Чтение газет и журналов очень хорошо, но я говорю о книгах, о нескольких книгах, без которых человек не есть полный человек».

А. А. Герцену. 31(19) января 1860 г. Фулем.

«...Я и Огарев, окруженные со всех сторон страшнейшим деспотизмом Николая, гнетом семейных предрассудков, — мы вступили действительно в смешной бой с властью — и через тридцать лет мы стали так, что само правительство признало, что мы власть в общественном мнении... Нашу оппозицию теперь из истории не вычеркнешь — она бродит в сердцах юного поколения, бродит на

Кавказе у офицеров, в Сибири и пр. Естественно было желать — чтоб ты так же открыт был нашему слову, как все поколение. Естественно было желать — чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами, — по нему ты мог дойти бы, например, до того, до чего дошел один из деятелей в России — доктор Пирогов... Но для этого надобно упорно хотеть. У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не порицаю этого, но думаю, что ты незаконно бросаешь возможности, которые другие не имеют. Будь профессором — но для этого развей в себе научные понимания; куча сведений ничего не сделает, а пуще всего будь, пожалуй, и не профессором, будь просто человеком — но человеком развитым. Ты видишь, что я стесняю тебя не намерен; человек идеал свой имеет смолоду — у тебя его нет, ты не знал ни борьбы, ни усилий, и рос вяло, не верю, чтоб ты и теперь мог определить будущность... именно потому, что настоящей кровной *argie* репее (задушевной мысли (фр.)) — Л. К.) нет, — я буду долго направлять и останавливать тебя — до 25 лет. Потом только советовать и помогать».

А. А. Герцену. 5 марта (22 февраля) 1860 г. Фулем.

«...Больно мне, что нет серьезного грунд-тона в твоей жизни, который заправлял бы страстями, и, наконец, нет силы характера, которая бы вынашивала долго всякое чувство в собственной груди, испытывая его и закаляя. Поездки в Лондон на несколько дней я считаю решительно ненужной — и без достаточных причин не могу ее допустить. Я, любезный Саша, вижу во всем этом распушенность и до некоторой степени барство, т. е. неумение ограничиваться... Попробуй побольше сосредоточиться — введи с совершеннолетием арифметическим больше возмужалости».

В гармонию жизни входят и любовь и искусство, и наука, и пуще всего широкая гуманность — чем больше и богаче все это перемешано, тем полнее жизнь. А сделаться каким-нибудь Вертером — бедно».

А. А. Герцену. 7 июня (26 мая) 1860 г. Лондон.

«...Ты помнишь, я тебе читал в моих записках, как много просила меня Мамаша — спасти вас, брошенных политическими обстоятельствами в совершенно чужой мир. Я дал обет — и сдержал его. Для меня остались в мире две задачи: моя русская деятельность и ваше развитие. Одна — удалась вполне, и работа, жертвы — все вознаградилось успехом. От вашего развития я жду много; но тут я не умел сделать то, что хотел. Из тебя вышел иностранец — вероятно, моя вина, что я не умел развить в тебе даже понимание русского вопроса, но проходя мимо этого — я думал, что ты устроишь свою жизнь пошире обыкновенного *average* (среднего человека (англ.)) — Л. К.). Случилось не так».

«...Но это не все. У меня остается большая надежда на Тату, — последние мечты, которыми я липну к семье, к воспоминаниям!»

ДОЧЕРЯМ: «Работа — дело нравственное»

Н. А. Герцен. 15(3) июня 1860 г. Лондон.

«...Помни, что ты и Ольга — одно утешение, которое мне осталось в частной жизни, с другой стороны — Огарев и Саша и потом друзья — но вы две должны составлять — мой отдых от труда. Оттого мне хотелось бы вас очистить от маломальной дряни. Ольга шалит, но чем реже вижу я ее, тем больше вижу, что у нее необыкновенные способности. Вот одна из твоих жизненных задач — помогать ее развитию».

Н. А. и О. А. Герцен. 5—10 декабря (23—28 ноября) 1862 г. Лондон.

«...Поговорим же о твоем путешествии, из моих слов ты увидишь, чего я жду от тебя. Ты едешь для живописи. Талант

у тебя есть, но для развития таланта необходим упорный, выдержанный труд. Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, чтоб сделаться художником, один труд в соединении с ними может что-нибудь сделать. Без работы можно быть дилетантом, аматером — художником никогда. Итак, работа должна господствовать над всем в твоей жизни во Флоренции. Привычка к работе — дело нравственной гигиены. Для работы надо жертвовать многим, без сомнения».

Но ведь истинной любви вообще нет без жертвы, и там, где любовь к чему бы то ни было истинна, там жертва легка. К тому же искусство не так, как боги, которым тоже люди не умеют поклоняться иначе как жертвоприношениями, — оно требует мало, а дает очень много».

Оно требует сосредоточенности и исключения пустой суеты и тревоги праздной жизни. Для этого необходимо как можно меньше иметь сношений с людьми, ничем не занимающимися, с людьми, пропадающими от скуки, т. е. пустейшими из пустейших».

«...Само собой разумеется, что от них не надо бежать, но, скажу откровенно, лучше и их не искать. ...Теперь перехожу к другому предмету, близкому мне. На тебе лежит святая обязанность относительно Ольги... Ты еще настолько молод, что не имеешь терпимости совершеннолетия. Я не вино тебя за это, но думаю, что тебе на это надобно обратить внимание... Для Ольги ты представляешь семью, ее предания, даже родину; умей, друг мой, становиться выше детской шалости. Учи ее непременно по-русски — этого я требую. Об Ольге и о твоей работе пиши мне всякий раз и довольно подробно; время на это найдется».

Н. А. и О. А. Герцен. 1 июля (19 июня) 1863 г. Теддингтон.

«...Читаете ли вы, и что? Читай как можно больше и, разумеется, вечные книги — их немного — читай в хорошем переводе (хоть немецком) «Илиаду», «Одиссею», читай Шекспира, читай Гете, благо в Италии — читай Данте, — зато позволяется два года ничего не читать по-французски».

Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 13(1) августа 1863 г. Теддингтон.

«Милая Тата, чем ближе подходит время — тем живее мне вспоминается старая жизнь наша в Италии... Двенадцать лет — шуточное ли дело. Много устали, а все же, кажется, и свежих сил довольно осталось, и этим я обязан труду. Вот почему я так настаиваю на том, чтоб у тебя было постоянное, страстное занятие, которое при всех обстоятельствах спасло бы тебя от жизненных бед и потерь. Мне кажется ваша жизнь совершенно праздной — этому следует помочь, да и время подходит».

Н. А. Герцен. 10 апреля (29 марта) 1865 г. Канн.

«...Также много смеялся я над твоей статьей — у тебя есть решительный талант... в литературе и талант разговорного слова. Но два замечания: одно место длинно и вяло — этого надобно избегать... второе замечание идет к неведению о значении и употреблении некоторых слов в русском языке... Этого надобно тщательно избегать. Пиши больше, бери рамы пошире, я буду с тобой вместе читать и подкидывать. Вот поэтому тебе очень полезно пожить со мной в Женеве. Да еще — талант талантом, но вкус только образуется чтением, читать и перечитывать надобно несколько книг. А потом надобно читать и новые. Много ли ты прочла Диккенса? Впрочем, твой день не окончен...»

Н. А. Герцен. 6 ноября (25 октября) 1866 г. Женева.

«...Имей в виду одно — что если есть успех, то надобно добиваться до больше-возможного совершенства — иначе это будет аристократическая шалость. Ты помнишь, что я тебя обвинял... в расставании — в недостатке выдержки

и в бедности труда. Ты уж этим наполнила вину убила живопись».

Я пересмотрел, что ты пишешь о мадерах. Конечно, одинокое воспитание способствовало многому — но не все от него. Такт и обдуманность идут из внутренней эстетики. Воспитание — или окружающее не на первом плане. Подумай, что если б это было так, то развитие мамы было бы доказательством, что княгиня Марья Алексеевна была великая воспитательница и ее круг — старых дур и дураков — лучший в мире».

Н. А. Герцен. 2 апреля (21 марта) 1868 г. Женева.

«...Дело Саше решено — остается *subir* (претерпеть (фр.)) — Л. К.). Сначала он будет доволен — впереди боюсь... многого — даже денежного недостатка... Да, Тата, мало что-то света впереди. Огарев падает силами и все глубже вживается в свою душевную жизнь. Генри принесет ему много печали. Саша уйдет в свою семейную жизнь — тоже не легкую... Мне иногда становится страшно за всех вас».

Н. А. Герцен. 20 (8 апреля) 1868 г. Ницца.

«Милая Тата, твое письмо к Natalie навело меня на разные мысли. Оно показывает, что ты не летишь, а и духом вступила в совершеннолетие и начинаешь разглядывать шероховатую сторону жизни. Это понимание на тебя кладет ответственность — и потому я был прав, говоря тебе в прошлом письме, что, может, на твоей судьбе улыбнется нам светлый закат. Дело Саше я считаю проигранным — он три (а может, и больше) раза шел на гибель упрямо и притом холодно — влюбчивым характером. Симптомы были те же — он говорил об маленькой, пустой Урике так, как Мейзенбург об Ольге, он мне писал о Берте, что она гений... Как миновали Урика и Берта — ты знаешь. Большой надежды на прочность нет — а когда цепь будет на шее, она останется. Вот, Тата, тут и учишь, что несчастья почти всегда — простое последствие, люди это называют наказанием — а оно просто силлогизм. Ты промочила ноги — у тебя насморк. Если же ты знаешь, что у тебя десять раз насморк был после мокрых ног, то пенять нечего, и ты виновата перед собой. Я хотел остановить Сашу — только на время, он нашел это справедливым — а исполнить не хочет. Мне страшно, я отворачиваюсь и не могу — меня это сосет под ложкой».

Н. А. и О. А. Герцен. 26, 28 (14, 16) апреля 1868 г. Ницца.

«Я, милая Тата, как самый учтивый отец, отвечал тебе в прошлом письме на половину твоих вопросов и рассуждений сутки прежде получения твоего письма. Прибавлю слова два. Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии — а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические природы могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей — в мире. Вспомни, сколько я писал и проповедовал о том, что любовь не должна играть главную роль, а одну из главных».

Н. А. Герцен. 12 мая (30 апреля) 1868 г. Ницца.

«Милая Тата, я почти всегда доволен твоими письмами — но последним еще больше, и за это обнимаю и целую тебя в темя. Дело в том, что у тебя у одной начало слагаться верное понятие о жизни, — оно печально, потому оно будет просто здорово. ...Ты счастливее их (Н. А. Тучковой-Огаревой и М. Мейзенбург — Л. К.) — и даже счастливее Саше, — у него никакого нет взгляда на жизнь, т. е. своего, — он в этом моложе тебя — а иногда старше меня. Тут беда в том, что приму играть будут случайности, — ну не всегда же в рулетку выигрывается. Вместо идеализма у него доктринаризм, — может, это легче для себя, но для других — не думаю. Я думаю, что он сам согласится со мной. Тут одна странная вещь — что это общая черта у него с Дарделем — они все еще несовершеннолетние».

Н. А. Герцен. 23 (11) мая 1868 г. Ницца.

«...Всякий брак может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развития, на общей религии, на взаимном уважении, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям, — тот имеет больше шансов рациональных».

«...Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить — но не как исключение для себя — а *comme regle generale* (как общее правило (фр.)) — Л. К.) для всех... Я убежден, что современное обращение богатств, при монополии собственности недвижимой и капитале, дает ренту выше справедливой, и ни слова не скажу, когда она падет для меня — как для других. Но если б я вздумал (чего именно женевские базаровцы и хотели) отдать им, например, из 5%—4, я остался бы полуприщипленным и лишил бы себя во время борьбы оружием и возможности бороться. Вот тебе на размышление целый воз вопросов. Я никогда не скажу тебе (разве в каком-нибудь чрезвычайном случае): иди замуж. Но не скажу никак: не ходи тогда, когда стремление и обстановка, сердце и ум будут согласны».

Н. А. Герцен. 1 июня (20 мая) 1868 г. Ницца.

«...Не могу я тебе писать никакой теории брака. Нормального брака нет. Это все неверные приемы — так Платон, Томас Морус писали свои идеальные республики. Брак — изменяющаяся, историческая форма отношений мужчины и женщины друг к другу и к детям. На сию минуту общество требует завления брачных отношений — но не верит в их христианскую неразрывность. Часто этого не переменяешь — надобно вводить больше и больше разума в существующее, институты. Сделан брак из религиозных оснований — а поддерживается воспитанием и наследством. Фурьеристы принимали все формы брака — от самого постоянного до самого ветреного... Уничтожай брак сколько хочешь — бед и коллизий не устранишь. Женат или нет был Отелло — он все задушил бы Дездемону, и Дон-Жуана не остановила бы, без сомнения, никакая церковь. Нравственность — дело историческое, человек, поступающий соответственно своему понятию о добре и зле, поступает хорошо, и почти всегда под влиянием исторического развития. Но сию минуту для полной практической свободы — брак так же необходим, как капитал, наследство и др. вещи, в которые, в сущности, мы не верим».

Пуще всего следует обратить внимание на то, чтоб в понятиях было единство и последовательность. Для этого надобно много думать, да и для облегчения кой-что почитать».

Вместо заключения

А. А. Герцену. 31 (19) июля 1869 г. Брюссель.

«...За что все мои справедливейшие желания, мечты... одна за одной лопают, как мыльные пузыри, — этого я не понимаю, но оно так. Я имею дело, которое должно продолжаться после моей смерти. Я изсылки создал вам имя, в силу которого вы были бы приняты с распробами объятиями в стране, в которой, при всех мелочах и темных сторонах, — будущность закипает в колоссальных размерах».

«...Ты первый отошел, — и пошел своей дорогой, она тебе удалась — и ты доволен. Ольга — по милости Мейзенбург — иностранка. На Тату я полагаю сильнейшую надежду — у ней наши симпатии, *notre genie* (наш дух (фр.)) — Л. К.)... — она вообще была ближе со мной, и признаюсь, потерю ее я буду считать одним из тяжелых ударов. Да, любезный Саша, — ты не дивись слову потеря — я в вашем иностранном круге — иностранец, вечно чужой. Что делать?»

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

лауреат премии
Ленинского комсомола

Помните своих учителей

Я еще не все о жизни знаю,
Не до всех добрался букварей.
Но одно вам точно пожелаю:
Помните своих учителей!
Станете вы громким и высоким,
Но и через многие года
В спешке не пройдите мимо окон
Комнаты, где парты в три ряда...
Что о вас мы знали,
дорогие,
Строгие,
Усталые подчас?
Чем же мы платили за такие
Думы бескорыстные о нас?
«Неуды» резинками стирали,
Кошек приносили со двора
И не раз бессовестно орали,
Если заболел: «Ура!»
Разве мы задумывались толком,
Отчего, забыв о дневниках,
Вы вдруг замолкали возле окон
С мелом, переломленным в руках.
Сколько с веток листьев облетело!
Сколько зим расплавила капель!
Детство отделилось и сгорело,
Будто бы ракетная ступень.
Было все обыденно и просто —
Выпуск, аттестаты... и не раз
Гости обнаруживали сходство
С кем-то из родителей у нас.
И потом лишь —
С возрастом, попозже
Становилось ясного ясней:
Черточками лучшими похожи
Все мы на своих учителей!

Баллада о простреленной книге

Марку Брату — бельгий-
скому коммунисту, поэту.

У поэта — ворот нараспашку
И дорога дальняя с утра.
По пути влетают под рубашку
Времени тревожные ветра.
Громыкает старая «тележка»
С полустертой надписью «Рено»...
У поэта — светлая усмешка,
Ей улыбкой быть не суждено.
Окна дома — биты-перебиты,
Он привык к пробойнам колес.

Его стены часто перевиты
Грязными веревками угроз.
У поэта — буйные седины,
Но глаза — не слуги у тоски.
У поэта времени глубины
Наполняют зоркие зрачки.
Я ловлю минуты откровенья —
У него они наперечет.
Он и сам — музей сопротивления,
Да не всем он двери распахнет.
Вот ножа особая помета.
Вот клеймо фашистских холуев.
И поля партийного билета.
Как поля сражений и боев.
То, что было, — вовсе не уплыло.
И поэт выходит на помост:
«Ты, Европа, рано позабыла
Кровь из-под коричневых корост!...»
Кто-то к стали

дернулся под мышку...
И читал газетный я столбец.
Как в его распахнутую книжку
Сквозь витрину всажен был свинец.
Разве выше почести бывают,
Чем пробитый пулей книжный лист —
Тот, в который бешено стреляет,
Разрывая стихи, неонацист?!
...Как дела, товарищи поэты,
Там, вдали —

в родном моем краю?
Не скучают ваши партбилеты
По строке, родившейся в бою?
Не хочу кого-то я обидеть.
Ведь своя у каждого судьба.
Но мне свзяку выпало увидеть:
Коммунист, писатель и борьба!

И опять встречает родина,
Ветерком толкая в грудь...
Не дожидая отца до ордена
Юбилейного — чуть-чуть.
Не дожидая, А было много ли
За спиной годов и верст!
Мне вослед осины охали,
Когда шел я на погост.
Слышишь, батя!
В звоне башенном
Вышли роты к рубежу!
Я на столике покрашенном
Все награды разложу...
Слышишь, батя!
К полю братскому
Подкатился юбилей!
Видишь — строю ветеранскому
Поклонился Мавзолей.
И мортира за мортирою
Шлет салюты к небесам!..
Я тебе прокомментирую
Весь твой праздник по часам...
Не дожидая отца.
Качается за окном обратный путь.
Еще как оно считается —
Это самое «чуть-чуть»...

Микола ЛУКИВ

член ЦК ЛКСМ Украины,
лауреат республиканской премии
имени Н. Островского

Всего хватало — радости и боли,
И лишь босые ноги по стерне,
И серый суп с картошкойю.

И первый хлеб на первом трудовне,
без соли,

Всего хватало... Пережили, что ли,
И недород, и холод — как во сне?..
И выросли, что колоски на поле,
Мы первым поколеньем по войне.

Тополя на темнеющем фоне,
Чудным светом горят небеса.
Покатилась звезда, как слеза,
На пшеничного поля ладони.
Ту звезду я и раньше видал
На граните, на каске солдата,
И в глазах — мой отец седоватый
От меня своих слез не скрывал.
Он сказал: «Ты взгляни-ка сюда,
Здесь и наша фамилия в списке...»
Был я мал и зачем к обелиску
Мы ходили — не понял тогда.
Годы мчатся, их след не сотру,
Сына малого за плечи трону,—
Там горит на крыле небосклона
Золотая звезда ввечеру.
Сын читает солдат имена,
Среди них и свое... И в молчанье
У меня застывает дыханье...
У меня на висках седина,
Что ж — читай! Чти горенье имен!
Знай витки человеческой доли...
Тополя золотые над полем.
Чудным светом горит небосклон.

Переселилась в города
Народа половина.
А в поле рожь стоит,
густа,
Цветет в лугах калина.

И две руки,
как две сестры,
Слились в мечте единой:
У той — заводы и копры,
У этой —
рожь с калиной.

Дома к селу привязаны дымами,
Куда-то вдали за тучами плывут.
Плывут дома с дорогами, садами,
Плывут-плывут, куда они плывут?

А наш учитель
снова крутит глобус,
Наукой наши заполняя дни,
В науке мы пойдем

любую область,
Но вот дома, — куда плывут они?
Взбегу я на бугор,

что по соседству,
А возле школы шум и кутерьма,
И вновь смотрю,

не в силах насмотреться:
Плывут-плывут, —
куда плывут дома?

Великих дел страницы,
числа, главы —

Кто сизмальства
о них не помышлял?
Желал и я известности и славы,
Но все бы нынче в мире променял
На мир чудес,
быть может, малый самый,
Где хата, сад,

где мак цветет в лугах,
Где нежностью глаза сияют мамы
И целый мир в ее родных глазах.

Винтовка да штык,
да багряное знамя,
На шапке звезда,
словно искра, ярка,
К волнам Сиваша маршируют полками
И прямо из волн переходят в века.

Окопы. Потери. Кипение боя.
Коричневый смерч.
И страданий река,
Полсвета прошли — заслонили собою,
И подвиг, и память,
и боль — на века.
Ракеты. Полеты. Чело Королева.

Далекие старты — не дрогнет рука,
Вернулись не все
из огня голубого.
А память,
а память о них — на века.

Грядущее. Прошлое. Гордые выси.
Бескрайность работы,
Отважность рывка,
От всех и от каждого ныне зависит,
Чтоб память о нас не затмила века.

СТИХИ КОМСОМОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Студентка Оренбургского медицинского института,
делегат XX съезда ВЛКСМ

Солидат Галимова:

— Нам кажется, что здоровье, закалка — это сугубо личное дело молодого человека. Но если подумать не об одном, не о группе, а, скажем, о молодежи целого города. — какова цена здоровья большого отряда? Думаю, тут и рядить особенно нечего. Сразу ясно — пренебрежение к собственному здоровью эквивалентно пренебрежению к работе, к близким, к своему будущему, наконец!

Здоровье молодых — это здоровье нации. И потому одним из важнейших дел комсомола всегда была забота о здоровье молодежи, задача, неотделимая от развития физической культуры и спорта. И XX съезд ВЛКСМ не обойдет эти актуальные темы.

Нас всегда интересовали не только спортивные вершины, но прежде всего массовость физкультуры и спорта. Однако для большинства спорт все же остается пока лишь зрелищем. Такое положение не может устраивать. Физическая культура должна войти в повседневную жизнь каждого, и особенно в жизнь детей.

Для нас здоровье молодежи — это готовность к службе в армии, хорошее мироощущение, оптимизм, умение преодолевать большие физические нагрузки.

Лучшая красота — здоровье. Это слова Генриха Гейне. Точнее и не скажешь.

Здоровый человек красив, бодр, силен, уверен в себе. Укрепление своего физического состояния — это каждодневный нелегкий труд, но он приносит радость и удовлетворение. Нежелание молодежи заниматься собственным здоровьем, низкая физическая культура — а речь идет именно о культуре! — могут обернуться нравственными изъянами в социальной и общественной жизни — от элементарной пассивности и равнодушия до негативных проявлений.

Мы с уверенностью можем сказать, что наша молодежь в целом физически и социально здорова, однако известно немало примеров, когда люди начинают пить, становятся наркоманами и токсикоманами буквально с детских лет.

Не может не беспокоить и тот факт, что число курильщиков среди молодежи не уменьшается. Не слишком ли много появилось у нас курящих девушек, не заботящихся о здоровье своего будущего потомства? Не пора ли нам всем об этом всерьез задуматься?

Сегодня мы публикуем материал о токсикомании, так неожиданно возникшей и распространившейся среди совсем молодых людей. Именно комсомол должен взять на себя основную роль в борьбе с токсикоманией, найти способы воздействия на сознание оступившихся подростков, убедить их от беды.

БЕРЕЖИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ

БЕРЕГИ СЕБЯ ДЛЯ ЖИЗНИ!

Уже давно слухи о детях, коллективно вдыхающих пары высоко-токсичных веществ, стали горькой реальностью... Первая реакция: что за дурь? Су-машество? Детские шалости? Нет, токсикомания.

Исследование, проведенное в одной школе и одном ПТУ в Москве, позволило выяснить, что примерно шесть процентов учащихся и школьников шестых — десятых классов применяли токсические вещества. Много это или мало, если знать, что оба учебных учреждения взяты наугад и неизвестно, что же происходит в остальных?

Хотелось бы оставаться в наивном неведении. Да, что-то слышал; да, что-то говорили; да, есть какие-то отдельные личности, для нас нетипичные... Но, признав существование токсикомании, надо исследовать причины ее возникновения. Является ли токсикомания социальным пороком или это результат морально-нравственных упущений в воспитании нового поколения? Почему некоторые школьники вдруг начинают отравлять себя? Кто они? Сколько их? Куда смотрят родители? Чем занимается школа? Тема серьезная.

Места сборищ токсикоманов — подвалы и чердаки, далекие пустыри. Как нарисовать их облик в состоянии наркотического опьянения ничего не ведающему читателю? Если вы смотрели кинофильм «Мертвый сезон», то, может быть, помните использованные в нем документальные кадры? На экране подобия человеческих существ. Они поражены газом «эйр эйдж», воздействующим на психику и отшибающим способность мыслить. Примерно такое же действие оказывает регулярное вдыхание токсических веществ в течение всего одного года. Медицина зафиксировала юношеские самоубийства в одурманенном состоянии.

Токсикоманов часто преследуют кошмарные видения, галлюцинации. Одному из собравшихся на чердаке «нюхальщиков» почудилось, что на него движется танк. «Спасаясь», подросток прыгнул с девятого этажа... Валю С. «обхватили» пауки, перепугав парня до полусмерти. Наступило опасное раздвоение личности: с одной стороны, хочется нюхать, с другой — страшно. А когда Валя перестал нюхать, началось психическое заблуждение...

Откуда же берутся юные токсикоманы? К стыду нашему, это не столь малочисленная категория детей в возрасте 10—15 лет. Для начала им интересно достать токсическое вещество, «балдеют» от его доступности; после — в предвкушении самого «балдежа». Только потом юные мозги пропитываются отравляющими парами и тупеют: сначала — на время «балдения», через несколько «сеансов» — надолго. У более «любопытных» — навсегда...

Любопытство в юном возрасте — благо дело! Одни, любопытствуя, приходят в клуб, другие идут в поход, третьи коллекционируют марки, а вот четвертые накручиваются с головой полиэтиленовой пленкой и... Все они, испытывающие себя в познании токсических веществ, вряд ли знают, что взрослым за работу с подобными веществами — не за активное вдыхание! — укорачивают рабочий день, дают молоко, назначают постоянный медицинский контроль.

Кто же эти дети, добровольно обрекающие себя на беду? Очень легко сказать: дети, у которых папаша выпивают, а мамаша изматываются на работе. Но ведь нюхают и те, у кого дома все благополучно. Знают ли, чем это кончится?

Доказано: за один сеанс нюхания сильных токсических веществ (не говоря о регулярном вдыхании) можно настолько поразить нервные клетки, что человек становится слабоумным.

В наркологическую больницу поступил двадцатилетний больной П. С. Интеллигентный, воспитанный, приятный в общении. Его любили и больные, и медперсонал. Через два месяца после выписки он повздорил с девушкой, нашел бутылку растворителя и вынюхал, сколько душа желала. Вторично он попал в ту же больницу уже слабоумным... Теперь здесь иначе, как Сережа-дурачок, к нему не обращались. А он уже не реагирует и на эти слова...

Да, есть трагедии, когда человек является на свет слабоумным и всю жизнь несет крест расплаты за вечную вину родителей-алкоголиков. Но здесь совсем другой случай: здоровый от рождения сам оболванивает себя. Сам желает быть дурачком... Нюхание токсических веществ — не детская шалость, а серьезная опасность! Дети могут на наших глазах превратиться в слабоумных взрослых. Сознательно.

В чем конкретно начинает выражаться слабоумие токсикомана? Хронический «нюхальщик» хронически не успевает даже по программе неполной средней школы — результат изменения структуры головного мозга. Такое не может остаться незамеченным. По данным врачей наркологических лечебниц, дети, употреблявшие токсические вещества, как правило, попадают в школы для умственно отсталых детей. Они сами подтверждают, что в обычной школе стало тяжело учиться.

Ухудшение успеваемости любого школьника всегда должно быть проанализировано, объяснено педагогом, чтобы выявить и эту причину, вовремя принять необходимые меры.

Сколько же у нас таких детей, кто пришел учиться в нормальную школу, но из-за безразличия учителей, не ищущих причин в изменении их поведения, или отсутствия контроля со стороны родителей стал хуже учиться и был переведен в специнтернаты? Наверное, нелишне и школам, и ПТУ проанализировать подобные факты, думая о профилактике и беспокоясь о будущем. Ради будущего необходимо сделать этот запоздалый анализ.

...Мама заметила, что с четырнадцатилетним сыном происходит что-то непонятное. Мальчик был целеустремленным, интересовался шахматами, занимался теннисом и принимал участие в городских олимпиадах по математике. И вдруг в течение месяца стал совсем иным. На поручения матери не реагирует. Ночью бодрствует, а утром в школу не поднимается. Налицо изменение биологического ритма — один из признаков! Днем аппетита нет, зато ночью ест много — второй признак! Мальчик неожиданно стал агрессивным и злобным — третий... Мать проследила, где мальчик проводит время. Увидела его с группой ребят на пустыре. Обратилась со своей тревогой к врачам. К сожалению, ее разувверили в наличии опасности. (Хотя все симптомы служили основанием для обследования у врача-нарколога.) Мать обратилась в школу, высказала свое предположение — не грозит ли сыну токсикомания? — и ей сказали: «Такого быть не может!» Она пришла в детскую комнату милиции, но там тоже не прореагировали. Мать добралась до наркологов. Только после этого перед врачами предстал апатичный юноша с бледным, отечным лицом.

На вопросы отвечал односложно: да, нет. Сделали обследование, вполне доступное в практике любой больницы. Все три показателя: анализ крови, электрокардиограмма и электроэнцефалограмма — засвидетельствовали резкое отклонение от нормы, патологию по типу слабоумия. В процессе обследования выяснилось, что уже полгода мальчик в компании сверстников нюхает бензин и другие жидкости. Четыре месяца пришлось его лечить...

Комментарий специалиста. Заведующий отделением 17-й Московской наркологической больницы Владимир Владимирович Назаров:

— От паров летучих растворителей происходит помрачение сознания. Нервные клетки головного мозга содержат до трети жироподобных веществ. А дети нюхают препараты, применяющиеся для **ВЫВЕДЕНИЯ** жировых пятен! Мозг и сердце — жизненно важные органы — имеют обширную сеть кровоснабжения. Когда пары попадают в мозг, развивается необычное состояние. Кровь, насыщенная растворителем, вымывает жироподобные вещества из нервной ткани. Клетки начинают истощаться, усыхать и гибнуть. Результат — атрофия коры головного мозга и формирование органических изменений, похожих на рассеянный склероз или тяжелейшие последствия черепно-мозговых травм типа контузии, с потерей сознания. Так же сильно поражаются и легкие — огромное поле для всасывания паров. Они молниеносно насыщаются опасным веществом. Токсикоман может стать инвалидом.

Отчего возникло это поветрие? Как и всякие порочные увлечения, проблема многофакторная. Это и дефекты воспитания, и излишняя разболтанность и вседозволенность, стрессы в неблагополучных семьях и в тех домах, где, наоборот, всем пресыщены. Но чаще всего это глупое любопытство. Некоторые специалисты полагают, что возможна определенная запрограммированность на поиск таких ощущений. И прежде всего у детей со специфическими отклонениями в поведении. Особенного внимания требуют дети с «неуправляемым» поведением, не признающие никаких запретов, импульсивные. С возрастом, появляясь в компаниях, они стремятся выглядеть «героями» и пробуют разные препараты, а затем навязывают их более слабым.

Родители — особая категория в разговоре. Даже при установлении факта токсического опьянения часто отказываются вести детей на обследование. Что руководит ими? Стыд перед соседями, перед самими собой? Слепая родительская любовь или незнание, что такое наркотик? Родители обязаны не только накормить, обути, одеть, но и увидеть трудности, с какими школьник иногда не справляется и словно беззвучно кричит: «Спаси!»

Когда мы говорим о родительских качествах, то всегда начинаем с любви. И это правильно. Но рядом должно быть терпение, с помощью которого надо выводить подростка из беды. Не только постановка на учет подростка, замеченного в применении токсических препаратов, но и родительское участие, заинтересованная помощь товарищей.

Комментарий специалиста. Заведующая оргметодическим отделом Главного управления здравоохранения при Мосгорисполкоме Нина Константиновна Боровкова:

— В одиннадцать — четырнадцать лет юный человек формируется с опре-

деленными кризисами и скачками в области психики, физиологии, а тут еще он получает дополнительную нагрузку в виде токсических веществ.

Разница между токсикоманией и наркоманией чисто юридическая. Если за распространение наркотиков привлекают к уголовной ответственности, то за распространение токсических веществ — нет. Но, хотя токсические вещества не внесены в список наркотиков, по воздействию они одинаковы. Токсикомания — это и злоупотребление лекарствами, меняющими психическое состояние.

В результате их действия полностью подавляется эндокринная система, затормаживается рост человека, происходит пагубное влияние на высшую нервную деятельность. Гибнут нервные клетки, налицо изменения психической сферы. В эмоциональном плане к восемнадцати годам токсикоман может быть полностью выхолощен. Все нравственные ценности, заложенные предварительным воспитанием, как бы смываются.

Токсикоман перестает учиться: пропадает желание, утрачены способности. Из-за поражения нервных окончаний расстраивается почерк, руки постоянно дрожат. Память слабеет настолько, что он забывает все события двух-трехлетней давности, опускается до уровня развития шестилетнего ребенка. В ряде случаев появляется расстройство цветового восприятия, «выпадают» зеленый и красный цвета.

В семье нарастает процесс разобщения: если раньше проводили досуг вместе, то теперь каждый сам по себе. И это тоже одна из причин, ведущих к токсикомании.

Нелишне сказать и о школе. Как воспитывать чувство коллективизма, если дети отлучены от общественных нагрузок? Воспитание сводится к нотациям. Уже с первого класса ребят надо приобщать к общественно полезному труду. Каждый должен иметь маленькое общественное поручение.

Если в семье ребенок одинок, в школе не встречает понимания, вот тут и начинается формирование подростковых групп, действия которых не контролируются.

У нас часто говорят: в каждом микрорайоне созданы спортивные площадки и работают клубы по интересам. Да, они создаются. Но где и когда вслух сказано, сколько детей их посещает? Кто и когда провел изучение результативности работы университетов здоровья, созданных для взрослых и детей и работающих на базе клубных учреждений? Мы не знаем, кто ходит на занятия в такие университеты. Но мы рапортуем об их наличии, не задумываясь об эффекте.

Надо всем взрослым миром разворачиваться к детям. Если вовремя выявить склонность к токсикомании, вовремя подлечить школьника, то в течение года можно устранить вредные воздействия на организм. Медлить нельзя!

О том, что юношеский досуг требует постоянного внимания, говорить не приходится. И неправильно утверждать, что к токсикомании обращаются только ушербные дети. Есть и такие, кого отвергли, отобрав какую-то маленькую мечту. Так, среди токсикоманов встречаются ребята, кому отказано в приеме в детские спортивные школы как переросткам или из-за отсутствия олимпийских способностей. Хотя от термина «переросток», сказанного в дет-

ском учреждении, сильно отдает чванливым равнодушием.

Кто же диктует «моду»? Кто законодатель поветрия «нюхальщиков»? Ведь это происходит и в школе, и в ПТУ, куда извне никто ничего не привносит. Это делают свои! Кто они?

Означают ли эти вопросы призыв к фискальной системе? Ни в коем случае! Наши ребята не прыгают под машины ради острых ощущений. И нет ни одного школьника, не знающего об опасности, какая кроется за привлекательной шапкой мухомора. А здесь человек-комор! И для того, чтобы возложить на него запрет, не надо науснивать, надо сказать лучшему товарищу, предложившему испробовать: «Стой! Иначе беда!»

Я пишу «лучшему товарищу», потому что от нескольких услышал одно и то же: «Научил лучший товарищ», «Предложила лучшая подруга». И это правда! Что это — испытание себя в глупом любопытстве или попытка занять место на ребячьей лестнице? Если в среде девятиклассников возникает понятие «престиж» в плане токсикомании, это страшно! Когда-то началось с желания иметь джинсы, магнитофон, а когда престижные вещи освоены и надоели, остается только престижно балдеть.

Как воздействовать на тех, кто еще не вкусил плоды этого зла? Рассказывать им о крысе? Она нажимала рычажок, раздражая только центр удовольствия, и умерла от голода и жажды. Так начиналась статья о токсикомании в молодежной газете. Но человек — не крыса, и главный путь в его просвещении — сознание. А коль так, то, возможно, не исключен и показ по телевизору тех, кто добровольно превратил себя в дурачка, чтобы каждый подросток сделал для себя вывод и выбор. Говоря о борьбе с наркоманией, министр внутренних дел А. В. Власов очень точно выразился по этому поводу: «Борьба с этим злом требует и просвещения, и шоковых методов (подчеркнуто мною. — А. Б.) антинаркотической пропаганды».

Нужно испробовать все возможные средства, когда речь идет о спасении юных человеческих жизней. Почему токсикоман остается наедине со своей бедой или, что еще хуже, в компании себе подобных? С родителей спрос особый. Но вспомним и о том, что почти все токсикоманы — пионеры и комсомольцы. Чем заняты школьные комитеты комсомола? Вопросы успеваемости, дисциплины. А учительские комсомольские организации? Не поверю, будто комсомольцы учителя не ведают о тревожных явлениях: в школе все друг у друга на глазах, токсикоман не может долго скрывать свой порок. Но если знают, почему не бьют тревогу? Я не о том, чтобы вызвать большого подростка на заседание комитета комсомола, «пропесочить» как следует и объявить выговор. Нет, репрессивные меры могут лишь ожесточить подростка, усугубить беду. Нужны иные подходы к юному человеку, неформальное участие в его судьбе. Но школьный комсомол еще и не начинал работу в этом направлении. Пора уже осознать опасность происходящих процессов и понять, что позиция невмешательства в подобных случаях безразлична.

Точки, где тлеют искры, не есть что-то нам неведомое. Просто мы равнодушны и не хотим видеть то, что нам доставит новые заботы. Но завтра беда может прийти в ваш дом, к вашим сыновьям и дочерям! Нам не стоит делать вид, будто ничего не происходит. Произошло! И чем раньше мы поставим заслон, тем меньше трагедий предстоит пережить в будущем.

За примером не надо далеко ходить. Алкоголь! К чему привело близорукое равнодушие, известно — вошла беда сначала в дом, а потом в государство. И государство взяло развитие событий в свои руки. И мы должны признать его мудрость предвидения. «Стой! Дальше — беда!» С токсикоманией должно быть покончено в зародыше.

Игорь ЛЯПИН

лауреат премии Ленинского комсомола

ПУЛЬС

Счет № 904

Тяжел и груб

несчастья гнет.

Влажнеют веки,

И девятьсот четыре

счет —

Не просто деньги.

Не просто

трешки да рубли,

Ведь те, по сути,

В беде

не больно б помогли,

Но в этих — люди.

Они хрустят не как везде

С гербом бумага.

Они весомы, как в беде —

С себя рубаха.

Не помогли

рубли одни

России в горе.

Пожарский с Мининым,

они

Смотрели в корень.

Да, на столе

не лебеда,

Но где излишек?

Народ,

он, в общем, никогда

Не знал кубышек.

Но и весомей

во сто крат

Подмога,

если

Вся —

от стипендий,

от зарплат,

От скромных пенсий.

Когда встает

рабочий класс,

И — вклад за вкладом,

Так это значит,

что у нас

Порядок в главном.

А там — театр,

а там — колхоз

В одно собрание

О сумме выпрямят вопрос

До восклицанья.

На девятьсот четвертый счет,

Вот бланк — прочтите,

Кладет моряк,

кладет пилот,

Кладут

Москва и Армавир,

Смоленск и Гомель,

Кавказ, Камчатка и Таймыр —

Случилось горе.

И, как на горестный сигнал,

Понятный очень,

Идет на почту

генерал,

Чабан и зодчий.

Внесет вдова фронтовика

Свою десятку,

Поправит молча у виска

Седую прядку.

За ней

взъерошенный студент,

Пятерка смята.

Но ничего всесильной нет

Такого вклада.

А дальше

школьники гурьбой,

Совсем же дети:

— Мы прямо с базы овощной,

Примите деньги

На девятьсот четвертый

счет,

Вот все, без сдачи...—

Такая жизнь,

такой народ.

А как иначе?!

На пике века

Куда б твой путь ни лег отныне,

Куда б ни вел

в конце концов,

Уже развернут ты лицом

К событиям на Украине.

И сын Америки, Европы ль,

Безвестен ты иль знаменит,

В твоих зрачках, увы, стоит

Зловещим облаком Чернобыль.

Поймешь ли ты его уроки

Перед чертою роковой,

И обратишься ль всей душой

К трагическим чертам эпохи?

Великий мир наш слишком хрупок.

Пока на жизнь не пала мгла,

Ты на весах добра и зла

Прикинешь каждый свой поступок?

Ты перед целым белым светом

Найдешь ли мужество и страсть

Ни в чем отныне не совпасть

С безумством лживых президентов?

Идет последняя проверка

На человечность, нежность, боль,

На разум твой и на любовь

На пике яростного века.

Старые названья

Историю нисколько не щадя,

И к прадедам

без должного вниманья

Мы улицам и древним площадям

Легко вручаем новые названья.

И в суете житейской городской,

Волнующей и вовсе не безгрешной,

Торопимся, увы, по нетвердой,

Летим в такси уже по неманежной.

Когда мы переступим эту спесь?

Когда оценим славное наследье,

Подумаем сначала: кто мы есть,

И чьи мы есть

на этом белом свете?

Когда и кто

впустил нам в души яд,

Что так глаза туманом застилает?

И если до сих пор Арбат — Арбат,

От гордости нас просто распирает.

Растет столица, строится, гремит,

Поток машин стремителен и гулок.

Но вслушайся,

твой прадед говорит:

— Каретный ряд...

Дегтярный переулок...

У леса, у болота, у реки

Он не жалел ни силы, ни старанья.

Он знал одно: построй и нареки.

Какие хошь давай тогда названья.

Теперь проблема — выше головы,

И всюду заковыки и загвоздки.

В толстенной книге

«Улицы Москвы»

Уже сейчас стоят

сплошные сноски.

Представим же,

как после, в свой черед

Мир потряса глобальными делами,

Потомок наш в пылу перечеркнет

Рожденное и названное нами.

Вот он, мой покой и непокой:

Чемодан,

дверной проем вагона.

Улыбаясь, машет мне рукой

Женщина любимая с перрона.

То за Волгой,

то за Ангарой

Захожу на пункт переговорный,
Чтоб услышать ласковый, родной
Легкий голос

в трубке телефонной.

Сколько их, в судьбе моей забот,

Никакая, собственно, не легче.

Как она с улыбкой их берет

На свои, на худенькие плечи.

Вот она у бездн на краю

Под гнетуще темными ветрами

Голову поникшую мою

Поднимает светлыми словами.

Как она уверенно глядит,

Никогда к ней

не подступит робость.

В голосе и в поступи сквозит

Женственно

подчеркнутая легкость.

С нею даль раскрыта широко,

Но скажу вам точно абсолютно:

Женщина, с которой так легко,—

Женщина, которой очень трудно!

Часы

Я нынче не в закруте,

не в замоте.

И вроде бы живи,

не дую в ус.

А все равно душа моя

на взводе:

Чуть зацепи —

и сразу же взорвусь.

Со стороны посмотришь —

жизнь малина.

А что мне?

Нужно больше,

чем другим?

Зачем душа в груди моей,

как мина,

С жестоким

механизмом часовым?

Вокруг часы.

Почти на каждой стенке.

Они мигают,

тикают,

стучат.

Я б завязал на узел

эти стрелки

И растоптал бы

каждый циферблат.

Я б с яростью

прибегнул к этой мере,

Чтоб разом снять

и боль свою,

и хмурию.

Но детонатор,

он ведь в каждом нерве,

И в каждой вене

есть бикфордов шнур.

Где нет спасенья,

нет и опасенья.

Я встречу то,

что встретить предстоит.

Любая подлость —

это потрясенье.

Любой подвох —

душа уже искрит.

Я никуда забот

не отодвину,

Которые принять мне

суждено.

Пусть даже не напорятся

на мину,

Она в свой час

взорвется все равно.

По-детски

не загадываю счастье.

Не жду наивно

светлой полосы.

И на руке,

на левой,

на запястье

не пульс стучит,

а тикают часы.

Сергей ИВАНОВ

НЕ СТРЕЛЯТЬ!

На станции светили лишь два фонаря. Один — в дальнем конце платформы, там, где останавливался последний вагон; другой — далеко впереди, над бывшим переездом, у заколоченного домика путевого обходчика. А вся платформа была темна.

Шел поезд дальнего следования. Поздний пассажир, какой-то морячок, что курил у двери, с равнодушным интересом смотрел на желтые пятна света из окон, бежавшие по платформе.

Поезд сбавил ход. Промелькнула скамейка. На ней поздний пассажир увидел компанию — человека три или четыре. И моряк, наверное, тут же забыл бы о ней, если бы... В руках у мальчишки, который сидел крайним слева, был револьвер!

Все тот же масляный свет пробежал по стволу, мигнул на мушке... Прищурился, мальчишка целился в окна... Прямо в грудь стоящему у окна моряку.

Невольно тот шагнул в сторону, чуть не угодив в крохотное помещенье, где проводники хранят уголь... Чертыхнулся... А когда опять глянул в окно, платформа уже кончилась.

Моряк посмотрел на часы: ноль пятьдесят восемь... Что-то шелохнулось в нем. Из тамбура он вошел в вагон, крепко бухнул в дверь к проводнице:

— Я извиняюсь, мы сейчас какую станцию проезжали?

— Какую станцию?! — сказала проводница сердито. — От Москвы у нас первая станция будет Александров.

— Ну, полустанок, что ли?

Проводница сердито зевнула, отодвинула занавеску.

— Скамба это называется. Здесь речка такая протекает. По ней и поселок назвали.

Поезд исчез, виляя вдали красными огнями. За ним, но заметно отставая, летел грохот. Наконец все пропало в темноте, в тишине.

— Ну и что мы будем тут сидеть? — спросила девчонка. Ей было лет пятнадцать или шестнадцать. В темноте рассмотреть ее не удалось бы при всем желании, но двое мальчишек, сидевших с нею рядом, знали, что она красивая. Или по крайней мере так было установлено среди них. Ее звали Алена.

— А ты очень хочешь это сделать? — спросил мальчишка, у которого в руках был револьвер. Револьвер был прекрасный. Пальцам стоило лишь дотронуться до его ребристой, как бы костяной ручки, до его ствола граненого и барабана, в котором так удобно могло лечь шесть патронов... Это все легко вставало перед глазами, сто раз виденное, сто раз осязанное, пережитое... Мальчишку звали Славка...

— Ты прислушайся на всякий случай, — сказала Алена. — Не очень у тебя трусливый вопрос получился, а? Демин, а ты чего молчишь?

Третий в их компании, кого называли Деминим, сидел чуть в стороне, отдельно. И руки держал в карманах — тоже такой обособленный жест.

— Ты пистоль-то убери, Славист! — сказал он неприветливо.

— Зачем? — И они услышали, как Славка взвел курок.

— Да так... Поезд проходил — могли увидеть!

В ответ Славка издал крик, какой издала бы лягушка, если б выросла с овцу. — это он так смеялся над Деминим.

— Знал бы, — Демин поднялся, — вообще с таким не связался!

— Сядь! — сказала Алена...

Славка не видел, что делает Демин, а Демин не видел, что делает Славка. Одна Алена, сидящая по середине, могла видеть их обоих.

— Ты что, Демин, правда думаешь, что из поезда можно было увидеть?..

— Да не знаю я, — ответил тот сердито. — Но глупо залететь я не хочу.

— Хм, давай залетать умно! — Славка все время показывал свою насмешливость.

— Слушай, только ты не будь таким умным, — сказала Алена. — Ты отдохни немного.

— Через двадцать минут электричка подвалит, — сказал Демин. — Если решились, то пошли место выбирать. И... нечего здесь крутиться!

— Сейчас придут дяденьки с фонариками, — тут же подхватил Славка. — А, скажут, вот он и Демин, грабитель.

— Я чувствую, мне надо идти домой, — сказала Алена. — А вы тут на досуге бейте друг другу морды, как пьяные пэтзюшники... — Тут она вспомнила, что Демин то как раз и есть «пэтзюшник». Хотела поправиться, что о присутствующих, мол, естественно, не говорят. Но это вышло бы глупо...

Демин первый все заметил и понял. Сказал, чтобы не тянуть неприятную для Алены паузу:

— Короче, понял, Славка? Убери! — и добавил довольно внятно ругательство, чтобы Алена не подумала, будто он это все говорит, спасая ее от неловкости... И Алена удивилась, как не раз уже удивлялась, до чего Демин, который явно не был таким уж особенно воспитанным человеком, обладал чувством такта.

Но сейчас ей некогда было удивляться. Ей надо было реагировать на деминское ругательство: нельзя же показать, что ты поняла его душевную тонкость.

При Алене, естественно, употреблении эти слова не в первый раз. Теперь при девчонках вообще хмят довольно спокойно. Часто даже специально — чтобы показать свою уверенность и власть. А иногда пуляют просто так, то есть совершенно спокойно, как будто ты не девчонка никакая и только тем и отличаешься от него, от этого «пуляльщика», что слабее и при всем желании не можешь его стукнуть. Потому девчонки и начали изучать всякие там каратэ да реслинг — вообще учатся бить.

Алена один раз прочитала в «Комсомолке», как две девчонки отметелили свою подругу. И корреспондент сильно удивлялся, что как же такое стало возможно, чтобы девушки... А почему бы, собственно, и нет? Теперь мальчишки мало чем от девчонок отличаются. Интересы одинаковые. Даже мода почти что одинаковая. Теперь ведь как говорят-то? «Молодежная» — и все.

Тогда почему же, если они — те две — наказали какую-то сволочь, этот корреспондент так сильно возмущается? Ведь если б ребята подрались — не то что в газете, в детской комнате милиции вряд ли сильно забеспокоились бы... Разве не так?

И Алена имела глупость все это написать тому корреспонденту. Слава богу, сообразила дать не московский, а дачный адрес и на чужое имя... Она, конечно, догадывалась, что этот корреспондент ничего стоящего ей ответить не мог. Все же она ждала письма... Дело было прошлой осенью, и родители сильно удивлялись, чего она повадилась на дачу в такую погоду.

Наконец письмо пришло. Журналист довольно нервно объяснял ей про девичью гордость — не умнее того, что обычно говорится на классных часах. Просто немного красивой и покороче.

Только в одном Алена удивилась и задумалась. Этот корреспондент спрашивал, почему она решила, что виновата которую били. И объяснил, что как раз все было наоборот.

Алена долго, помнится, тогда размышляла — всю дорогу в электричке. И поняла, что он заехал «не в ту степь». Раз команда считает и бьет, значит, она и права... Чего тут неясного-то?

Но этот журналист дико подробно ей растолковывал, почти полписьма, что права одиночка... И когда Алена была уже готова ему поверить, она вдруг подумалась: это просто его, как говорится, точка зрения — можно так повернуть, а можно и наоборот. Она даже чуть не засмеялась от радости — как здорово получается-то! Ведь теперь против любых слов, любых иных доказательств у нее есть ответ: у вас такая точка зрения, а у меня такая.

А про то, что всегда надо иметь принципы, — это, она считала, больше для игры. Вот, как сейчас, например, она играла в то, что при ней якобы нельзя ругаться... И закричала на Демина:

— Прекрати! Совсем озверели!

Славка хихикнул, крутанул на пальце пистоль и сунул его за пояс — точно, как показывают в фильмах.

— Короче, так, — сказал Демин. — Мы будем с тобой, Алэн, в кусте, а Славист пойдет!

Алене и Славке жутко хотелось спросить: а почему это, дорогой Демин, ты сам не хочешь «пойти»? Но Славка не мог спрашивать, чтобы не выдать своей боязни. А Алена не хотела спрашивать, чтобы прекратить всю эту чушь, будто она очень умирает по Славке... Ничего она не умирает! Но ведь надо же с кем-то ходить, надо, чтобы кто-то провожал тебя, ну и так далее... Иначе вообще сочтут за какую-нибудь идиотку-недотрогу.

Наверное, Демин вычислил, как им охота задать свой вопросик, и сказал:

— Алене этого вообще не надо делать. Я сумею. А Славка пусть докажет!

— Я пистоль добыл! — крикнул Славка, и Алена поняла, что он трусит, что Демин попал в цель, что Славка и сам понимает: ему надо доказать свою «нетрусость». В том числе и себе!

Пистоль он купил у какого-то хмыря. У какого, Славка не говорил. Но что купил — точно, за сорокошник... Он звал Алену поехать в Москву, проветриться, посидеть где-нибудь в хорошем местечке, показаться знакомым. Пусть знают, что ты личность!

Славка ей про сорокошник столько песен исполнил... Потом вдруг приносит эту штуку: «Сорокошника нету, но теперь у нас сорокошников будет навалом!» Они остановились у куста, который присмотрели еще сегодня днем. Место узкое, убежать тому будет неудобно... которого они начнут потрошить... И в то же время сквозь ветки видна вся платформа и можно засечь всех, кто сошел с поезда.

За лесом послышалась электричка.

— Ну что ж, — сказал Славка, и Алена сразу представила себе его вымученную геройскую улыбку. — Ну что ж, господа. Пора взводить курки.

В темноте что-то царпанулось скучным железным голосом — это он доставал из-за ремня свой револьвер. Потом тихо, но внятно щелкнула отведенная «собачка».

Глебов вышел на платформу совершенно один из последнего вагона. Фонарь, висевший у него прямо над головой, с трудом дотягивался желтоватыми своими, как бы пыльными лучами до платформы. А дальше Глебов увидел в квадратах горящих окон электрички, что из переднего вагона действительно вышло человек шесть-семь народа... Ну и надо их догнать, подумал Глебов. Дорога-то в поселок была одна.

Тут он заметил, что на левой кроссовке развязан шнурок.

Его первым порывом было догнать людей из головного вагона. Однако он тут же представил себе, как бежит по темной платформе едва ли не в третьем часу ночи да еще с незавязанным шнурком... Он слишком хорошо умел «представлять». И ему сделалось стыдно. Не торопясь, он наклонился под фонарем, стал завязывать шнурок... И тут увидел под лавочкой тускло белевший кусок трубы... такой весьма удобный обрезок алюминиевый, сантиметров в шестьдесят.

Глебов поднял его... Погоди, а что это значит «весьма удобный»? Я что, боюсь, подумал он? Он шел по платформе, представляя, как ударит вышедшего ему навстречу уголовника. И точно зная, что никого он не встретит, а главное — никого он не ударит. Сзади ему из последних сил еще подсвечивал фонарь.

Спускаясь по лесенке, Глебов сунул трубу под пиджак, потому что если кто-нибудь попадет навстречу, то как раз Глебов и могли принять за бандита. Прошел мимо фонаря у переезда. Потом еще шагов двести...

— Минуточку!

Голос показался Глебову хриплым, грубым, прокурренным... Не останавливаться, пронеслось в голове, они как раз рассчитывают, что я останусь. Не останавливаться, нарушить их планы. Но, почувствовав, что сейчас побежит, Глебов пересилил себя и остановился.

— Деньги!

А деньги у него как раз были, почти триста рублей, отпускные... Перед ним стоял мужчина — в темноте, в ужасе Глебов не мог рассмотреть ни лица его, ни роста, ни возраста.

При инциденте противники всегда казались Глебову выше его... Из этого нетрудно сделать вывод, что Глебов не любил драться. Да и не умел... Проще говоря, он боялся драк. Впрочем, многие их боятся!

Прошла короткая секунда. И в продолжение ее Глебову ничего не сделали. Слово его противник сам не знал, как действовать дальше.

— Дайте мне пройти! — сказал Глебов, давая в голову дрожь.

Есть категория людей, которые сперва бьют, а потом разбираются. Но Глебов был совсем не таким. Для него драка была чем-то непоправимым и ужасным...

— Деньги!

В живот ему уперся продолговатый предмет. Даже со стопроцентной скидкой на страх Глебов мог бы поклониться: ему угрожали настоящим оружием, револьвером.

И тут же он понял вдруг: перед ним мальчишка. То ли зрение стало работать лучше, то ли жест грабителя был излишне театрален. Рука слишком далеко выдвинута вперед — не чтобы удобнее было стрелять, а чтобы эффектней смотрелось. Тогда и он, Глебов, словно вспомнив, как это делается в кино, выхватил из-под пиджака свое оружие и ударил по руке — куда-то между кистью и локтем.

Уже пробежав несколько шагов, он «вспомнил», что услышал довольно тонкое, именно мальчишеское: «Ай!»

Он бежал прямо к переезду, прямо под фонарь, то есть из темноты был виден, как мишень-силуэт на стрельбах. И, сообразив это, Глебов прыгнул в сторону, почувствовал, как почти по колену вляпался в какую-то жижу. Но тут же легко выдернул ногу, побегал, впервые поняв, какие удобные на нем кроссовки.

Выстрела в спину ему так и не последовало.

Кабинет у начальника отделения милиции был велик, да еще, вытесняя пространство, стояли два

могучих шкафа да еще сейф... Люба вошла и остановилась у двери, ожидая либо короткого распоряжения, либо приглашения сесть.

— Здравствуй, товарищ капитан.

— Здравия желаю, Николай Егорович! — так она ответила: и в меру официально, и по-дружески. С первых дней в милиции она служила под началом этого человека. Не представляла себе никого другого на его месте, не представляла, как могла бы жить дальше, если б он вдруг ушел. К счастью, майор Зубов в обозримом будущем никуда уходить или переводиться не собирался.

В их отделении милиции работали в основном все скалбинские, коренные. Свой поселок и близлежащие окрестные леса, и окрестные поля, и само, быть может, небо над Скалбой знали они наизусть... По крайней мере это полностью относилось к Любе Марьиной.

В милиции людей наивных и восторженных не держат. В милиции нужны люди, мыслящие трезво. Наверное, Люба такой и была. Только если нормальный средний человек, думая об окружающих, обычно несколько занижает свою оценку, то Люба ее обычно завышала. Как ни странно, это помогало ее службе. Николай Егорович считал Любу Марьину вдумчивым, способным работником и похваливал на совещаниях.

— Давай садись, — сказал Зубов. Он надел очки, пробежал какой-то листок, протянул его Любе. А сам взял со стола другой листок, похожий, кстати, на первый, и принялся его читать. И Люба стала читать:

«Уважаемые товарищи! К вам обращается военный служащий, моряк Северного морского флота, старшина второй статьи Лаптев Николай Васильевич. Следуя на скором поезде номер 17 «Москва — Мурманск», я в ноль часов пятьдесят две минуты проезжал мимо вашей станции Скалба. На платформе я заметил трех ребят. У одного из них в руке был револьвер примерно системы наган (с барабаном)».

Дальше было зачеркнуто, но разобрать все-таки можно: «Я военный служащий. Ошибка, думаю, исключена». А вместо зачеркнутого было написано так: «Возможно, я ошибаюсь. Но на вашем месте я бы проверил». Подпись и адрес — почтовый ящик номер такой-то.

Люба подняла глаза. Оказывается, Зубов уже некоторое время смотрел на нее:

— Какое мнение?

Люба в ответ пожалла плечами.

— Вот именно, — кивнул Зубов. — На нашем месте он бы проверил! — и поддал Любе вторую бумажку, которая действительно была похожа на первую — школьный листок в линейку. Можно даже было подумать, что листки были недавно детьми одной тетради. Почти автоматически Люба приложила их друг к другу. Да нет, без всякого увеличительного стекла было видно: края разные, и здесь линейки бледней, здесь гуще.

— Я тоже провел этот эксперимент, — сказал Зубов. А Люба уже читала:

«Довожу до вашего сведения, что в ночь с двенадцатого на тринадцатое августа на меня совершил нападение подросток, вооруженный револьвером. Нападение произошло примерно в ста метрах от переезда на Школьной дороге».

Все. Ни подписи, ни обратного адреса. Штемпель... Он, как это часто бывает, поставлен был кое-как.

«Школьная дорога» — так мог сказать только местный. Лет тридцать назад школьники поселка Скалба решили построить дорогу, чтобы родители, идя со станции, не месили грязь.

Стали возить песок и гравий на отремонтированной собственными силами древней полуторке... В общем, было дело! Боевая страница в жизни школы. А там и взрослые подключились. Организовали несколько воскресников...

Люба уже застала эту дорогу заасфальтированной. — Сперва пришло письмо от моряка, — сказал Зубов. — Оно в Александрове брошено. А сегодня второе...

— Местное. — Люба все же разглядела штемпель. — А чего ж так долго до нас добиралось?

— Факт может быть интересным. Но, думаю, он не лежит на главной магистрали.

— В чем-то этот мужик струсил, — сказала Люба. — И что-то он скрывает.

— Почему мужик? — Зубов взял письмо без подписи. — Почерк как раз скорее женский.

— Я в графологии, честно говоря, не сильна, Николай Егорович. Да она и вообще темный лес. А если по фактам... Его не ограбили, верно? Иначе бы заявил. Значит, как-то сумел защититься. Значит... — тут Люба прищурилась: кое-что дошло до нее. — Значит, он мог покалечить этого мальчишку. Вот и боится!

— А все же письмишко нам подсунул... — Зубов покачал головой.

— Так он же боится! — усмехнулась Люба. — Вдруг да опять его встретят!

— У тебя с подростками что-нибудь есть тревожное?

— Да с ними все тревожно... Но то, что вы имеете в виду... по-моему, ничего похожего.

Люба официально не занималась подростками. Просто в отделение пришла новая девочка — тоже своя.

скальбинская, пока в милицейской работе, как говорит- ся, ни ты, ни мя. Вот Люба ей и помогала...

— Я все-таки еще у Лены проконсультируюсь...

— Давай... И... наметь планчик, тогда вместе посове- туемся.

Николай Егорович не был таким уж, что называется, закоренелым интеллигентом. Для него сказать «вместе посоветуемся» было вполне нормальным делом. Еще он любил говорить про «краеугольные задачи» и был уверен, что слово «мышь» мужского рода, как и говорили всю жизнь в его родной деревне.

Он был вообще-то из трактористов, Николай Егорович Зубов, работать умел удивительно, а кроме того, отличался ловкостью и смекалкой. За все это и был он в конце пятидесятых годов направлен в органы...

Люба ничем не выдала того, что заметила эту стилистическую погрешность в речи начальника. Поднялась и сказала:

— Есть, Николай Егорович! Завтра я доложу!

Рука у Славки болела и здорово опухла. Такая лапища стала — любой заинтересуется.

Вообще утром это было совсем не то, что ночью. Утром он представил весь ужас того, что хотел сделать. Заперев дверь, вынул из-за дивана коробку с револьвером. Вид оружия, какая-то особая, жуткая его красота придали Славке сил. Он надел куртку, хотя была жара, и пошел к Алене.

— Ну чего? — спросила она. — Ничего?

— В смысле чего? — И тут Славка невольно засмеялся от этих «чехований».

— В смысле не будь дураком! — прошипела Алена.

— Да ничего не заметили, чего ты! — И опять пришлось улыбнуться, потому что «чеховки» продолжали его преследовать. А чтобы не вызывать Алениного гнева, он осторожно приподнял рукав куртки:

— Видала — сволочь какой!

— Кто?

— Ну, этот мэн, который мне врезал. У него же были такие, знаешь, японские штуки?

— Какие японские? Нанчаки? Так они, во-первых, не японские, а корейские!

— Откуда он их только достал?!

— Откуда ты свою машинку достал? — Алена сделала жест, словно держит в руке пистоль. — Оттуда же и он!

Славка скрывал происхождение пистоля. Явно врал про знакомого из «деловых», который... тут, наверное, он был бы рад сказать, что револьвер ему подарили за старую дружбу. Но поскольку сорок рублей, обещанных Алене за гулянку, испарились... И все равно, пусть даже купил — что за «деловой»? Как Славка сумел у него заполучить такую жуткую вещь? Об этом Алена не могла добиться ни слова.

— Значит, с нанчаками, — сказал Славка задумчиво. — Он вполне может быть малый из мафии, поняла?

Больше говорить им было не про что, поэтому ничего не оставалось, как только пойти в самый конец Алениного участка и заняться курением. Здесь Славка попробовал было обнять Алenu. Но из этого дела ничего буквально не вышло.

— Алени! — сказал Славка обиженно. — Давай немного поаморальничаем хотя бы!

— «Хотя бы»! В каком смысле «хотя бы»? В том смысле, что ты вчера операцию завалил? Чехол!

Это было ве фирменное ругательство — «чехол». И оно не считалось злым. Чехол — значило неловкий, глуповатый, но где-то и милый человек.

Получив сейчас звание чехла, Славка решил, что у него есть шанс. Он снова попробовал было подступиться к Алене, но тут же схлопотал четкий удар в область печени и второй, ребром ладони, по руке... Алена не хотела, конечно. А получилось, прямо по тому самому месту.

И тут со Славкой случилось несчастье. На глазах у девчонки он потерял сознание. А когда очнулся через несколько секунд, заметил, что щеки его мокры. И рука, главное, продолжала болеть нестерпимо.

Алена стояла перед ним на коленях... Взяла Славку за руку, осторожно, как экспонат в кабинете биологии:

— У тебя возможен перелом, понял? — с прошлого года она стала говорить по-медицински, потому что якобы собиралась в соответствующий вуз. — Закрытый перелом без смещения... Пойдем, я тебя к врачу отведу.

Тут они посмотрели друг на друга... Вот тебе и к врачу! Ведь возможно, что тот человек уже заявил в милицию и, возможно, уже ищут некоего преступника с травмой руки!

Но разве мафиози для охраны своих гражданских прав обращается в милицию?

Но разве Алена и Славка действительно думали, что тот тип — мафиози?

Бабка, которая молча переносила все Славкины «понтки», молча перенесла и сообщение, что он едет в Москву. В самый солнцепек надел черный свитер (как назло, ни одной рубашки с длинным рукавом) и пошел на станцию. Алена на велосипеде медленно ехала рядом. Так дико было идти мимо «ночного места» — Славка собрал все мужество... Уже вполне придя в себя, он поднялся на платформу:

— Здесь я с тобой буду прощаться, голубка. Дальше меня не провожай... — Это ведь теперь самое пре-

стижное занятие — пародировать какой-нибудь спектакль, или кино, или вообще что-нибудь серьезное. — Что ж, поцелуемся на прощание?

Алена быстро оглянулась — есть ли кругом народ... Да, зритель имелся. Тогда она обняла Славку за шею и не спеша поцеловала... Один раз он играл Деда Мороза в школе, Деда Мороза, который таит, попав не в то время года. И вот кругом младшеклассники чуть не рыдают от переживаний, а у Славки усы, как назло, залезли в ноздри, и он только об одном и думает, как бы не чихнуть в этот печальный момент.

То же и сейчас. Тетеньки кругом шипят-надрываются, Алена того и надо. А Славка стоит как дурак. Потому что это не поцелуй, а... какой-то штемпель тебе на щеку поставили.

Не спеша Алена уехала... Зачем ей все это надо? Уж лучше бы просто лапу дала на прощание, но по-человечески!

Хирург оказался молодой парень, такой усатенький, с такими джинсиками из-под халата, что Славка сразу понял: здесь его поймут.

Хирург молча смотрел, как Славка мучается со свитером. Затем помог аккуратным и быстрым движением.

— Ну и зачем ты его напялил? Да еще такой относительно немый?

— Дико холодно было, — ответил Славка, все еще думая, что они поймут друг друга.

— Тридцать градусов действительно не погода, — кивнул хирург. — Но это только одна причина. А вторая... маскировался?

— Чего мне маскироваться? — Славка хотел это сказать спокойно и небрежно, а получилось с каким-то дрожанием...

— Сейчас узнаем, — снова быстрым и точным движением хирург взял его руку, прошелся по ней пальцами. — Не слабо тебе врезали... Трубой, что ли?

— Вам-то какое дело?

— Правильно, — кивнул хирург. — Была бы у тебя ножевая или огнестрельная травма, тогда бы я был обязан... А так я могу только предполагать, что ты на кого-то напал и тебе врезали.

— Во-первых, не я напал, а на меня напали!

— Не старик. Если б на тебя напали, тебе бы по голове закатали, по плечу или бы в грудь этой штукой ткнули. А здесь от тебя защищались, отбивали твою руку, понял?

И хирург сделал такое движение, что Славка чуть не вздрогнул: очень получилось похоже. Хирург улыбнулся:

— Так было дело?... А что ты держал в этой руке, а? — Он быстро написал какую-то бумажку. — На рентген пойдешь... Что ты держал, я могу только предполагать!

Славка молчал. Он был по-настоящему напуган — как его легко и точно раскрыли.

— Ступай, — сказал хирург. И теперь он вовсе не казался Славке таким уж молодым. — Ступай... Ты ведь человек просвещенный, осенью в десятый класс пойдешь. Мож бы в сознании своем экстраполировать, чем кончатся такие истории. Оно все неплохо, когда в темноте да в подворотне, но совсем по-иному выглядит, когда сидишь в светлом кабинете и отвечаешь на вопросы людей, имеющих специальную подготовку.

На рентгене выяснилось, что ни перелома, ни трещины у него нету. Но Славка мало обрадовался этому.

Он ни о чем не мог думать. В голове его замкнулся какой-то не тот транзистор, потому что раз с разом там прокручивалась «видеоленга» с этим хирургом. Сильнее всего Славку страшило то место, где хирург говорил о раздолье в темноте и об ответе на следующее утро... Как будто подсмотрел Славкины мысли!

Рентгенша сказала: надо еще раз зайти в хирургический. Хотя перелома и нет, все равно необходимы какие-то там процедуры... проце-дураки... У Славки уже сил не хватало опять идти к этому слишком приветливому... И на дачу не хотелось, видеть Алenu и Демину — соучастников!

И он пошел домой. Да, не поехал на дачу, где бабка явно уже начала метать икру, а пошел домой, в московскую их квартиру — посидеть в своей комнате, за своим столом...

Он вынул ключ, который испокон века лежал под камешком в начале лестницы. Дом был маленький совсем, двухэтажный, чудом сохранившийся среди огромных, хотя и тоже старых домов. В нижнем этаже жили две семьи. А наверху только они одни, Соловьевы.

Славке нравилось говорить, что они занимают этаж. Теперь это модно — блистать какой-нибудь прабабкой, будто бы графиней. Или вот аристократично занимать целый этаж... Этаж даже лучше. Про графские-то вензеля можно и наврать, а тут уж... И не важно, что в этом этаже всего три комнаты да кухня.

Он вошел в квартиру — сразу его встретил столь знакомый ему запах... Какой он, точно Славка определить не мог. Только удавалось сказать, что как будто немного отдавало духами. Может быть, и мамиными. Хотя... с годами Славкина мать меняла духи, а запах оставался прежним.

Наверное, это пахло старинными, стойкими духами девятнадцатого или восемнадцатого века. Ведь и дом был старинный, постройный еще будто б при Петре Первом. И с тех пор стоит. Ни Наполеон его не сжег, ни фашисты не разбомбили; не сумели сожрать ни хищные блочные пятиэтажки, ни дома-громилы новейших лет — в четырнадцать и шестнадцать этажей.

И едва Славка вдохнул этот запах, едва промелькнуло в его памяти то, о чем только что здесь было написано... и еще промелькнуло очень многое и многое, чего и не скажешь, чего никогда не уловишь словами... Славка понял вдруг, на сколько же он изменился с тех пор, когда ему в голову приходили хорошие мысли.

Он даже не дошел до своей комнаты, а прямо сел на окно в прихожей и заплакал. Что же я затеял, думал Славка, что же я такое затеял?!

В Скальбе на улице Радищева некий мэн открыл дискотеку. Звали его странно — Светик. А фамилия Бочкин... Сколько лет — не поймешь: прилизанный, подтянутый, поддатый, в руках какие-то кисти — художник с понтом... Да Славка и не очень разбирался в возрастах...

Дискотека. Объявлений про нее нигде не висит, а все знают. Вход — полтинник, напитки — с собой. Начало — в десять, окончание — в три.

Они с Аленой, конечно, стали ходить. Тем более им надо было где-то обниматься и все тому подобное. А то было бы просто неудобно: все люди, как люди, развлекаются в меру сил и способностей, а вы-то кто? Брат и сестра? Или еще чего-нибудь похуже? Тем более аморальничать — дело приятное. Тем более, когда Славке несколько раз намекнули: мол, неслабая у тебя подруга, очень в порядке отоварился! Поделись с товарищами!.. А Славка смеялся довольный.

Потом он втянулся уже по-настоящему. Хотелось видеть Алenu, что-нибудь там у нее спрашивать, как будто «не по делу», а смотреть совсем в другом смысле. И улыбаться — не в тех местах, где вроде следовало бы по ходу разговора. И чтоб Алена тоже вдруг улыбнулась.

Так они проводили времечко золотое, пока нечаянно не налетели на неприятность. Причем по совершенно детской причине.

Они с Аленой жили на улице Ломоносова, а у «ломоносовцев» издревле шла война с улицей Тургенева — она рядом, параллельная, соседская. Но — война. Всегда в футбол с ними играли на интерес раз в лето. И раз в лето драка, улица на улицу. А тогда ребят было много — и дачников, и местных. Так что получалось солидное мероприятие.

Потом все заглохло. Поразъехались ребята, а другие повзрослели. И драки эти, которые были в общем-то полуспортивным мероприятием — на землю сел — значит, не трогать, — тоже прекратились. Но старая вражда осталась. На станции или в магазине «тургеньевского» встретишь — гуляй, пацан, мне с тобой здороваться не надо!

Уже года два, как улица Ломоносова оскудела предельно. Остались, по существу, Славка да Алена. Их «тургеньевцы» за конкурентов не считали...

Этим летом, когда началась дискотечная ночная жизнь «ломоносовцев», Алена и Славка, оказались рядом с «тургеньевцами». Вроде чего уж тут — все повзросли, пора забыть детские забавы... Забыли. Но вдруг Алена говорит:

— Ты слепой или зрячий? Может, мне вообще с Хомяком плясать?

А «Хомяк», или «Суслик», или «Мышь», или даже «Крыса», был адъютант его превосходительства Свицова Виталия Ивановича. Тот с детства так представлялся: «Я, — говорит, — Свицов Виталий Иванович. А это моя Крыса».

С Крысой-Хомяком были еще три-четыре тургеньевских человека. Но Славке ничего не оставалось, как кинуть Крысу бедром шага на два в сторону — современные танцы как раз располагают к подобным телодвижениям.

Сразу возникла, как говорится, ситуация, и сразу их с Крысой выставили на улицу: были у Бочкина специальные орлы для этих целей... Следом высочила Алена — конечно, не чтобы погасить конфликт, а чтобы оказаться в его центре. И высочили два тургеньевских мальчика... Тут бы Славке и конец.

Но вышел еще Демин, который тоже был ломоносовским человеком, хотя к компаниям летним не примыкал, а без конца копался на огороде — его бабка заставляла... И со временем Демин вообще как-то выпал из поля зрения.

И вот он тоже зачем-то вышел вослед «дружной компании»... Был самый конец июня — двенадцать часов, а почти светло. Но как-то зловеще светло: полночь все-таки.

— Ну, дачник, — сказал один из тургеньевских, — сейчас тебе будем морду чистить!

Славка ни на что не рассчитывал. Сердце его стучало, как барабан.

— А твою-то морду удобней чистить, — вдруг сказал Демин.

— Почему? — наивно поинтересовался «тургеньевец».

— А потому что она больше!

Алена засмеялась, и тут Демин врезал Крысе, что называется, промеж глаз — точно в переносицу и частично в лоб... В инструкциях по каратэ сказано, что после первого удара надо еще «добавлять». Здесь этого не потребовалось. Крыса грохнулась на траву, потом сел, но без всякого намерения встать. Впрочем, это все было позже. А сразу после удара Демин стал рядом со Славкой:

— Ну как? Двое на двое, есть желание?

Один из тургеневских наклонился над сидящим Крысой. Он вроде бы и не трусил, он вроде бы просто исполнял роль сестры милосердия. Демин дождался мгновения:

— Козлы вы! — На это тургеневские никак не среагировали. Тогда Демин негромко, но очень внятно объяснил на не совсем так называемом «печатном языке», куда, по его мнению, должны незамедлительно отправиться тургеневские. Затем Демин сделал такое лицо, как будто ему душно здесь находиться — в одной компании с этими трусами, и он сказал Славке:

— Пойдем отсюда?

Алена, которая на протяжении всей сцены неотрывно смотрела на Демина, первой пошла за ним, потом и Славка.

Стали с тех пор общаться. А было это делом непростым. По крайней мере для Славки. Демин оказался неразговорчив. Вернее, он не умел то, что называется теперь «трепаться»... В Славкиной московской компании как? Вот приходит к тебе человек. Спрашиваешь:

— Ты чего?

А он: да ничего, дескать, так — потрепаться. И все ясно. Потому что существует такой способ общения: говори что хочешь, и хорош. Можно немного поострить, можно какую-нибудь сплетню поведать. Вот и все дела — очень нормальное времяпрепровождение, сиди и треплись. Только соблюдай некоторые правила. Ну, типа: всех известных личностей зови по именам, словно бы они твои знакомые с раннего детства. Например: Высоцкого — Володей, а Пугачеву — Алла, а Пола Маккартни — Пол. И если ты явился, то обязан выставить угощение: пару пакетов хрустящего картофеля или бутылку сока... Ну, и еще некоторые.

А Демин этого совершенно не умел. Или не хотел. Сядет и молчит. Только иногда чего-нибудь скажет, как гири бухнет.

И еще одна у него странность была. Как-то они поехали купаться. Ну, покупались, позагорали, то да се — стали есть. Потом Алена говорит:

— Ты выдал, сколько он бутербродов умял?

У Демина действительно аппетит был рекордный. Но, с другой стороны, он же здоровый, Демин... Не то, чтобы очень высокий, и не то, чтобы очень широкоплечий. Но буквально сделан из одних мускулов. Алена у него спрашивает:

— Ты спортсмен, Демин?

А он говорит:

— Ну да. Кандидат в мастера по поднятию и переноске тяжестей! — В смысле, что он подрабатывает грузчиком. Сказал на базе: «Мне восемнадцать», и подрабатывает — кому там какое дело?

— А зачем тебе деньги? — спросила один раз Алена. — На фирму ты плевал, музыку не записываешь. — А я живу. — непонятно ответил Демин.

Он каждый день после обеда ходил на базу и появлялся потом только часов в семь. Говорил Славке: — Во, трюльник заработал. — Или: — Сегодня пятеру дали...

Затем, по Славкиным понятиям, он должен был бы предложить эти деньжищи с толком прогулять. Но Демин так никогда не делал. Только один раз сказал:

— Хочешь, за Алену день я буду «деньги на бочку», день ты?

Славка засмеялась:

— Конечно, хоч!

Ему-то по рублю на каждый день доставать было накладно. А тут все-таки через раз!

— А тогда она чья будет?

— Мы чего с тобой, Демин, на базаре в Константинополе?

— В смысле как?

— В смысле, что там был невольничий рынок!

Тогда и Демин засмеялся — наверное, впервые за все время. Сказал:

— Да не. Просто мне с ней тоже охота попрыгать. — И показалось Славке. Демин был смущен. — Она мне тоже немного нравится...

Потом вдруг выяснилось, что Славка только... как бы это сказать... только внешне похож на Алену и Демина.

Здесь надо заметить, что вся Славкина лихость и смелость распространялась на бабушку родную да на школьных учителей. А если б, например, отец приезжал на дачу почаще, если б запретил ему по ночам ошиваться у разных там подозрительных Бочкиных, Славка бы утихомирился в два счета. Но родители приезжали не часто. Им своих забот было предостаточно. Они, можно сказать, от Славки просто откупались. Отец раз в две недели выдавал ему десятку и говорил:

— Только я тебя прошу: с Полиной Павловной ты не конфликтуй... У нее опять, говорит, сердце болело... Ты пойми, сын, если она умрет, нам от этого лучше не будет!

Словно речь шла о каком-нибудь вспомогательном средстве: «Берегите лифт. Он сохраняет ваше здоровье».

Бабка, которая, конечно, не подозревала о таких предупреждениях, ругала родителей... Надо сказать, у них в семье существовала весьма сложная система отношений: бабка имела право ругать родителей, родители имели право ругать Славку, а Славка крутил, как хотел, бабкой... Так вот, бабка ругала родителей, что, мол, они живут со Славкой по принципу «педагогического магазина»: ты нам немного не побалуешься, а мы тебе за это купим «адида», ты нам четверть не больше чем с двумя тройками, а мы тебе за это — приходи домой не в десять, а в одиннадцать.

— Ну, а как вы хотите, собственно? — отвечал отец. — В одиннадцать он бы скоро и без нашего разрешения, «адида» ему необходим — «адида» теперь у всех. И — только не перебивайте меня, пожалуйста! — ему осталось не так уж много продержаться. Очень скоро он станет взрослым и сам поймет, что можно, что нельзя. И, уверяю вас, оценит нашу систему отношений. Будет нам с Наташей благодарен!

— Пойми, мама, мы еще сами молодые! — говорила Славкина мать. — Вячеславу сорок, а мне так просто тридцать шесть!

— Тридцать семь! — веско отвечала бабка. — И с вашими умными мыслями вообще не следовало заводить ребенка!

У бабки, между прочим, тоже был метод воспитания. Она знала, что уж ей-то никак со Славкой не справиться, и действовала на него приемами запугивания.

— Ты, конечно, можешь бегать-прыгать, — говорила она с особым таким тревожным спокойствием. — Но ты должен чувствовать край... Понимаешь?

Вряд ли бабка сама точно знала, о каком «крае» идет речь. У них со Славкой, конечно, были разные понятия об этих «краях». И все же слова ее не пролетали мимо пустыми воробьиными стаями. Вернее всего, потому, что в них слышалась неподдельная тревога. Чтобы стать действенной, педагогика должна быть искренней. Это общетеоретическое соображение не знала Славкина бабка. Но ей здесь теория и не требовалась...

Итак, Славка именно «знал край». Но не только потому, что боялся. Для каждого человека есть какой-то свой порог, через который он не переступит, — скажет себе: «Нет, это уж слишком грязное дело. Я не участвую».

И вот про себя Славка считал... он, само собой, специально не думал об этом, это просто подразумевалось... что у него, Демина и Алены... «пороги предельного свинства» совпадают — по абсолютным, так сказать, величинам. Но, оказывается, у Демина и Алены была... другая система координат!

Это выяснилось случайно.

Однажды Славка и Демин совершенно скуки ради играли в шахматы. Вдруг явилась Алена. Увидела, что они делают, хмыкнула с презрением, энергично потрясла журнальный столик, на котором стояла доска. Фигурь, естественно, наполовину разбежались, наполовину попадали в обморок.

— Ты что, сумасшедшая? — закричал Славка, который как раз начинал выигрывать.

Алена даже не стала ему отвечать, села в шезлонг и сказала:

— Все, Я ее усекала!

— Кого?

— Одну бабу!

Оказалось, Алена здесь, в Скалбе, встретила свою врагину из Москвы, из параллельного класса. После шипения и проклятий сказала торжественно и злобеще:

— Надо сделать ей баку!

— Например? — спросил Демин.

— Ну... — И Алена пожалла плечами так, что стало ясно: «бяку» она собирается делать как раз руками Демина. И Славкиными, конечно. Стало быть, пусть они и пошевелят мозгами!

— Я же ее не знаю! — Демин пожал плечами на Алену непонятливо... То есть в принципе он был согласен. Только хотел, чтоб Алена сперва объяснила, кого надо душить и до какой степени...

Славка абсолютно таких вещей не понимал! Они эту девчонку видеть не видели. Как же тогда можно?.. И тут совершенно не важно, что Алена тебе... пусть даже разлюбезная подруга. Как говорится, Платон мне друг, но истина дороже.

Алене же и Демину была дороже не «истина», не совесть, а вот именно «дружба».

— Так чего ты сделать-то думаешь? — спросил Демин.

— Да хотя бы собаку угнать!

— А потом ее куда? — спросил Славка. Он не мог скрыть своего презрения и... страха.

— Да продать хотя бы!

— Собака-то, Ален, не виновата!

— А я ее не виною! — Алена снова стала говорить, теперь уже обращаясь к Демину как к «более понятливому»: — Поехали один раз на суботник... У нас, в общем, там есть подшефное парниковое хозяйство. Она является в норковой шапке! Знаешь, сколько такая шапочка стоит? Полтыщи!

— Ну и чего?

— Ничего! Другие пришли в разных вязаных скромных штучках, в кроликах под котиков. Она, видите ли, выпендрилась... Да вся ее жизнь столько не стоит, сколько эта шапка!

— Ну и чего? — опять спросил Демин. Однообразный этот вопрос не казался сейчас однообразным, с таким совершенно непонятным Славке напряжением он звучал.

— А я эту шапочку взяла и подсняла... Тю-тю, девчонка!

— Украли?! — как будто со стороны услышал Славка свой голос.

— Вышла из теплицы, там какая-то машина проезжала с перегном. Я ее взяла и бросила туда, в кузов.

— Да не свисти ты, Ален, — сказал Славка. — не свисти!

Алена в ответ лишь пожалла плечами.

— Ну и что она? — спросил Демин.

— Рыдала! — Алена выдержала паузу. — А потом ей еще лучше купили! Понятно?!

— А-а! — Славка кивнул понимающе. — Это на самом деле не она рыдала, а ты рыдала!

— Что?

— Очень просто. Ты ей завидуешь.

Алена помолчала, словно взвешивая его слова. Наконец взвеси́ла все «за» и «против».

— Нет!

Демин смотрел на Алену. И видел Славка, он совершенно ее понимает, совершенно на ее стороне. Сказал — тоже, как давно продуманное, не раз проверенное в голове:

— Такие люди наглые есть... Что ты! — и потом как бы подвел итог: — Надо мстить!

Люба изучала материалы о «неблагополучных» подростках, как их принято называть... Прочитала папки, пролистала еще раз, стараясь вчитаться, вдуматься, надеясь споткнуться на ровном месте о какой-нибудь незамеченный факт. Но место действительно было ровным.

Она лишь отложила папки «самопальщиков» — ребята, которые занимались изготовлением самодельного оружия, самопалов. Таких папок оказалось две. Не густо... И усмехнулась: ей бы радоваться этому, а она расстраивается!

Один мальчишка хотел разрядить свой самопал — свинцовая, тоже самодельная пуля слишком плотно засела в стволе. Решил погреть самопал на газу, чтобы свинец вытопился. А самопал возьми да стрельни! Тяжелое ранение в грудь...

Тогда весь поселок узнал об этом. Николай Егорович сумел настоять, чтобы устроили открытое разбирательство. Отдельно для ребят и для взрослых. И на взрослом разбирательстве Любу удивила неожиданная мысль, которую вдруг бросил Зубов. Там сидели, естественно, и учителя, и директор школы.

Николай Егорович и говорит:

— Несчастья этого могло и не быть. Если бы вы их, товарищи, получше учили!

Никто ничего не понял. А в поселке у кое-кого принято было думать о Зубове, что, мол, он мужик хороший, честный, партийный, но... милицееское, мол, образование — мы его можем себе представить! Так оно считало — «мещанское общественное мнение»...

— Я что-то вас не понимаю, Николай Егорович,— сказал директор.

— А я вижу, что не понимаете! Сейчас объясню! Какая у него по физике-то отметка?

Директор переглянулся с завучем, скосил глаза на литераторшу Зою Васильевну, которая была классным руководителем раненого мальчика.

— Ну, в общем, он неплохо успевал,— сказала Зоя Васильевна.

— А я поинтересовался,— сурово продолжал Николай Егорович.— Четверка там у него и в первой, и во второй четверти. Так чего же стоит эта ваша отметка, если шестиклассник не понимает: прежде чем свинец расплавится, порох уж двадцать раз воспламенится!

— Ну и... Директору было не очень-то уютно в эту минуту.— Как прикажете воспринять ваши слова?

— Примите как частное определение!

С тех пор Люба поняла: думать логично — отнюдь не значит плестись по дороге очевидного. Быть может, как раз наоборот: надо неожиданные делать ходы. Вот тогда только и сможешь «споткнуться на ровном месте».

К сожалению, сейчас ничего такого в голову ей не приходило. Она делала, как говорится, то, что очевидно, следовало, «то, что доктор прописал». Проверила того раненого мальчика. Год назад уехал с родителями на Урал. Отпадет. Самопал, даже, допустим, подаренный на прощание, явно бы «объявился» много раньше, чем через год. Оружие — такая вещь, что долго в чехле не пролежит. Особенно у мальчишек!

Был еще один «оружейник», некий Свинцов Виталий Иванович. Им занималась прежняя инспектор по делам несовершеннолетних, которая теперь ушла на пенсию. И, кстати, тоже уехала из поселка. Но работала она основательно. Люба не очень с ней общалась — ей эта Галина Павловна казалась приличной занудой. Теперь Люба поняла, что могла бы кое-чему у нее поучиться.

Из бумажной двухлетней давности этот бывший тринадцатилетний Виталий Иванович вырос, можно сказать, как живой. После уроков труда мальчик оставался в мастерской поработать еще. Это не возбранялось... Только учитель поинтересовался однажды, что же там мастерит юный Левша. Какие-то непонятные железки слесарил семиклассник. Но учитель, человек прежде военный, понял, что это детали для... пистолета!

Сразу пошел в милицию. Дома у Виталия Галина Павловна обнаружила почти готовый пистолет. Причем ручка — ну уж никак не ребячьей работы. И ствол нарезной...

Папа? Начальник железнодорожных мастерских. Да неужели папа поработал?

Свинцов-старший и отнекиваться не стал. Ну, сделал, говорит, помог сыну... При чем здесь огнестрельное? Это спортивный пистолет. Четырехзарядный, стреляет малокалиберными патронами...

Галина Павловна не поленилась, заглянула к ним в сарай. Там «Виталий Иванович» устроил себе тир. Люди в натуральную величину, вернее, не совсем в натуральную, а вроде как бы «подростки». На коленке, под левой лопаткой, на лбу, на животе у этих «подростков» нарисованы карты — бубна, черва, пика, трефа... значит, куда удобнее стрелять.

Ну, пришлось этот тир уничтожить, пришлось «спортивное оружие» отобрать. И отцу, конечно, сделали внушение... Больше за Свинцовым ничего замечено не было... Так есть у меня основания парнишку тереть? Думаю, нет!

В общем, с нерадостными глазами предстала Люба перед Николаем Егоровичем.

— Тут знаешь чего?— оптимистично сказал Зубов.— Тут думать надо!— Он любил шутки ради иногда прикинуться эдаким протачком, потому что знал о байках про свою якобы неученость... Люба молчала, ожидая продолжения. — Как мы можем с тобой предположить, Любовь Петровна, револьвер появился вдруг. Но это только кажется, что вдруг. Вон тебе землетрясение — тоже вдруг, да? А потом начнут вспоминать: и воронь-то по-лебединому каркали, и собаки-то по-особому выли, и закат-то был не красный, а коричнево-розовый...

— Чего-то не пойму вас...

— Ну, что-то произойти должно было, понимаешь? Предшествующее. И притом что-то неординарное.

— Неординарное... Хм... Уж почти неделя минула, Николай Егорович, а револьвер-то не появляется!

— Ну и слава тебе, господи! Как бабушка моя говаривала.

— Это правильно. Однако почему? Он ведь должен!

И тут Люба изложила начальнику свои мысли по поводу того, что оружие не может долго находиться зачехленным, — не такой у него характер, а особенно в руках парня.

— Не накликаяй ты, капитанша, беды!— Зубов качал головой.

— Ну, приходится идти на риск.— Люба улыбнулась.— Приходится думать.

— И какие же выводы?

Люба пожала плечами:

— Может, ему держать его не в чем, это оружие-то?

Например, рука не работает?

— Хм.— Зубов прищурился.— Мысль! Молодец, Любушка! Гляди в оба теперь. Поселок у нас не Москва и не Ленинград. Может, и встретишь с подбитой ладью... Ну, и в поликлинику...

— Все ясно.— Люба встала.

— И про то, что я тебе сказал, помни: ищи странное. Что-то у нас обязательно должно было случиться.

По ночам, а вернее, уже по утрам, когда Славка возвращался домой — после Бочкина или просто после какого-нибудь сидения на бревнышках, в голове его происходили сражения. Ему давно пора было спать, а вот не спалось — хоть ты повесься! Он продолжал разговаривать с Деминим и Аленой. Да, Алена и Демин — это было одно, а он, Славка, иное. И буквально чего они ни скажут, Славке все время не нравилось.

Но ведь это как-то неловко, когда люди «за», а ты все время «против». Тут уж самый терпимый и добрый скажет тебе: да ты что, детка?... А ведь Алена вовсе не была «самой терпимой и доброй».

Приходилось отмалчиваться, хмыкать. А когда уж прямо требовали его мнения, Славка вынужден был неопределенно пожимать плечами, словно он не человек, а какая-нибудь бледнолицая ученица балетной школы:

— Да, в принципе-то... может, и правильно...

Но то, что Алена проповедовала, не было правильно...

— Да фиг бы с ней, с этой икрой!— кричала Алена.— Я без ихней икры проживу. Мне толстеть не обязательно. Но меня зло берет, когда приезжает настоящий металлический ансамбль... Как он там называется? И я стою, как последняя дура, четыре часа, голодаю, злюсь, замерзаю. Наконец, закупаю этот билет, прихожу в родной класс. Думаю: сразу не покажу, что у меня есть. А эта мырра Селезнева ржет надо мной, как лошадь Пржевальского, и машет таким же билетом. Да еще в пятый ряд... чтоб она там оглохла!

Славка уже понимал, в чем дело. А Демин еще наивно осведомлялся, чем же провинилась перед Аленой «эта мырра».

— Я-то в очереди морозилась!— шепотом кричала Алена непонятливому Демину.— А она-то просто отзвонила палочке, и ей билеты готовы!

— Ну и чего ты предлагаешь?— спрашивал Славка.

— Мстить!— спокойно отвечал за Алену Демин.

— Правильно!— так же спокойно и мрачно кивала Алена.— Хотя бы дом подожечь.

У Славки язык, как говорится, примерзал от ужаса. Алена в это время со спокойной ухмылкой объясняла, как она это собирается сделать... Пробраться в дачу осенью ничего не стоит, когда все уедут. Ну и вот. Прихватываешь с собой электронагреватель, которым воду кипятят, и бензина литра три. Суешь нагреватель в бензин. Потом спокойно уходишь гулять. Через полчаса дача пылает!

— Ты что, Ален, глупая?— стараясь сохранить спокойствие, интересовался Славка.

— Правильно,— соглашался Демин.— Бензин весь испарится, он же летучий. А кипятыльник просто перегорит. И ничего не будет, кроме улик!

Славка хотел им крикнуть, что они оба рехнулись, если всерьез обсуждают такие вещи. Но первой успевала крикнуть Алена:

— Плохо ты, мальчик, физику знаешь! Прежде чем он испарится, он взорвется десять раз!

Они начинали яростно обсуждать физические свойства бензина, ничуть не думая о том, что вся эта затея по крайней мере бред...

— Ну, ты скажи, Славист!— Демин резко толкал Славку в плечо.— Будет взрыв?

Тогда и Славка оказывался погруженным в этот высоконаучный бензиновый спор. А потом дома, лежа в своей тихой комнате с продолговатым белым потолком (а утренние птицы кричали и пели, ничуть не мешая нормальному людям спать), он клял себя за беспринципность, вообще за то, что не пошлет этих двух экстремистов куда подальше...

На другой раз Алена принималась развивать новый план уничтожения вражеской дачи. И вдруг Демин говорит:

— Бред это все.

— Что? Опять чего-нибудь испарится?!

— Да нет. Я считаю: зачем портить? Надо брать у них и отдавать кому-то... Смотрели «Берегись автомобиля»? Вот дельно малый поступал.

— Хм...— Алена испытующе смотрела на Демина.— Значит, ты предлагаешь?... Ну, допустим, мы со Славкой согласны. Только при одном условии: часть оставляем себе!

— Вы бы послушали, что вы несете!— кричал Славка.— Этот хоть предлагает в благородных разбойников играть. А ты, Алена, вообще: прийти, своровать — и хорош!

— Они-то у нас воруют.— Алена спокойно пожимала плечами.

— А ты видала?

— А ты думаешь, на сто пятьдесят можно так жить?... Ей говорят: «Селезнева, кто твой родитель?» Она глаза сощурит: «Простой завскладом...» Вот так, Слава!

— Да глупости это. Таких всех пересажали.

— Значит, не всех.

— Ладно, я лично его не знаю,— говорил Славка неохотно.— и спорить не буду. А почему ты говоришь: «Они у нас воруют»?

— Ну... я не знаю там... у государства. А государство — это мы с тобой и есть!— Тут ей надоедало дискутировать со Славкой, и она обращалась к Демину:— Согласен: часть оставляем себе?

Пожоже было, что Демин особых возражений не имел.

Бредовина какая-то, думал Славка, оставшись один. Надо расставаться с ними и... На этом «и» он всегда останавливался. Не давала покоя одна мысль: а вдруг он, Славка, такой благородный только из-за того, что самым банальным образом боится участвовать в рискованном деле? Если он откажется, Алена с Деминим только так и подумают! Это представлялось Славке невыносимым. Прежде всего потому, что отношения с собственной смелостью были у него довольно напряженными.

Однако дни проходили за днями, как писали в старинных романах, дни за днями... а эти двое так ничего и не делали. Хотя болтали зловеще!

Все, как это часто бывает, решил случай. В тот раз Славка уснул особенно поздно, когда уж совсем рассвело и даже солнце, кажется, встало над березами. Впрочем, Славка давно не замечал таких мелочей, как солнце. Только шторы задернул, чтоб не мешало спать.

Однако спать ему все-таки помешали. Бабка долго и нудно стучалась в запертую на крючок дверь и в Славкин сладкий, а потому липкий сон.

— Да что такое, господи!— завыл, наконец, Славка.— Кто-нибудь слышал, что у меня каникулы?!

— Во-первых, времени уже одиннадцатый час,— отвечала бабка строго.— А во-вторых, к тебе пришла.

Сонный, сердитый Славка поднялся, как был, в одних трусах, ударом ноги распахнул дверь. Бабка, зная его манеры, стояла на соответствующем контрольном расстоянии. Рядом с нею стоял человечиска, которого все звали Солдат-Юдин.

Вернее, он сам себя так звал, с детства. Когда с ним знакомились — ребята или даже взрослые, — он представлялся:

— Солдат-Юдин.

Неизвестно, каким образом воспитывали его родители, но этот Юдин-Солдат всегда играл только в войну. Причем не в солдатиков там, не в сражения, вообще не во что-нибудь приличное. Его любимым занятием было спрятаться и выслеживать жертву.

Идете вы по улице, вдруг — шлеп! Выстрелило пистолное оружие. Можете не сомневаться: это Солдат-Юдин пустил вам в затылок воображаемый заряд.

Вещь как будто безвредная, однако на нервы действует безотказно. Солдату-Юдину объясняли. И лупили его не раз! Он продолжал свою охоту. Только с годами стал умнее: уже не пользовался звучащим оружием, а стрелял по вас, так сказать, мысленно. И прятаться он наловчился так подпольно, что нельзя было знать, присутствует здесь Юдин или нет.

Его и за это бивали, когда удавалось поймать. А он научился прятаться еще лучше! И настал однажды в жизни улицы Ломоносова и в жизни улицы Тургенева такой момент... ну, щекотливый, что ли. С одной стороны, бей гада Юдина, который... и так далее. А с другой... когда человек практически невидим, он столько о тебе тайн насобирает, что сердце начинает неприятно вздрагивать, и уже вместо того, чтобы на законном основании и при абсолютной полноте благородных чувств двинуть ему в рожу, говоришь дипломатическим голосом:

— Слушай, Юдин, старик...

А потому что он твои секреты может рассказать другому, а может секреты другого рассказать тебе. Вот так Солдат-Юдин незаметно превратился в торговца тайными сведениями. И поэтому Славка, увидев его, на всякий случай взял себя в руки, а на лице изобразил такую неопределенно-приветливую мину: мол, нашей случайной встрече я в принципе рад.

Кстати, Славка, быть может, единственный относился к Солдату-Юдину по-человечески просто в силу своей природной миролюбивости. К тому же, поскольку он был во многом «маленьким сыном» (это лишь последнее время он взял себе такую волю), за Славкой тайн особых не водилось. Так что был он для зловредного Юдина практически неуязвим. Это все окрашивало Славкин образ — для Юдина, конечно, — в цвета особой привлекательности. Он любил иной раз покалякать со Славкой, так сказать, отдохнуть душой после тяжелых (и неблагодарных) операций по винохи-ванию чего-нибудь там очередного.

Они уединились на лавочке под березой. Юдин был явно чем-то взволнован. Нос и глаза у него блеснули — одинаковым таким, тревожным блеском. И Славка тоже стал отчего-то волноваться, словно уже знал ход дальнейших событий.

Солнце светило вовсю, но Славке не было жарко. Ему даже стало холодно, когда Юдин сказал:

— Мне нужно за это сорок рублей!— и вынул из-за пазухи что-то завернутое в тряпку, положил на лавочку между собой и Славкой. И оно отозвалось глухим металлическим стуком.

— А чего это?

В ответ Солдат-Юдин сделал такое движение головой: мол, разверни да глянь.

Осторожно Славка откинул тряпку и сразу увидел блестящий никелированный ствол, барабан, куда вставляются патроны, черную, как бы костяную ручку... Револьвер! Наган, а может быть, кольт, но не то и не другое, потому что револьвер был поменьше — в старину такие называли дамскими.

Невольно Славка взял его. С опаской, но крепко. Невозможно было не взять! Какая-то приказывающая сила жила в этой страшной игрушке.

Тяжелость его, и основательность работы, и что-то еще неуловимое сразу заставляли тебя осознать, что это настоящий!

Славка понял: он не расстанется с револьвером ни за что!

В то же время страх и любопытство охватили его. Впервые, Юдин знал про сорок рублей. Значит, тайно дышал при каких-то его довольно интимных объяснениях с Аленой. Но это еще что! Он присутствовал при разговорах об ограблении! Иначе зачем ему предлагать Славке такую вещь?

Со смешанным чувством восхищения и отвращения он посмотрел на Юдина.

— Только не надо — откуда я его взял и тому подобное. — спокойно сказал Юдин. — Я же у тебя ничего не спрашиваю...

Когда Славка вспоминал потом, как было дальше, он сообразил, что не сказал Юдину больше ни слова. Сразу пошел в дом, вынул из потайного места свернутые в твердый жгут четыре новенькие десятки, отдал их Юдину, сунул револьвер за пояс под рубашку... И сразу почувствовал, какой он ледяной и тяжелый.

Юдин развернул десятки, убедился, что их действительно четыре, встал, протянул Славке руку... Не следовало бы пожимать шпионскую руку! Но Славка догадался об этом много позже. А тогда он хотел одного — чтобы Юдин поскорее, как говорится, урыл отсюда. То есть по-русски убрался!

Потом он залерся в уборной и стал сначала со страхом, а затем все с большим восхищением рассматривать, изучать свой револьвер.

Научился взводить курок, научился ставить его на предохранитель, нашел собачку, откинув которую можно было разломить револьвер надвое. И тогда становилась видна блестящая, вычищенная внутренность дула и барабан с шестью гнездами для шести патронов. Все они сейчас были пусты... На мгновение разочарование кольнуло Славку. И тут же забылось! Не важно, заряжен он, не заряжен. Главное, что он был: настоящий, страшный, очень красивый. Славка выбросил вперед руку с револьвером:

— Деньги!

Так он возник — «великий пистоль».

Славка и сам не ожидал, сколько в нем появится вдруг значительности и твердости. С такой вещью в руках можно было пофантазировать! Теперь уж и Славка орал, стараясь, чтоб сами они замолчали, а слушали бы только его.

Вдруг Алене пришла в голову эта проклятая мысль: надо потренироваться...

— Потренироваться?!

— Ну да. Как мы будем хомутать ее палочку? Или там... ну, в общем, кого решим...

Славке это сразу показалось полной дичью: что еще за тренировки?! Ведь операцию сперва тщательно разрабатывают, во всех мельчайших деталях, потом выполняют. А тренироваться...

Алена холодно выслушала его:

— Странно, милый! — Тут она быстро глянула на Демину и усмехнулась. И Демин усмехнулся... Как будто их посетила одна и та же гениальная догадка.

А тут и Славку посетила эта же «догадка»: может быть, я просто боюсь?!

— Хорошо, пеньки! Решайте, что хотите. Я согласен! Хоть на ограбление сапожной мастерской. Пни осино-вые! Я вас в гробу видел!

И Славка ушел, а пистоль осторожно холодил ему живот — уже не ледянце, как вначале, а как бы подружески, как бы признавая в Славке своего хозяина и повелителя.

Лишь потом Славка сообразил, что все-таки не стоило оставлять их наедине. Тем более, Демин делал, как известно, кое-какие заявочки на этот счет. Но возвращаться, ему казалось, уж тем более глупо.

Было непривычно рано, Славка лежал в своей комнате, уже в постели, уже зачем-то раздевшись. Бабка за стеной досматривала художественный фильм по второй программе.

Он вынул пистоль из-под подушки, положил его рядом, так что дуло слегка касалось виска. От этого делалось и жутко, и здорово. Славка взвел курок, приставил пистоль к самому виску... Он точно знал, что там нет ни одного патрона. И все же было страшно нажать спусковой крючок. Но Славка нажал его! Прямо в ухо ударился звонкий щелчок...

Вдруг Славка понял, что у этой вещи, сделанной специально для стрельбы в людей, нет и не может быть хозяина. Она просто слушается того, кто ее схватил... И невольно он подумал... опять подумал о том, каким же все-таки образом револьвер попал к Солдату-Юдину. Украден? Да, украден. Не в земле же Солдат-Юдин его нашел, такой новенький... И значит, я купил ворованную вещь!

Не... Как это у них называется? «Перекупил»... Так называется у воров.

С этой минуты что-то изменилось в Славкинском отношении к пистолу. Славка его словно бы разлюбил.

Он ничего сделать еще не успел, а уже случилось преступление — купил краденое... Не то, чтоб его это страшило, но было как-то противно. Он даже решил сейчас же выкинуть пистоль, забросить в болото.

Но ведь была уже ночь. А может, утро вечера мудренее?

Утро оказалось не мудренее вечера, а глупее на этот раз. Он никуда не пошел, хотя теперь идти к болоту было не страшно. Он страшился другого — того, что Демин и Алена подумают.

И, сунув пистоль за пояс, Славка сел ждать, когда Демин и Алена придут к нему мириться. Протомился минут сорок. А потом они действительно пришли.

Попрепирались немного, выясняя, кто же все-таки был вчера виноват. И затем вдруг Алена объявила, что именно сегодня они идут на станцию ждать последнего пассажира с последнего поезда...

Вот о чем успел подумать будущий десятиклассник Вячеслав Соловьев, пока сидел у окна в прихожей своей московской квартиры, а слезы сперва лились у него из глаз, а потом высохли. И когда высохли они, Славка глубоко вздохнул, поднялся и поехал назад в Скалбу.

Было часа четыре. К тому времени день успокоился, расслабился. Облака лежали на небе огромные, неподвижные, белые — такие летние-летние. Не верилось, что уже перевалило за середину августа. Воздух был тих и при всей своей прозрачности почти видим — густой, пронизанный солнцем.

И здесь Глебов заметил, что с платформы спускается тот самый парень... Да, это произошло. Глебов узнал его. Он понимал, что ни один суд не поверит ему, но и знал, что никто никогда его не переубедит. Это действительно был тот парень. Тот!

Как и в прошлый раз, парня можно сказать, Глебов не видел. Тогда все было в темноте, при скупой поддержке далекого и мутного фонаря. Теперь на мгновение мелькнул профиль, а потом лишь спина, затылок. И все-таки Глебов знал: это он... И не надо быть летучей мышью с ультрафиолетовыми улавливателями вместо ушей, а надо только, чтобы вам один раз ткнули в живот револьвером.

Глебов шел, ведя велосипед за рога. И велосипед этот был ему маскировкой — такая очень дачная примета.

Впрочем, парень и так не оглядывался, не думал о возможности преследования, словно вообще не опасался. В то же время в нем чувствовалась какая-то грусть, прибитость... Или это лишь казалось Глебову?

Однако никакой это был не парень. Это был обыкновенный мальчишка! И вовсе не так уж он высок, как это показалось Глебову ночью у станции. У страха глаза велики. А у неприязни и того больше. И, может, думал Глебов, вся эта акселерация... Ну, пусть не вся, так большая ее часть, есть не что иное, как наша неприязнь к ним: «Ишь какой вымахал!» А дальше уже пошли-поехали теории. И сейчас он почти уверен был, что «теории» эти не подкреплены достаточным количеством убедительных фактов...

Неожиданно мальчишка пришел! Случилось это очень как-то обыденно, Глебов даже словно бы «растроился», испытал некое разочарование, что ли. Очень уж недетективно все случилось. Просто он свернул вдруг в калитку, калитка хлопнула, и, когда Глебов, поднажав на педали, подъехал к тому месту, в ответ на его любопытный взгляд только ветки мичуринской черной рябины помахали, дразнясь уже покрасневшими кое-где листьями.

Глебов не удержался, притормозил, надеясь еще хоть что-то углядеть. Однако у него хватило ума все же проехать мимо калитки и забора.

Дальше улица полого уходила вверх. И на пригорке этом лежало несколько старых бревен. На них сидели парень и девушка. А скорее все-таки мальчишка и девочка. Довольно легкомысленно, однако доверяясь интуиции, Глебов затормозил около. Сел на бревнышки, а коня своего положил железным боком на траву...

Он почувствовал, что нарушил какой-то разговор. Но при этом не испытал ничего похожего на угрызения совести. Дело какое! Ведь он был старший. И уже через секунду Глебов решил, что вполне может завязать разговор... Мальчишка ему показался никаким. А вот девочка была прелесть что такое. Прелесть!

Глебов, признаться, никогда особенно не приглядывался к молодежи. Она была, как говорится, вне сферы его интересов... А почему? Никаких внятных объяснений тут не подобрать. Просто Глебов не интересовался молодыми, да и все. Как сотни тысяч других людей.

Однако случай весь этот и особенно слежка... Ну, не слежка пусть, а скажем, эта его велосипедная прогулка повернула душу Глебова в новую сторону. И вот он залюбовался девочкой... Нет, не девочкой. Но и не барышней!.. Бог знает, как было назвать это состояние ее духа и бытия.

Одно стало вдруг ясно Глебову: красота — момент жизни. Не было — пришел — исчез. И эта девочка была

как раз в том моменте. Глебов видел, что, повзрослев, она сделается полноватая, жила в ее генах такая склонность. И морщинки на лбу, которые столь мило сейчас, станут ее настоящими врагами.

Но сейчас она была прелестна и неповторима в начале своей женственности, а на самом деле — в ее зените!

На мгновение Глебову захотелось просто довериться ей. Не начать хитро выспрашивать, а просто вот довериться...

Ничего подобного, конечно, Глебов не сделал! Он кашлянул самым банальным образом, чтобы привлечь к себе внимание... Хотя его и так заметили, ведь он мешал их разговору.

— Извините, ребята, вы давно здесь живете? Вы здесь всех знаете?

— Слушай, отец, — сказал мальчишка очень внятно. — Мотай отсюда!

Теперь Глебов увидел, какой перед ним угрюмый парень, какой темный у него взгляд. Но это лишь промелькнуло в сознании. А ясно и горько там отпечаталось другое — что его назвали «отец». В первый раз... Вспомнилось чье-то стихотворение об этом, Межирова, что ли... Совершенно нелепо и не к месту улыбаясь, он вглядывался в лицо этого мальчишки.

— Чего уставился? Не понял, что тебе сказали? По рогам захотел?

Глебов вспыхнул. Он как-то должен был ответить, осадить его. И... сделалось страшно. У мальчишки были кулаки каратиста и тяжелый, безжалостный взгляд. Неважно, что ему шестнадцать, судя по физиономии безусой. Они теперь, эти акселераты... Глебов понял, что сейчас он поднимется и уйдет. И эта девочка, которая...

Вдруг она словно услышала его мысли... Внимательно, не отрываясь, смотрела Глебову в лицо, как будто узнавала в нем кого-то. Потом взяла грубого парня за плечо, тряхнула эдак — довольно бесцеремонно, чего Глебов никак бы не мог от нее ожидать. Но тут же оправдал ее: так и следует... с этим. Быстро сказала грубому: «Сбегай за...» — и произнесла какую-то фамилию... короткую и скользкую — так отчего-то ему показалось.

Мальчишка, больше не взглянув на Глебова, сразу ушел. Тогда она стала говорить. Слов ее он потом вспомнить не мог. Но говорила она именно так и именно тем голосом, которого Глебов ожидал. И от этого получилось еще неожиданней!

С трудом сдерживая себя в рамках взрослости своей постылой, Глебов начал плести ей что-то несусветное, будто он ищет, не сдаст ли кто дачу... И это в конце августа!

Но девочка слушала, словно понимая что-то большее, чем эти слова. Слово понимая, чем вызвана его сбивчивость — просто ее обаянием, вот и все!

Вдруг она встала. И Глебов невольно поднялся...

— Я вам ничем помочь не могу. Здесь, по-моему, никто не сдаст, — она улыбнулась. — Мне, к сожалению, пора идти... — что, мол, рада бы еще с вами поговорить, да вот...

Она пошла навстречу двум мальчишкам: тому грубияну и другому, «со скользкой фамилией»... Последнее, что он увидел, — как эта девочка прикуривает от спички, поданной ей «грубияном». Так странно все было, так смешано в душе у Глебова, так все непонятно, как в этой девочке... А может быть, как в этом поколении?

Немного пока найдется на свете школьники, которые бы спокойно закуривали под снайперскими взглядами соседок, знающих тебя чуть ли не с пятилетнего возраста. Тут надо на многое решиться: что уж, мол, во я какая разудалая девушка!

Или надо иметь какой-то резон — специально это делать, для чего-то. Алена как раз имела «свой резон», когда, подходя к Демину и Солдату-Юдину (человеку со скользкой фамилией), вынула из нагрудного кармашка сигарету, спокойно бросила несколько остолбеневшему Демину:

— Огонька!

Нужный эффект был достигнут, Юдин разинул рот, захлопал глазами... все это, естественно, в переносном смысле. На самом деле его взгляд из напряженно-подозрительного стал напряженно-уважающим. Но Алена было сейчас не до нюансов. Она набрала дыму, выпустила его Юдину прямо в лицо, спрятала сигаретку от греха в рукав и сказала:

— Вон, видишь, поехал? — А улица Ломоносова была пряма, как стрела, и неизвестный велосипедист находился уже метрах в семидесяти. — Узнаешь, кто. И где живет.

— Четыре рубля! — Юдин быстро глянул на велосипедиста, а потом повернулся к Алене, которая вынуждена была курнуть второй раз и теперь говорила так, что дым неровными клочьями вырывался у нее изо рта:

— Парень! Рви быстрее, пока тебе шею не свернули! Демин, который в этой сцене не принимал никакого участия, потому что не понимал ее смысла, был здорово удивлен тому, как Солдат сорвался с места и улетел, словно подхваченная ветром пушинка.

Алена тут же бросила сигарету, затоптала ее, плюнула... Она все-таки не любила курить! А главное — не хотела засвечиваться... Посмотрела на Демина:

— Ты ничего не понял, да?.. Ты знаешь, кто этот парень?

— Который на велосипеде?.. Какой же он тебе парень? Ему лет сто! — Демин усмехнулся. — Теперь многие эти... старичье... спортом занимаются, понимаешь... и по фейсу совершенно не отличишь... А я сразу отличаю: если хуже одет, значит, взрослый!

Алена удивилась этой странной и, наверное, точной примете. Хотя сам Демин был одет далеко не блеск. Но нет правила без исключения!

Она еще раз припомнила свой разговор с «этим». Его глаза... так взрослые на нее никогда не смотрели... если только он действительно взрослый... Волосы под шляпой были... А шляпочка, между прочим, действительно фирмы «Верия».

— Ну, ладно, — сказал Демин великодушно. — На что он тебе сдался?

— Я его узнала! Это он! Который Славку вырубил... Как ты его узнать могла?! — сказал Демин с усмешкой. — Там же темно было. И через куст.

— Потому что ты дурак! — отрезала Алена. Но Демин нисколько ей не поверил. Даже когда Алена стала ему и Славке рассказывать, как «этот» подвешивал ей фонарь про дачу... Ну и что? Бывают некоторые — вообще зимой снимают.

А вот на следующее утро он здорово испугался! Вышел и... увидел этого мужика. Он опять был на велосипеде, в своей некрасивой «взрослой» одежде... Демин шагнул обратно в калитку, чего делать, наверное, не следовало. Но велосипедист не заметил его. И в то же время он точно кого-то высматривал!

Из-за калитки Демин видел, как он проехался немного, потом повернул назад — и снова мимо их домов... Мимо Славкиного!

Демину, притаившемуся за кустом смородины, не дано было знать, что Александр Степанович Глебов приехал сюда вовсе не из-за Славки... Не из-за «пистолетчика», как он стал называть его про себя. А из-за того... или лучше сказать, для того, чтобы, может быть, ненароком столкнуться с Аленой, которая имела в его сознании «Та-девочка-удивительная»...

А Демин со страхом сделал, как он думал, абсолютно бесспорный вывод: за нами «секут»!

Он был, казалось, совсем не тот человек, чтобы чего-то сильно бояться. Но так казалось только Алене и Славке — тем, кто особенно не приглядывался к нему. Кто даже имени его не знал. А Демин и не стремился, чтобы узнали: потому что его имя было Степан... Угораздит же иных родителей вспомнить покойного дядю, который в свое время... ну и тому подобное.

Теперь есть такое выражение: мы, дескать, не просто так себе, молодые люди, мы представители джинсовой культуры... А что? Вполне внятный тер-

мин — скажете, нет? Но Демин-то к ней отношения практически не имел: эта «культура» деньжищ стоит, а у Демина их не было.

Демин пока в общем-то не знал, чего он действительно хочет в жизни. Но если другим-многим спешить особенно было некуда: родители до поры поддержат, покормят, — то Демину надо было определяться. По-быстрей!

«Тебе профессию надо иметь!» Так сказал Демину человек не болсно добрый к нему да еще и сердитый — материн поклонник. В неурочное время Демин пришел домой, а они сидели себе за столом да, как говорится, «чай гоняли».

Демин вошел и прямо сел за стол... И не то, чтобы он сильно хотел жрать. И не то, чтобы так уж сильно «назло». А... что ли проверить хотел, как же ты будешь сейчас, мать, меня гнать отсюда, своего сына.

Ему в ту пору было лет тринадцать, но он уже во многом понимал, что к чему. Да и матерью было сказано в прямых словах, чтоб раньше десяти не появлялся. И место было найдено хорошее, где он мог досидеть до нужного часа, — проявлена материнская забота...

И вот он пришел, сел к столу — не было еще и семи... Почти надеялся, что сейчас мать придерется к чему-нибудь и начнет орать.

Тогда и он зареет: «Да, пожалуйста, могу уйти! Вообще могу не приходить!» Тогда она заплачет и он заплачет. И они останутся вдвоем и сядут смотреть телевизор, касаясь друг друга плечами. И она скажет ему где-нибудь в не очень интересном месте кино:

— Степк, поставь чайку.

Но ничего подобного не случилось! Когда он сел, мать отвела пустые глаза в сторону. А этот мужик взял кусок хлеба, кусок хорошей красной рыбы, которой они в основном и закусывали до прихода Демина, сделал бутерброд, налил Демину в стакан воды «Буратино» и сказал:

— Ешь на здоровье!

Но таким голосом он сказал, в котором тринадцатилетний Демин легко сумел прочитать: «Ты мне нагадить пришел, а я тебе все равно добром — вот хоть ты задавись!»

И тут Демин как-то растерялся. Он не знал, то ли ему назло съест этот бутерброд, то ли назло не съест... Вот тогда-то вдруг, прямо в эту самую секунду мужик и сказал:

— Тебе профессию надо иметь! Чтоб жить без оглядки. — Он посмотрел на бутерброд, усмехнулся, довольный своей победой. — Когда деньга, лучше себя чувствуешь, а когда неворованная — тем более!

Потом Демин узнал, этот мужик — монтажник. Мотается по командировкам, получает и пятьсот, и за пятьсот... Так что не врал!

Демин не был таким уж особенным Ломоносовым-Лауазье, но он мог бы остаться в девятом классе. Захотел бы и остался. Да у него о том идеи не было. Восьмой класс он заканчивал легко и свободно.

А потом сразу, без лишних напоминаний, без «посоветоваться с родителями» подался в ПТУ. Стал учиться на строителя-монтажника. На верхолаза, короче говоря — «не коцегары мы, не плотники...». А чем плохая профессия?

А в конце августа, прямо перед началом занятий, мать пришла домой с Робертом. И через несколько дней к ним переехали Робертовы вещи и главное — ударная установка. Роберт был ударником в ресторане при гостинице, где мать была коридорная... У них очень удобно получилось!

В первый или во второй раз, когда Демину постелили в кухне, на полу, мать сказала:

— Ты зови его дядя Роберт.

— А тебя тетя мама?..

Эти слова Роберт вроде бы пропустил мимо ушей, вроде бы вообще не слышал. Но через несколько дней... мать как раз ушла куда-то, потом Демин подумал, что, может, и нарочно... через несколько дней... Демин ничего не ожидал, был то есть совершенно не готов, он просто смотрел телевизор, а Роберт смотрел на него. Но такие вещи на Демина не действовали.

— Я почему каратэ не занимаюсь, — вдруг сказал Роберт, — потому что тянет.

— Чего тянет? — Демин не хотел, да спросил.

— Да кому-нибудь морда напалдавать! — Он, когда волновался, всегда говорил с акцентом. — Я нестойкий к этому вопросу.

Некоторое время они молчали, уперевшись друг в друга упрямыми взглядами. Затем Роберт продолжил намеченную программу:

— Ты хочешь в девять уходи, хочешь в десять, хочешь в двенадцать... утром! Меня не касается. Но вечер — одиннадцать приходи!

Демин никак не мог уходить из дому в двенадцать дня: у него учеба начиналась с восьми. Впрочем, Роберт этого мог и не знать, Роберт мог ему от чистого сердца предлагать сидеть тут до двенадцати. Он очень мало Деминым интересовался.

— Ты меня извини! — Это он сказал таким тоном, каким извинения совсем не просят. — Ты мне здесь абсолютно не нужен!

Теперь Демин очень захотел ему ответить. Но не нашелся сразу. И тогда Роберт как бы перебил его: — Мать знает!

Эх! Он должен был ответить этому... Роберту. И потом он сообразил, как мог бы ответить... Хотя бы молоток в руки взять.

Да и просто словами! Но Демин мать жалел. Себе он это называл: «Неохота связываться» и «Она еще сама потом...» А по правде, он ее просто жалел!

Он ее жалел и тогда, когда от него утром дверь в комнату стали запирают, чтобы он якобы не играл на Робертовой ударной установке. И когда кровать его навсегда передвинули в узенький коридорчик перед входной дверью. И когда мать с настоящими слезами говорила соседке:

— Ну, что же, Лариса! Если я родила, я теперь всю жизнь должна таскать эту тяжесть? Мне самой пожить хочется... Вон Робик — думаешь, очень доволен?.. Степка, Степка! Сколько я его должна воспитывать в конце-то концов?!

Демин еще не понимал, что материнская любовь к нему прошла! Об этом ни в одном кино не было сказано, что такое бывает.

И он тогда ушел из дому — в наказание матери: чтоб она опомнилась и побежала его искать.

Но его никто не искал. Через неделю он явился. Его окинули не очень добрым взглядом:

— Хорош! — Как будто радовались, что теперь есть возможность ругать его на законных основаниях.

И, переночевав кое-как, измарав и без того не очень чистую наволочку, он ушел туда, откуда явился, — в котельную.

Помещение было огромное, как бы двухэтажное, только, конечно, под землей. Окна присажены у самого потолка. Но никто на них не обращал особого внимания, потому что здесь всегда горел свет.

Тут заправлял дядя Андрюха — хромой, седой, нечесаный. Орал какой-то своей начальнице:

— Я работу справляю? Все! А другое тебя не касается!

Еще приходил сюда однорукий дядя Серега и дядя Толянч, который рассказывал, что будто бы когда-то работал следователем...

Демин даже приладил отсюда ходить в ПТУ. Мужики про него говорили:

— Ну, он же Алешки Демина внук... который валенки вялал... — Это они вспоминали деда, материнного отца.

Но потом все изменилось там. Дядя Андрюха, который считал котельную вроде как своей собственностью, сдал ее каким-то подозрительным типам, которые играли в карты, а больше в «железку». Они заваливали часов с шести — и понеслось!

Это было похоже сразу и на рынок, и на пивную-шалман, и на темную подворотню. Хотя никаких темных подворотен в сельской Скалбе быть не могло.

Дядя Андрюха стал теперь злой: деньги, взятые им вперде, давно испарились, и он сам был не хозяин в своем доме. Дядя Серега и дядя Толянч резко пропали — их эти играющие «наладили». А Демин остался: ему-то пропадать было некуда! Он продолжал жить на своей лежанке за толстыми трубами. Место, может, и темное, может, и излишне теплое, а зато уж свое.

Но однажды Демина оттуда выставили. Демин уже лежал раздетый — то ли готовился спать, то ли готовился еще помечтать на сон грядущий. И тут над трубой возникла рыжая курчавая башка:

— Давай, вали отсюда! — и потом было прибавлено еще несколько слов.

Почему-то Демин сразу понял, что место это, бесплатно занимаемое им, теперь тоже продано дядей Андрюхой... За спиной у «башки» виднелась еще одна — женская. Вторая башка была выпивши, улыбалась и ждала, нисколько не сомневаясь, чем кончится дело.

Демин ушел и, собственно, больше туда не возвращался... Только зашел однажды ботинки свои взять. Его никто и не заметил! И это было ему даже не то чтобы обидно, а больше как-то странно...

Дуракам счастье, он думал, дуракам счастье — ну, пусть так. А почему же за это интересным и умным несчастье? Почему интересные и умные так часто мучают других, приносят горе? Это он так думал про свою мать и про себя. И ни до чего додуматься не мог...

Месяц или два он скитался где попало, а потом вернулся домой. Пришел днем — ни матери, ни Роберта не было. В дверь был врезан новый замок. Демин плюнул на этот замок. Но постоял секунду, вытер слюну... Солнышко светило, в ноздреватый снежный пирог под окнами стучала капель.

Замочек врезали? Да и шут бы с вами. Тепло!.. Он открыл сарайку, стал вываливать отсюда дрова. На пыльных полках под потолком нашел две керосинки, еще бабкиных.

Демин посидел над керосинками некоторое время в раздумье, пока не установил принцип действия. Сходил в лавку за керосином... Ведь продавали же его за чем-то. Стало быть, кто-то пользовался и этими штуками...

Сарайка был, в сущности, неплохой. Даже теплый. При деду покойном здесь вроде бы держали кроликов. А потом завалили хламом...

В тот день ему повезло: мать пришла рано, а Роберт поздно. Демин уже успел поставить к себе в сарай

раскладушку, более или менее заткнул щели, зажег керосинки... Мать ничего не говорила, кроме одного: — Не стыдно?.. Постыдился бы!.. Не стыдно? Перед людьми-то не совестно?..

Но Демин думал, что матери самой, наверное, стыдно... Обида жгла, и хотелось длить ее на глазах у матери.

Чтобы мать сказала ему что-нибудь, он взял купленный еще бабкой транзистор, унес к себе в сарай. Нарочно попробовал, играет или нет. Мать только покачала головой и заплакала.

В душе у Демина копошилась смутная тревога, что, может быть, он в чем-то тоже виноват и мать плачет не от стыда, а просто от горя и оттого, что не в силах справиться с выросшим Деминым.

Он припер дверь лопатой, включил транзистор, стал ловить музыку. Под одеялом — правда, во всей одежде — ему было не холодно.

Тут дверь толкнули, потом еще раз — сильнее. И Роберт сказал:

— А ну открывай! — Лопата оказалась не таким уж надежным запором.

— Войдешь — поленом шарахну! — И Демин заметил, что действительно выбирает полено, удобное для ближнего боя.

— Сгорыш там! — И Роберт снова сильно толкнул дверь.

— Сгорю — вам же с матерью лучше!

Он не хотел этого делать — не хотел из них слезу выжимать. А сам выжимал! Но Роберт лишь что-то буркнул — наверное, на армянском языке, и ушел. А Демин остался...

Он и отсюда приспособился ходить в ПТУ. А стирать он уж давно приспособился — в бане. Да ко всему можно приспособиться. Только надо понять, что ты сам отвечаешь за себя... Понимаете? Не мама, не дядя, а ты сам за себя... И на бокс стал ходить. А что ж ему теперь спортом не заниматься?.. Иной раз у ребят в общаге ночевал. Да ему бы и самому общагу дали — просить неохота. Как начнешь объяснять...

В ПТУ, если честно, не очень спрашивают по математике там, по физике. А уж по литературе, по биологии — тем более! И многие этим пользуются. Ну, и Демин, конечно, тоже. Но однажды он прочитал... кажется, в «Комсомольской правде» (домой идти не хотелось, он торчал на станции)... прочитал, что в мире не учится сто сорок миллионов детей... Вдруг подумал: и я один из них!

И стал учиться...

Ему, конечно, повезло, что год получился теплый. Март — почти как апрель. А в самом апреле уже комары пошли. А там и на практику рванули. Потом приходит прораб:

— Ребята, кто хочет остаться еще поработать? Но уже за полную сумму?

Демин сначала дернулся: останусь. А куда спешить-то?.. И деньги нужны: он решил снимать комнату или хотя бы койку. Но потом увидел: остаются одни детдомовские! И сразу понял: ни за что не останусь! Сказал прорабу спокойным голосом: «Не, спасибо. Я домой».

А в Скалбе все равно, конечно, пришлось подрабатывать. Только платили хуже. Потому что кто он без специальности-то? Пешка, разнорабочий, простой подросток!

После он приходил к себе в сараюху усталый, как собака, прятал деньги за дрова (с ним расплачивались каждый день, потому что это была калымная работа), падал на скрипучую раскладушку, и его начинала одолевать злость: все-таки виноват кто-то? Или вообще никто? И все, что по телевизору говорят, — это все врут? И жизнь насквозь такая?

Но Демин не хотел этого думать. Есть виноватые! Причем он Роберта как раз за главного врага не держал: ну, Роберт не Роберт, другой бы какой-нибудь появился.

И вдруг Алена! Как луна среди ночи! Во-первых, красивая. Во-вторых, современная, злая такая, резкая! Она была не Демин. Она своих врагов всех наизусть знала.

И Демин стал думать... стал понимать, что это и его враги. Что все из-за таких! А ненависти-то негражданской навалом!

И он готов был на любое воровство собаки, на любую драку. При Алене он вообще был готов на все!

Но и он «знал край». Жизнь его научила опасаться слишком вольных поступков. И он понимал, чем грозит пистоль. Хотя почти сам и затеял эту проверку: чтобы Славку взять на «слабо», чтоб Алена все увидела.

И, сидя у себя в сарае, он понимал еще одно. Если бы их, как говорится, «замели», для Алены со Славкой это были бы просто неприятности, хотя, может, и крупные, но все же лишь неприятности. Потому что родители, то, се... В общем, отобьются.

Так и они думали в принципе-то... Хотя вроде бы ни на кого не надеялись и все было честно. Но в глубине, в самой этой... в «печенке» знали: тыл есть.

Поэтому Алена со Славкой даже и не представляли, даже и не интересовались ни грамма «правовой стороной вопроса», то есть, по-русски говоря: что за это будет?

А Демин — нет! Он как мотоциклист: если попал

в аварию, то не «жигулевским» железным боком будешь ударяться, а собственной мордой!

И теперь, когда за ними началась слезка, он не знал, как ему поступить.

Но стыдно было их бросать, когда так завязаны... а может, завязли?.. И с Аленой не то что не потанцуешь, не глянешь!

Была и еще одна причина — совсем уж, наверно, странная! Которую он сам от себя держал под замком. Демин страшился потерять их уважение и снова стать человеком второго сорта, парнем «из плохой семьи».

Отчетливо виделось ему, как Алена презрительно прищурится: «Ну, я же тебе сразу говорила. Когда культуры нет...»

Утром на четвертый день расследования к Любе в кабинет зашел Сережа Камушкин. Взял стул, сел напротив, прищурился, улыбнулся...

У Сережи лицо было бледноватое такое, а глаза серо-синие, тоже бледноватые, а рост, выражаясь термином Николая Егоровича, «приземистый»... В общем, почти квадратный такой человек.

Но это был квадрат огромной силы и ловкости. И стрелял он очень достойно и быстро. И «блатную музыку» знал — не для красоты, как некоторые, а для дела...

Как-то Николай Егорович сказал Любе:

— Кстати, могу посватать.

— Была такая договоренность? — излишне спокойно осведомилась Люба.

— Ну... — Начальник развел руками. — Я мужских тайн не выдаю!

— Вас поняла. Отвечаю: сватать меня не надо, спасибо...

Разговор этот состоялся года полтора назад. И ничто не изменилось в Сереже Камушкине. Только вел он теперь какой-то подчеркнуто хороший образ жизни: режимил, не пропускал ни одной физкультуры, вообще всегда был «заряжен». Как человек простой и именно милицейский, он завоевывал Любино расположение самым надежным, самым достойным и, собственно, единственно доступным для него способом — отличным исполнением своего долга...

Итак, вошел Камушкин, улыбнулся, прищурился: — Есть, Люб, интересный факт по детям.

От Зубова поступило устное распоряжение помогать Любе чем возможно... Так что повод поговорить с ней у Сережи Камушкина был вполне законный!

— У нас в Скалбе, Люб, имеется подпольный танц-клуб. — Он полез в свою книжечку, но, заметила Люба, адрес помнил наизусть — готовился к разговору, только показывать того не хотел. — Значит, улица Речная, дом, стало быть, восемь. Бочкин Святослав Александрович.

— А почему подпольный? Может, просто танцы?

— По не совсем проверенным данным, деньги берет с молодежи!.. Самому где-то за тридцать! Выпивку разрешает. Теперь это у них называется дискотека.

Что и говорить, блокнот, который дал ей Сережа, был истинным чудом. Умел капитан Камушкин вести дознание — ясно, точно, с неумолимой твердостью. Люба никогда не видела того гражданина Бочкина С. А., содержателя детской подпольной дискотеки, а он встал из Сережиных быстрых записей как живой — во всей отвратительной красе.

Он, видно, был, этот Святослав Александрович, подлецом по призванию. Уяснив, что от него хотят, стремительно пошел в «сознанку» (только прошу это зафиксировать в протоколе, товарищ капитан!). И потом щедрыми горстями стал сыпать перед Сережей сверкающие бесстыдным предательством факты... А это ведь тоже надо «уметь» — заметить в людях столько плохого.

Люба уже несколько раз пролистала блокнот... Материал имелся — это факт. Но вот какой — неизвестно! Так биологи, вынуженные из пучин морских глубоководную сеть, рассматривают див и страшилищ: а кто они и зачем?.. Только одна фамилия мелькнула: Свинцов — тот парнишка, у которого был тир в виде человеческих фигур и самодельный, «пападельный» пистолет. Теперь он будто бы стал верховодить в целой компании ребят... Ну и что?..

Сюда же примыкал и такой факт. Некто Демин (по имени его никто никогда не звал) отлупил одного из приятелей Свинцова. История эта кончилась ничем... Почему? То ли Свинцов затаился (и тогда можно что-то предполагать). То ли Демин, как считает Бочкин, действительно угрюмый, неприятный парень.

Но ведь оценки гражданина Бочкина никак не следует принимать за объективные. Вообще за те, которыми стоит верить.

И все-таки Люба уверена была: вот среди этих сорока — пятидесяти ребят, что толклись около Бочкина, и был тот самый...

Домой она вернулась поздно. Еще и потому, что шла не торопясь, выбрав дальнюю окольную дорогу по высоковольтной трассе. Ей хотелось проветрить мозги от раздумий своих детективных... Вот тебе небо и вот дорога. И все!

Верно: ее работа требовала решительных и стремительных действий. Но требовала она и полной нето-

ропливости. Люба думала, что лучше уж медлить, чем делать приблизительное, так называемое «почти правильное». Очень дорого оно потом обходится!

Дома, переодевшись в простую и свободный сарафанчик, она вышла на улицу. Еще не дойдя до сарая, она услышала, что мать доит. Причем заканчивает, потому что струйки били не о ведро, а попадали в густую и пышную молочную пену. И от этого получался такой прекрасный звук, который никакими словами не передать, а только вот надо остановиться у раскрытой в хлев двери и слушать...

Почувствовав Любин взгляд, мать обернулась к ней — такая в меру усталая, но больше умиротворенная, какой и следует быть хозяйке по вечерам:

— Снеси там под колодец...

Люба понесла ведро по мягкой узенькой дорожке между гряд, поставила его в жестяную детскую ванну с холодной водой. Накрыла ведро крышкой и сверху положила камень — чтоб уж, как говорится, ни кот, ни кошка...

Иногда ей казалось, что она хочет выполнять только вот эту простую крестьянскую работу. И больше ничего, и больше никогда ничего в жизни. И так прожить до самой старости. И иметь мужа, спокойного, работающего, которого можно побранить, что слишком задержался у товарищей под субботу с воскресеньем.

И потом сидеть на крыльце совсем старой бабушкой и смотреть, как жизнь уходит куда-то вдаль. Она вздохнула от этих мыслей, как ото сна, и пошла опять к матери.

На веранде они разлили молоко из второго ведра по банкам — для тех дачников, которые приходили вечером за парным. И тут же сели ужинать сами — молоком да хлебом со свежим вареньем.

Мать пододвинула кружку, чтобы Люба налила еще: — Говорила тут Пономарева Татьяна... Помнишь ее?

— Тетя Таня?.. Конечно!

— Так у нее сосед... Знаешь, старик такой... Ковалев, что ли... Ну, рыжий этот? Так вот Татьяна говорит, к нему забирался будто... В заднем окошке стекло выставлено. И потом он, как из Москвы приехал, все охал, охал. Ты ничего не слыхала?

— А когда это было-то?

— Говорит, с неделю...

Странно: забрался, а он не заявил... А с другой стороны — мало! Не хотел и не заявил... Хм! А ведь я была недавно у тети Тани Пономаревой. И видела дом соседний. Правильно — старый такой, словно деревенский. Окна потому что маленькие: так раньше в деревне делали, чтобы тепло не выпускать.

Она пошла в свою комнату, разобрала постель, но не легла, а села к столу. За дощатой стенкой играл телевизор и тихо похрапывал отец... А только выключи — сейчас же проснется! Начнет шуметь: мол, что я этих копеек не заработал?! Не трогайте, я слушаю! От этого Люба никак не могла сосредоточиться, а ведь что-то крутилось в голове.

Читатель —
«Смена» —
читатель

ВИДИМОСТЬ ДЕЛА

Нужны конкретные дела! Сколько уж об этом говорится в наших комсомольских организациях, а толку не много. Взять наш город — Новый Уренгой. Город молодежный, много комсомольцев среди строителей. Проблем множество. Назову одну: нет в городе ни одного объекта, сданного без длинного перечня недоделок. Вот так мы, комсомольцы, работаем... А виновных вроде и нет. Заказчик кивает на подрядчика, подрядчик — на заказчика.

Вот взять бы городскому комсомолу под свою опеку хоть один объект и попытаться организовать там нормальную работу. Но у нас даже «Комсомольский прожектор» фактически бездействует; комсомольско-молодежные бригады отличаются от обычных только названием, а не качеством работы. Почему-то наличие и приrost так называемых КМК считаются признаком активной деятельности комсомольской организации. Но кто-нибудь анализирует деятельность этих КМК? Надеюсь, что на съезде комсомола будет поднята и эта проблема. Дело нужно, а не видимость дела!

П. АНОХИН,
строитель

СТРАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ...

Комсомол подошел к своему XX съезду. Идет широкое обсуждение проекта нового Устава ВЛКСМ, часто поднимается вопрос о порядке уплаты членских взносов. Предлагают, в частности, чтобы их удерживала бухгалтерия при выдаче зарплат, как это делается с профсоюзными взносами. Очень странно звучит такая постановка вопроса. Как же так, комсо-

молец уже не хочет обременять себя святой обязанностью регулярно платить членские взносы?! Почему коммунисты никогда не ставили и не ставят так вопрос об уплате членских взносов? А ведь комсомол, верный помощник и резерв нашей партии, должен брать пример с коммунистов.

Сергей ПАНАСЮК,
г. Херсон

НЕ ХНЫКАТЬ, А РАБОТАТЬ!

Несмотря на далеко уже не юношеский возраст, мы с женой подписываем и читаем журнал «Смена». Нас продолжают интересовать проблемы, волнующие сегодня молодежь, мы сравниваем их с теми, что приходилось решать нам, комсомольцам сороковых.

Сейчас ведется много разговоров о том, что молодежи нужно предоставлять больше самостоятельности. Очень хорошо! Но позвольте спросить, кто же этого не дает сегодня молодежи? Тут не слова нужны и призывы, а конкретные дела. Вспомню 1946 год. После демобилизации я приехал на станцию Бикин Дальневосточной железной дороги, на работу в локомотивное депо. Осенью меня избрали неосвобожденным секретарем комсомольской организации, которая насчитывала более 120 человек. Опыта комсомольской работы никакого. Трудно было? Да. Но никто не хныкал. Умели не только хорошо работать, но и отдыхать. Мы организовывали воскресники по ремонту комсомольско-молодежного локомотива. Работы, как правило, заканчивались поздно ночью; сдавали паровоз бригаде в полной исправности, а утром — снова на свои рабочие места. Ведь тогда не было двух выходных!

После работы готовили инструмент для тракторных бригад колхозов, собирали для них художественную литературу, выезжали на помощь в период сенокоса и уборки урожая. Вот это и было проявлением инициативы, самостоятельности, активности. Никто не жаловался и не надеялся, что к нам кто-то должен приехать откуда-то, организовать досуг, развеселить. Все делали сами.

Поменьше жаловаться на трудности надо, ребята, побольше работать.

Иван КРИВЕНЦОВ,
Комсомольск-на-Амуре

БУМАЖНЫЕ ПРЕГРАДЫ

Уважаемая редакция! Прочитал в 24-м номере «Смены» за прошлый год статью «Работа после работы», и у меня сложилось впечатление, что Госкомтруд СССР просто уклоняется от решения назревшей проблемы — работы по совместительству. Зачем нужны многочисленные ограничения общественной полезной трудовой деятельности? Нужно немедленно устранить все препятствия, мешающие совместительству, поощрять рабочих и служащих, выполняющих дополнительную работу.

Почему мы унижаем людей сборанием каких-то справок? Почему многим категориям работников вообще запрещают совместительство? Подобных вопросов накопилось немало... И еще такое соображение. Вот принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности; создаются трудовые кооперативы. Тут никто не регламентирует продолжительность рабочего дня «частников». Чем же хуже работник государственного предприятия, что не может поработать несколько лишних часов?

Но если нет надежды на скорое решение вопроса Госкомтрудом, может быть, следует внести дополнение в обсуждаемый сейчас проект Закона о государственном предприятии? Нужно совсем немного: разрешить руководителю предприятия принимать на работу нужных специалистов без долгой бумажной волокиты. Необходимо также дать людям возможность не искать место где-то на стороне, а работать по совместительству на своем заводе, в своей организации.

Д. МИХАЙЛОВ
Ростов-на-Дону

СПАСИБО!

Уважаемая редакция! На ваш призыв пополнять библиотеки детдомов и школ-интернатов откликнулся рабочий ремонтно-строительного участка г. Западная Двина Калининской области Малашенков Яков Сергеевич. Он передал безвозмездно Торопецкой школе-интернату Калининской области свыше трех тысяч книг художественной, научно-популярной, военно-спортивной, приключенческой литературы, а также много журналов.

Ценные издания о героях Великой Отечественной войны, героях труда оказывают большую помощь в патриотическом воспитании учащихся. Для детей эти книги — великая радость на целые десятилетия.

Яков Сергеевич побывал в школе-интернате. Беседовать с ним — одно удовольствие. Высокое знание литературы органически сочетается с доброжелательностью к детям. Он горячо убежден в правоте своего поступка, обещал еще собрать книги и передать их детям.

К. АНДРЕЕВА,
библиотекарь Торопецкой школы-интерната

Составила Е. РЯБИКИНА, Москва

Читайте в ближайших номерах:
Г. К. Жуков.
Из личного архива легендарного маршала.

XX съезд ВЛКСМ.
Итоги работы.

Ваше мнение
о бюрократах
и бюрократизме.

Военные рассказы
В. Каверина.

«Всеи жизни каяться
не хватит».
Судебный очерк.

Художник
Крамской.

Быль и вымыслы
о «Модерн Токинг».

«Не
стрелять!».
Повесть
Сергея
Иванова.

Подписка на «Смену»
не закончилась,
она продолжается.
Вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве «Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу журнал
поступает
в ограниченном
количестве.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11				12				13	
		14	15	16		17	18		
19	20			21	22	23		24	25
		26				27			
28	29			30	31			32	33
35			36				37	38	
		39					40		
41	42	43	44	45	46		47	48	
49			50	51				52	
		53				54			
55	56			57	58			59	60
		62		63			64	65	
66			67					68	
		69				70			

По горизонтали:

2. Двухмачтовое морское судно. 6. Кладовка, чулан. 11. Рыба, в которую в русском фольклоре чаще всего оборачивается водяной. 12. Одно из «изобретений» стадных животных. 13. Обычный прибор часовщика. 14. Лекарственная трава, не растущая в Африке, Новой Зеландии и Полинезии. 17. Горный инженер, еще в начале XIX века разработавший проект гранитного тоннеля через Ламанш. 19. Праздник ковбоев. 21. Лавина. 24. Самое маленькое цветковое растение. 26. Обезьяна, живущая в Западной Африке и на острове Фернандо-По. 27. «Движенья нет» — сказал мудрец брадатый. Другой смолчал — и стал пред ним ходить, сильнее бы не смог он возразить» (один из мудрецов в стихотворении А. Пушкина «Движение»). 28. Океанида, помогавшая Зевсу в борьбе с титанами. 30. Пищевая соль. 32. Старинное название дуги, излучины, колена. 35. Кули, мешки, ящики (совокупное название). 36. Город в Испании. 38. Имя композитора Мурадели. 39. Зверь на

одной из «охотничьих» картин П. Рубенса. 40. Рыба, по которой в Туве называют многие озера. 41. Изверг, мучитель. 44. Провинция на западе Аргентины. 47. Композитор, начавший оперную реформу в Вене, а завершивший ее в Париже. 49. Худой... сватается, доброму путь кажет (пословица). 51. Курорт, откуда отдыхающие ездят на экскурсии в Ворохту, Косов, Яремчу. 52. ...над головой (жилье). 53. До 1947 года — ... после — лек. 54. Озеро недалеко от впадения Иртыша в Обь. 55. Белая одежда, которую постоянно носила Марфа Тимофеевна в романе И. Тургенева «Дворянское гнездо». 57. Животное, о котором первым из европейцев узнал путешественник Г. Стенли. 59. Город в Китае. 62. Советский художник-пейзажист. 64. Заросли тундровой березы. 66. Поместье Ж. Санд. 67. Советский поэт, начавший трудовую жизнь в тринадцать лет в Иркутске билльярдным маркером. 68. Металл, к которому неравнодушна фиалка. 69. Вид «солнечных консервов». 70. Инвар (сущность).

По вертикали:

1. Владыка темного мира в славянской мифологии, ежевечерне заглатывающий солнце. 2. «Республика...» — повесть Г. Белых и Л. Пантелеева. 3. Курица с цыплятами. 4. Город на острове Новая Каледония. 5. Персонаж из «Вишневого сада» А. Чехова. 6. Стихия, скатившая героев романа «Дети капитана Гранта» Ж. Верна с Анд. 7. Японская ныряльщица за жемчугом, благодаря высокому заработку сама выбирающая себе мужа. 8. Талантливый советский киноактер. 9. Берестяной короб. 10. Хвойная ветка. 15. Туловище человека. 16. Одно из свойств, за которые ценят драгоценные камни. 18. Аллегория, метафора, эпитет (общее название). 20. Бельгийский архитектор, основу своего стиля искавший в извилистой линии, названной «Удар бича». 22. Капитан в романах Р. Сабатини. 23. Один из троянских вождей в «Илиаде» Гомера. 25. Простейший механизм. 28. Живущая у нас птица, родственница колибри. 29. Таджикское

книжное издательство. 31. Единица русского счета, равная миллиону. 33. Народ, первым подковавший лошадей. 34. Средство, в котором учительница Анна Тейлор одолела Ниагарский водопад. 36. ... и Ромул — близнецы, основавшие Рим. 37. Поэма А. Вознесенского. 42. Марка автомобиля, купленного В. Маяковским. 43. Сочетание двух гласных звуков в одном слове. 45. Вулканная жерловина. 46. Волосник, который на Руси надевали под платок. 47. Межа, линия раздела. 48. Рыбий навар. 50. Учреждение, вуз как прибежище наук. 52. Название лилии в русской поэзии. 55. Фигура, в восьми шахматных задачах А. Петрова объявляющая мат. 56. У итальянцев — сеньора, у немцев — ... 58. «Ни сна; ни отдыха измученной душе...» (жанр). 60. Колесо в ременной передаче. 61. Олицетворение победы в греческой мифологии. 63. Селение на Кавказе. 65. Одно из русских названий скрипа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Камус. 4. Эрбий. 7. Прасол. 8. Ротару. 10. ...храм... 11. Кнут. 13. Кремона. 16. ...долг. 17. Аквариум. 18. Фланг. 20. Ваниль. 21. Дезидерата. 23. Оронт. 24. Сагамихара. 26. Дионея. 29. Гмыря. 30. Карандаш. 32. Юнга. 33. Тушнова. 34. Ямал. 37. Бега. 38. Чайание. 39. Сеянец. 40. Октет. 41. «Цветы».

По вертикали:

1. ...корм. 2. ...мистраль... 3. Саламандра. 4. Эйрена. 5. Бита. 6. Йорк. 7. Павлин. 9. Ундина. 10. ...хедив... 12. Тямка. 14. Акрит. 15. «Жакерия». 18. Флеминг. 19. ...Георг... 22. Знаменосец. 23. Охвот. 24. Сакля. 25. Горбач. 26. Древляне. 27. ...нанаец. 28. Якала. 31. Шуберт. 35. Лазо. 36. Енот. 37. «Бесы».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1438)

апрель 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ
Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

На I и IV обложках —
делегаты XX съезда ВЛКСМ.

В оформлении номера использованы фотографии Сергея Ветрова, Владимира Зубрицкого, Альберта Лехмуса, Сергея Лидова, Анатолия Мелихова, Анатолия Рябко, Евгения Стецю, Наби Утарбекова, Андрея Филатова, Владимира Чейшвили, Валерия Щеколдина.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-12-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

**Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.**

© Издательство «Правда».
Смена, 1987 г.

Сдано в набор 04.03.87 г.
Подписано к печати 17.03.87 г.
А 05053. Формат 70×108/8.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 1198. Заказ № 307.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

